

Поговори со мною

Юлия Флёрис

Раннее разочарование в жизни, её жестокие уроки, не сделали из Марины чёрствую, бездушную девушку. Она, как и прежде, умеет доверять, хочет летать и мечтать. Только получив такую возможность, не успела ей насладиться. Короткие встречи и долгие воспоминания о них создали иллюзию, идеал, но встретив этот идеал вновь, будет очень больно каждый раз обжигаться, разочаровываться. Ей будет сложно понять и чем-либо оправдать поступки мужчины, которому она доверила себя, которому подчинилась, но ещё сложнее будет уйти.

Поговори со мной

Пролог

Бывают моменты, когда весь мир против тебя и ты держишься. Всем назло. Потому что иначе и быть не может! А бывает, что весь мир у твоих ног, а ты теряешься в выборе и остаёшься стоять на месте. Навсегда...

Иногда кажется, что вот-вот, последний рывок и всё будет хорошо. Да что там хорошо, хотя бы лучше, чем вчера, ведь хуже уже быть не может. Но не успеешь на секунду закрыть глаза для передышки, как всё в миг меняется, и нет времени размышлять, хуже или лучше... Нужно быстро принимать решение, действовать, выкручиваться, прогибаться под обстоятельства, чтобы они тебя не растоптали, не расплющили по стенке. Нет, не подумайте, я не жалуюсь, не умею. Скорее, хочу рассказать свою историю. Да и не то, чтобы историю, просто рассказать о своей жизни, в которой не было места детским мечтам и розовым очкам. Я просто не успела их одеть.

Школа. Чудное время, когда ты можешь мечтать, вот, наверно, только в школе я это и делала. Только мечтала не о модном платье или плеере, не о принце на белом коне. Я просила у высших сил, в существование которых верю до сих пор, чтобы маме было полегче, чтобы она не валилась с ног от усталости после тяжёлой физической работы. Мама по образованию была учителем, с красным дипломом окончила филологический факультет, преподавала русский язык и литературу. Но когда погиб отец, ей пришлось искать новую работу. То есть, сначала это была подработка, точно не знаю, но мама изредка смеялась, говоря, что она помогает поездам ездить. Наверно, правильно это называлась шпалоукладчица, но мама не любила подобный официоз, оттого и отшучивалась, рассказывая эти сказки на ночь. Это потом я поняла, что в подобной профессии романтики меньше, а, может, и вообще нет. Просто ты устаёшь как собака и не хочешь ни есть, ни разговаривать, только бы тебя до следующего утра никто не трогал.

Моя жизнь после таких событий тоже изменилась — работа по дому, стирка, уборка, готовка — ничего сложного, но всё моё. Разница лишь в том, что когда все отдыхали после уроков и домашнего задания, мне приходилось сидеть у плиты и лишь из окна наблюдать за проходящими мимо школьными годами. Но всё равно казалось, что скоро что-нибудь изменится в лучшую сторону.

Так я думала пока мама не привела в дом своего мужчину, лет на десять старше себя. Валерий Фёдорович не был плохим человеком, просто очень строгим, и мама его беспрекословно слушалась. Ей стало полегче, а моего мнения никто особо и не спрашивал. Так мы прожили ещё три года. Стали небольшой, но настоящей семьёй. Я как раз оканчивала девятый класс, когда поняла, что могу нравиться мальчикам. Не знаю, почему об этом вспомнила, наверно, то время стало переломным моментом в моей жизни.

Я не отбивалась от рук, так же хорошо училась, так же вела домашнее хозяйство, но теперь всё больше хотелось оказаться там, на улице, в кругу друзей и знакомых. Там, где веселье, улыбки, а не старческое ворчание. Вот и срывалась каждый раз как только могла. Быстро влилась в компанию, которой, по не зависящим от меня причинам сторонилась в прежние годы. Я вообще легко нахожу общий язык с людьми, как говорила моя первая учительница, обладаю природным обаянием и могу обольстить кого угодно, было бы только

моё на то желание. А после сдачи промежуточных экзаменов, было решено отметить успешно завершённый год. Приглашены были все. Не на дачу, конечно, всё же, особо зажиточных среди нас не было, да и родители многих держали в строгости, вот и договорились встретиться на городском пляже, за мостом, подальше от внешнего мира. Продукты для пикника приносили каждый свои, кто что мог, деньги не собирали, чем меня безумно порадовали. В противном случае от похода с друзьями пришлось бы отказаться: наличных в руках я не держала практически никогда. Ближе к вечеру развели костёр. Кто-то принёс домашнее вино, мальчишки напились, более слабые спали и кормили комаров, другие топтались от одного дерева к другому, пытаясь унять тошноту и головную боль. Я не пила, поэтому мне и было весело наблюдать за всем происходящим со стороны. И нет ничего удивительного в том, что я первая заметила, как к нашей компании приблизились старшеклассники. Наверно, кто-то своим старшим разболтал, где собираемся, вот они и присоединились, а я и не против.

Сразу стало веселее, теплее, потому что за смехом вечерняя прохлада так остро не ощущалась. Сердце ускорилось, когда я очередной раз встретила взглядом с Милутиным Андреем. Он нашу школу окончил года два назад, учился в институте. Я не знала в каком, да и не особо было интересно. А вот свой интерес ко мне он скрыть и не пытался. К двенадцати часам наши ряды значительно опустели, многие уже были в отключке, ведь старшеклассники заботливо предложили нам, малолеткам, водку... Чуть позже я даже поняла для чего, но на тот момент не волновалась, всё равно ведь не пила. Да и внимание Андрея было мне приятно. Видный парень из хорошей семьи, планов я на него не имела, как и предпосылок к ним, но заглядывалась при встрече, как любая друга девчонка.

— Скучаешь?

От неожиданного вопроса, да и голоса из-за спины, я дёрнулась и тут же оказалась в тёплых объятиях, надо признаться, оставить свитер дома и идти лишь в платье, было моей ошибкой — замёрзла. А уж когда поняла, чьи это руки так заботливо обхватили плечи с обеих сторон, заволновалась ещё сильнее. От Андрея приятно пахло, он тоже не был пьян, чем порадовал, да и вообще, казался нереальным, словно из другого, неведомого мне мира, мира взрослой жизни. Кое-как выкарабкавшись и присев на бревно в исходное положение, я, наконец, смогла улыбнуться и ответить.

— Не то, что бы. Просто мне уже пора, а решиться никак не могу.

— Решиться на что? — С вызовом бросил он мне, красиво изогнул бровь, а я и растаяла, засияла улыбкой.

— Ни на что. Просто здесь хорошо, а дома скучно, идти не хочется.

— Так, оставайся. — С лёгкостью решил он мою дилемму, но я отрицательно покачала головой.

— Не могу, я обещала вернуться.

Отказывалась, а самой интересно было, как всё могло бы закончиться, если бы... Тайком рассматривала его. Черты лица, силуэт, он уже брился и выглядел совсем повзрослому. Смотрел на огонь и лишь изредка на меня, расслабленный, улыбочивый.

— Ну, раз обещала. — Пожал он плечами и поднялся, подавая мне руку. — Пошли, провожу.

И мы пошли. И вот в тот вечер, в ту ночь я мечтала по-настоящему, о любви, о свадьбе, о детях... В ту ночь мечтала первый и последний раз на ближайшие четыре года. Не буду долго размусоливать... Андрей меня изнасиловал. Я не сразу заметила, что идём мы не к

мосту, а в противоположную от него сторону, и даже когда заметила, не испугалась, только уточнила, не заблудимся ли. Андрей сказал, что всё в порядке, а потом, когда ушли достаточно далеко, без лишних разговоров набросился. Не избивал, не издевался, просто обездвижил, опрокинул на землю, задрал платье и, разорвав бельё, изнасиловал. Не скажу, что чувствовала себя грязно, мерзко, я себя вообще никак не чувствовала. Полнейшая темнота и пустота. Меня никто и никогда не обижал, потому и как реагировать не знала. Он ничего не говорил, не угрожал, не предупреждал, чтобы молчала. Как только кончил, сразу встал, застегнул джинсы и, оставив меня на земле, ушёл.

Я не сразу поняла, что уже всё, что больше ничего не будет. Продолжала лежать, лишь платье обтянула, прикрывая поцарапанные о колючую иглицу ноги. Потом, наверно, плакала, я не помню... Потом просто сидела, не зная, что делать дальше, как посмотреть ему в глаза, ведь ни он, ни я, никуда не исчезнем. Почему-то не думала в тот момент, что стыдно должно быть Андрею. И, как бы не ненавидела фразу: «Отряхнулась, как курочка. и пошла дальше», но именно так всё и выглядело со стороны.

Маме ничего рассказывать не стала — ей незачем волноваться. Синяки на запястьях скрывала длинными рукавами и хотела забыть о том, что произошло, как о страшном сне, но не получилось: беременность наступила пусть и неожиданно, но вполне закономерно. Кто-то может сказать, что этого следовало ожидать, не маленькая уже, а у меня просто не было денег на таблетки для контрацепции. Стоили они немало, а такие траты для нашей семьи всегда рассматривались словно под прицелом.

Испуг, паника? Да, наверно, это именно то, что я испытала в тот момент. Растерялась, не знала, что делать, я ещё в школе учусь и тут, на тебе, подарочек. Глупость, конечно, но первым делом именно к Андрею пошла, а, собственно, к кому ещё? Он в квартире был один, улыбнулся мне как и тогда вечером, приобнял, поцеловал в щёку, успел предложить чай. А вот я концерт ломать не стала, сразу рассказала зачем пришла. Не знаю, какой реакции ждала, вообще об этом не подумала, просто поставила его в известность, а он не проникся. Как сейчас помню: я сидела за столом на кухне, а он подпирал дверной косяк. Услышав «радостную» новость, простенько пожал плечами, у него вообще всё в жизни было просто, пожевал губами, а потом посмотрел мне в глаза и сказал:

— Ну и что?

И в этот момент я почувствовала, как что-то внутри надорвалось, затрещало и лопнуло. Наверно, это была надежда. Именно она...

— Ничего. — Ответила твёрдо и ушла.

Он даже дверь не пошёл мне открывать, так и стоял в проходе. Кто-то скажет, что должна была пояснить, что беременна от него, только вот в глазах напротив я увидела что-то такое, что заставило меня промолчать. Безразличие. Ему действительно было всё равно. А когда человеку всё равно, спорить с ним бесполезно. Его родителей я знала хорошо, особенно маму, разведай она о таком событии, не стала бы нюни разводить, тут же отвела к врачу и аборт оплатила, а я так не хотела. Вообще никак не хотела.

Думаю, не стоит в подробностях пояснять, что дома был грандиозный скандал. Особенно старалась мама. За один вечер я от шалавы малолетней превратилась в проститутку и далее по наклонной. Она кричала, била меня ладонями по лицу, требовала назвать имя. Понятно, что Андрея я даже не упомянула, молчала как партизан на допросе. Опять же... бессмысленно всё это было. Тогда заступился Валерий Фёдорович, сказал, что прокормит и меня, и ребёнка. Вот от него подобного не ожидала, честно, и мама

успокоилась. На самом деле, она не всегда была такая, до смерти отца я вообще не помню, чтобы ругалась или била меня. Тяжёлая жизнь меняет людей, вот она и сломалась, поддалась. А я поддаваться не хотела.

В школу на будущий год не пошла, хотя мама меня и отговаривала, только висеть у неё на шее не собиралась, ладно сама, а тут ведь ещё и ребёнок. Поступила в педагогическое училище, по окончании должна была стать учителем начальных классов. Не самая привлекательная профессия, но в другой сфере я себя не видела. Три года пролетели незаметно, для меня так точно, головы не успевала поднимать. Опять же, маму напрягать не хотела, поэтому и сына, которого, как это не парадоксально, тоже назвала Андреем, смотрела сама. В яслях он приживался плохо, я старалась забрать его пораньше. Больше на пикники не ходила. Не хотелось. Честно.

Валерий Фёдорович умер когда я ещё не успела окончить училище. Он, как оказалось, давно болел, только никого расстраивать не хотел, и тогда мама сломалась окончательно. Меня не признавала, внука лишний раз к себе не подпускала. И, естественно, работать учительницей я не пошла. Тогда снова повезло, как раз распределения на всех не хватило. А работать устроилась официанткой. За беготню с подносом платили раза в три больше, чем в школе, да и чаевые перепадали.

Когда Андрея перевели в старшую группу и свободного времени стало больше, на полставки подрабатывала посудомойкой. Так и жили. Мама со временем становилась всё раздражительнее, на меня и смотреть не хотела. Думаю, это у неё что-то нервное. Но с удовольствием сидела с Андрюшей по выходным, бывало, и в парк его водила. Хотя я бы назвала такое общение, как «она нас терпела».

Мама никогда ничего не говорила, но с её взглядом и говорить не было нужды. Я на заочное отделение в педагогический институт поступила, выбрала инъяз, к языкам у меня всегда были способности. Работала, училась, любила своего сына. С Милютиним мы больше не виделись и, тут уже не знаю почему, но ходили слухи, что он в другой город перевёлся.

Глава 1

— Мариш, сегодня зарплата, зайди к шефу. — Шепнула Света — моя сменщица.

— Иду.

Наш шеф, Дмитрий Геннадьевич Збруев, мужчина был видный, но профессиональную дистанцию держал всегда. До сих пор благодарна, что он тогда выручил, работу дал. Понимаю, что руководствовался исключительно собственной выгодой: у меня внешние данные такие, что клиент щедрый идёт, а ему и выгодно, чтобы те, глядя на девочек, напивались и наедались, демонстрируя возможности, но благодарность моя от этого меньше не становится. Зарплату он выдавал в белых конвертах, даже в то время все понимали, что это означает, но и не смущал сей факт никого — на пенсию в наше время мало кто надеялся, вот и ходили к нему в кабинет по одному в назначенный день.

Было уже поздно, часов десять, час до закрытия. Будний день, клиентов не много, я как раз на посуде стояла. Пока домывала, задержалась, но и бросать дело на полпути в привычке не держала, поэтому и упустила момент, пришла не совсем вовремя.

— Дмитрий Геннадьевич, можно?

Я постучала. Я всегда стучала, даже когда знала, что меня ждут, сегодняшний вечер не стал исключением. Только когда вошла, поняла, что совсем уж лишняя в этом кабинете. Хотя нет, не так, в первый момент я столкнулась с молодым человеком, но уже потом, вспоминая эту встречу, признала, что это, скорее, был молодой мужчина, не иначе. Так вот,

он так посмотрел на меня, что жар мгновенно бросился в лицо. Он смотрел откровенно, открыто, словно раздел взглядом и наслаждался увиденным. Я поняла, что помешала, когда за незнакомцем разглядела напряжённого Дмитрия Геннадьевича.

— Мне позже зайти? — Спросила невозмутимо.

— Лучше завтра. — Кивнул он и на этом мучения мои закончились.

Не скажу, что за время работы в кафе не сталкивалась с подобными типами... Наглыми, дерзкими. Бывало и такое, что на стол меня усаживали, но охрана работала хорошо, а шеф перед дорогими гостями прикрывал, свою голову подставляя. Ему тоже лишние проблемы не нужны были, да и за своих подчинённых всегда горой. Но этого «типом» я не могла назвать даже будучи злой, раздражительной и с ПМС. Не могу словами описать разницу между своим восприятием тех и других, но было именно так. В тот вечер больше ничего экстраординарного не случилось, а вот на следующий день нам пришлось встретиться вновь.

— Мариш, твой столик. — Кивнула напарница.

Я ещё и обедать сесть не успела, только порцию поставила перед собой (ещё один плюс нашего кафе — бесплатные обеды). Обычно в такие моменты мы друг друга прикрываем и клиентов без проблем отдаём. Сегодня был явно не такой день. Переспрашивать, почему напарница так сделала, не стала, не конфликтный человек, да и потом пообедать можно, сегодня не было наплыва посетителей. Вышла в зал, нацепила дежурную улыбку, такую, чтобы и не вульгарная, и не тусклая, тут ведь тоже масса вариантов. Уж кому, что нужно: если богатого клиента подцепить, то улыбка должна быть призывной, если настроения нет, то хотя бы вежливой, я же, всегда пользовалась «дежурной», чтобы никого не выделять. И улыбку мою не смог сбить даже взгляд молодого мужчины, с которым, не далее как вчера, я встретилась в кабинете у шефа.

— Добрый вечер, что будете заказывать?

Сменщица уже дала меню, но, я так поняла, мужчина к нему и не притронулся, а взгляд его говорил, что меня ждёт. Не то, чтобы я специалист по чтению взглядов, скорее, это сам мужчина настолько выразительно подавал им сигналы, что перепутать с чем-либо мог только слепой.

— Добрый вечер. — Мягко улыбнулся он мне в ответ.

Именно мягко, не иначе. Вчера его улыбка была другой, более тяжёлой, что ли, многообещающей (не мне она обещала — Геннадьевичу), а сегодня он был совсем другим, и опасения я рядом с ним не испытывала, хотя шестое чувство и подсказывало, что зря.

— Вы определились с заказом?

— А можно не из меню? — Я выжидающе посмотрела и он продолжил. — У вас здесь всё культурно называется, я немного растерялся, — улыбался он, подтянул папку меню к себе ближе, полистал, — я бы заказал просто кусок хорошо прожаренного мяса, салат из овощей и картофельное пюре. Такое возможно?

— Конечно. Будете что-нибудь пить?

— Я за рулём. — Притворно вздохнул он, а я сделала вид, что пожалела. — Так что давайте чай. Чёрный.

— Хорошо. Это всё?

Никаких лишних эмоций, хотя его поведение можно было назвать соблазняющим. Им смотрел он настойчиво, хотел, чтобы я ответила тем же, спровоцировала, и в глаза заглядывал. Только мне ничего такого нужно, вот я и оставалась как всегда непроступна.

— Нет. — Жёстко ответил он и я испуганно посмотрела, забыв про блокнот и ручку,

улыбка с лица моего пропала и он понял это, поэтому более спокойно, не так настойчиво, добавил: — Не всё. Мне кажется... Марина, — глянул на бейдж, но я была уверена, что и тогда знал моё имя без подсказок, — я напугал вас вчера, не хотелось бы портить впечатление.

Он кивнул, указывая на соседний столик, который стоял чуть в тени, а там корзина цветов. Разных, но красивых, этаким идеальный букет.

— Это вам.

— Спасибо, не стоило, вы меня не напугали. Это лишнее. — Букет, конечно был безумно красивый, не у бабок под магазином купленный, но я принципиально не принимала ни цветов, ни подарков. — Я не возьму. Лучше подарите своей девушке.

— А у меня нет девушки. — Спокойно, без тени обиды или расстройства от моего отказа в голосе ответил он. — Я не настаиваю, чтобы вы забирали его сейчас, но если заберёте с собой после смены, мне будет приятно.

— Спасибо. — Кивнула я и ушла.

За что благодарила, сказать сложно, скорее, за то, что не стал настаивать, как делали другие. Но при этом отчётливо понимала, что он просто зашёл с другой стороны.

Больше никаких намёков не делал, расплатился по счёту, разве что чаевых оставил больше, чем нужно, но вот от такого я не отказывалась. Не считаю это подачкой, для меня чаевые — эта благодарность за труд и уют, который создан для клиента, и каждый сам решает, в какую сумму этот труд оценить. Цветы забирать не стала, но поставила в нашей подсобке на видном месте. Девочки оценили и активно подмигивали, мол, поклонник появился.

Но поклонник как появился, так и исчез, а вскоре началась сессия, и только через несколько месяцев, в августе, мы встретились вновь.

— Марина, твой столик.

На этот раз я успела начать обед, да и на смене была Света, а уж та не привыкла терять клиентов, даже самого занюханного студента, который считает копейки, не упустит.

— Свет, будь человеком, уже четыре, а я с утра ничего не ела. — Попыталась отказаться, но Света округлила глаза.

— Марина, это к тебе. Я предложила, но парень отказался. — Сделала она страшные глаза, словно какие-то парни именно ко мне, это норма.

— Что за парень?

Она нахмурилась, огляделась по сторонам.

— Не знаю, но последнее время часто стал появляться, тебя спрашивал, сказал, как появишься, ему позвонить.

— И ты позвонила? — Я и испугалась, и возмутилась, но не обиделась, скорее всего, просто не ожидала.

— Дура, что ли?! Я свахой не нанималась! Он же не только ко мне подкатывал, вот кто-то и сболтнул. Только ты сейчас иди, мне он не понравился. Недовольный такой, взглядом стрелы огненные мечет.

Возмущайся, не возмущайся, а идти всё равно пришлось, я и пошла. Честно, даже не удивилась, увидев знакомое лицо, но непроизвольно улыбка моя перешла грань дежурной и теперь была более приветливой. Мужчина тоже отреагировал мгновенно, уловив изменения в моём настроении, улыбнулся в ответ.

— А я безвас скучал. — Без лишних охов-вздохов оповестил он и я увидела за тем же

столиком, что и в прошлый раз, букет.

Дотронуться до меня или сделать ещё что-нибудь, что могло напугать, не пытался, чем буквально обезоружил. С такой интеллигентной, выдержанной настойчивостью, я прежде не сталкивалась, оттого и как отреагировать не знала, да и слов никаких не нашла.

— Добрый день. — Вследствие отсутствия нужных слов кивнула я, вооружилась блокнотом и ручкой. — Что будете заказывать?

— А можно как в прошлый раз?

— Мясо, салат, пюре и... Чай? — Глянула поверх блокнота и сквозь землю пожелала провалиться в это мгновение.

— Ты всё-таки помнишь? — Хитро прищурился он. Я так и поняла, что проверял, так же заметила, как с ходу перешёл на «ты», но при этом продолжала держать дистанцию.

— Это моя работа.

Я тоже начала улыбаться как дура. Клинит меня, что ли? Не могу объяснить, но когда он разговаривает, хочется улыбаться.

В отличие от навязчивых клиентов, он не дёргал за передник, за многострадальную короткую юбку, не делал пошлых намёков и не подмигивал каждый раз, заведя меня на другом конце обеденного зала. Разговаривал только если я сама подойду. Тарелку, там, сменить, или наоборот, приборы поднести. И общаться с ним было приятно. Именно разговаривать, отвечать на незамысловатые вопросы, улыбаться в ответ на шутки, чувствовать, как провожает взглядом. Но вот именно со взглядом было сложнее. Цепкий, пронзительный, он не позволял отвернуться, не позволял его проигнорировать, и в этом плане мужчина был настойчив. И так во время всего обеда. Поэтому, когда клиент уже рассчитывался, вопросу я не удивилась.

— Мариш, — ласково обратился он на себя моё внимание, не скажу, что мне это не понравилось, но насторожило точно, — не запустишь в меня подносом, если спрошу во сколько заканчиваешь?

Я замерла, в ту же секунду ожидала подвоха. Но его не последовало, как и ещё через несколько секунд, поэтому позволила себе расслабиться.

— Не запущу. — Ответила тихо, но взгляд не подняла.

Он недовольно побряхтел, как я поняла, ожидал ужимок и флирта, а тут не срослось.

— Так, во сколько заканчиваешь?

— Конец смены совпадает со временем закрытия кафе.

— Поздно. — Пожал он плечами. — Небось, от провожатых отбоя нет?

Куда клонит я отчётливо понимала, но и дерзить не смела: не в моих правилах отвечать людям вызывающе, тем более мужчинам, тем более клиентам. Не могла швырнуть салфетку на стол и вильнуть хвостом, поэтому терпеливо ждала, пока его терпение подойдёт к концу и он меня отпустит. Просчиталась.

— Я предпочитаю добираться до дома самостоятельно. — Ответила уклончиво.

— И не страшно? Такой красивой и такой незащищённой?

— У каждого свои вкусы.

Не могла дождаться, когда же он созреет для предложения к которому всё и идёт, переминалась с ноги на ногу, а вот мужчина не спешил, внимательно меня изучал.

— Понятно... — Потянул задумчиво. — Удачной смены, красавица.

После этих слов подвинул расчётник к краю стола и вышел. Почему-то я почувствовала себя душой в ещё большей степени. Губу раскатала... такие как он не смотрят на официанток

вроде меня. И пусть внешность смазливая, глаза большие и грустные, а так же правильной формы фигура с выпуклостями в нужном месте у меня есть. Только вот умения общаться с мужчинами не досталось, да и желания тоже. Глянула в витринное окно. Хмыкнула: конечно, на дорогой машине... Газанул с места и через секунду его и след простыл. А я тут мучаюсь, размышляю, как вежливее его отшить.

— Эй, чего застыла? Что этот от тебя хотел?

— Ничего не хотел, зашёл пообедать.

Света посмотрела на меня как на недалёкую, присвистнула, от некрасивого жеста пальцем у виска отказалась, но я его прочла во взгляде.

— Тогда я Альберт Эйнштейн. Познакомиться он хотел. — Выразительно кивнула, окидывая взглядом мою фигуру, к которой и сама была равнодушно. Завидовала, говорила, что жизнь несправедлива и её обделили. — Как, кстати, удачно?

— Что?

— Познакомился, говорю, удачно? Вон, пять минут как вкопанная стоишь, вслед ему смотришь. Что сказал-то?

— Да ничего не сказал. Пожелал удачной смены и уехал.

— И всё? И даже телефончик не спросил?

— А должен был?

— Гхм-гхм... по крайней мере, мог бы. Странная ты. — Добавила Света под конец, понимая, что на разговор никого не разведёт. Постояла ещё с минуту, на меня посмотрела, вздохнула погромче, так, чтобы меня на жалость пробило, протёрла столик, словно только для этого здесь и стояла, и ушла.

А вот смена прошла на удивление легко. И даже наплыв посетителей не испортил впечатление. Улыбка не сходила с лица, и я буквально танцевала между столиков. Только что танец мой был как и у Золушки, с набором грязной посуды. Вечером, как обычно, пока выручку подбили, пока убрали всё, в час уже освободились.

Улица обдавала приятной вечерней прохладой, а хорошее настроение позволяло никуда не спешить. Я даже испугаться не успела, когда шаги позади себя услышала. Обернулась и рот от удивления открыла: снова он и снова с цветами. Некоторое время так и стояли: он с букетом в руках, я с открытым ртом и немного вздёрнутой вверх сумкой, вроде как для обороны.

— Испугалась? — Мягко засмеялся, сдерживая эмоции.

Букет мне в руки всунул, приобнял за плечи и в нужную сторону развернул, вроде как рядом пристраиваясь. Мы так несколько шагов вместе сделали и только потом ко мне дар речи вернулся, да и мозги на нужное место встали. Я руку его тогда резким движением плеч сбросила, а он и не противился, даже в сторону отошёл, но шаг в шаг держался.

— Меня Марат зовут. — Сказал через какое-то время и я дёрнулась, словно впервые его увидела.

Остановилась резко, вправо метнулась, влево, по сторонам огляделась, заправила волосы за ухо, вопросительно на него посмотрела, но этот вопрос в глазах ничего не дал. Попыталась что-то сказать, а во рту пересохло. Он за всеми этими жалкими попытками наблюдал со стороны, но не добивал, не прерывал, смотрел с интересом, забавляясь такой на него реакцией. Я губы пересохшие облизала, поняла, что мне что-то мешает, увидела в руках букет и испугалась ещё больше. Тут же цветы вернула.

— Очень приятно, Марат, только не нужно ничего. Спасибо и за цветы, и за то, что

проводить решил, только...

— Эй-ей, не так быстро.

Он ускорился, стал впереди меня, перекрывая дорогу, внимательно смотрел в глаза.

— Ты не поняла. Это не: «О-о-о — цветы!» — При этом боевом кличе он закатил глаза и широко махал руками, словно пчёл гоняет этим букетом. Со стороны смотрелось забавно. — Это просто цветы. И я, не подумай, не провожаю тебя, ни в коем случае. Мы просто рядом идём.

Шутовски оглянулся по сторонам, с опаской присмотрелся ко мне и на грани слышимости, приставив ко рту ладонь, словно скрываясь от посторонних ушей на пустынном проспекте, спросил:

— Ты ведь не выкупила эту улицу, нет?

Что тут сказать, он забавный, особенно для меня, не искушённой мужским вниманием дурочки. И как только Марат понял, что его трюки работают, начал действовать более свободно. Я, как сейчас понимаю, хорошо ухватила наживку и, едва ли не впервые в своей жизни, поняла, что такое флирт. Естественно моё серьёзное лицо и решительное намерение пройти дальше не возымело должного успеха, и, естественно, он уверенно шагнул спиной назад всё так же, идя передо мной. А мне всё сложнее удавалось сдерживать предательскую улыбку. Губы расходились, растягивались в стороны и только закусывая, их удавалось удержать, хотя, я понимала, что и это действие не менее вызывающее с моей стороны. А самое главное, так это то, что я отчётливо понимала: он мне нравится. Очень.

На моей памяти было много мужчин (клиентов в кафе, которые подбивали клинья), были и молодые, и красивые, и состоятельные, на мой вкус, разумеется. Но вот так, чтобы я хотела продолжения банкета, прогоняла взглядом, а сама с замиранием сердца ждала, чтобы он остался, сказал ещё что-нибудь, вот этого не было. И мне нравились эти ощущения. Когда щекотит внизу живота от предвкушения, когда все мышцы напрягаются, чтобы запомнить, уловить момент особого, приятного, тянущего, щемящего чувства. Я смотрела на Марата, мужчину, который мог бы попробовать меня купить. Уверена, такая возможность у него была. Смотрела и сияла. Хотя бы оттого, что он не действует как все, ищет подход. Сейчас, конечно, всё знаю, а тогда, молодо-зелено, всё впервые, всё узнаёшь и теряешься от этих чувств и эмоций. Марат уже свободно шёл рядом, иногда вприпрыжку, если я ускорялась, иногда обгонял меня и заглядывал в лицо, но не дотрагивался, даже не пытался.

— Ты не хочешь со мной поговорить, нет?

— А должна?

В душе ликовала: он говорит со мной, снова! Балдею, когда слышу его голос, мужской, низкий, режущий по нервам своей лёгкой хрипотцой. И дыхание в эти моменты сбивается, но это так, первые чувства, первые впечатления.

— Не знаю, мне бы хотелось с тобой поговорить.

— Ты сам сказал, что не провожаешь меня, а просто идёшь по своим делам.

Марат резко остановился и я врезалась в него. Божественное ощущение. Горячее, жёсткое тело, о которое и разбиться можно. И руки, которые автоматически обхватили меня, ощущать на себе приятно, но я ведь вся такая недотрога и ему это, по-видимому, нравится, и мы оба начинаем играть в эту игру под названием «кто кого».

— Я ведь ещё могу забрать свои слова обратно? — Уточнил он с надеждой.

Строго покачав головой, я отступила на шаг назад, словно увидела его в новом свете. «Да», — хмыкнул мой сарказм на задворках сознания — «ты увидела его в свете уличного

фонаря». Увидела и не смогла отрицать, будто то, что вижу, приводило в неописуемый восторг.

Красивый, ухоженный, с лёгкой небритостью, которая ни капельки его не портит. Тёмные, слегка вьющиеся на концах волосы, лоб высокий, нос ровный. Статный, спортивного телосложения, которое удачно подчёркивал дорогой одеждой. Я вообще не специалист-портретист и красиво говорить не умею, но он был просто такой, какой мне мог бы понравиться. То есть он уже нравился, и не только внешне. Мне нравилась его манера держать себя, манера говорить, его подход... когда не поймёшь, он говорит серьёзно или шутит. Полюбовалась, глупо поулыбалась и обошла стороной.

— Ты разбиваешь мне сердце. — Услышала вслед, но не обернулась, пусть и очень хотела. И губу закусил до боли, потому что понимала, что с моей нерешительностью его надолго не хватит. Снова ошиблась.

— Нет, ну, это просто невозможно. Всё!

Марат обогнал, не давая мне пройти, ловил взгляд, руками очерчивал границы дозволенного, пока я не смирилась и не перестала искать пути к отступлению.

— Сдаюсь. Ты мне нравишься. И я не мимо прохожу, а хочу проводить тебя до дома. Я беспокоюсь, потому что это нормально: беспокоиться за девушку, которая тебе интересна. Я бросил машину у ресторана и теперь не знаю, как добраться назад, но ты ведь не оставишь меня в таком безвыходном положении?

Жалко мне его не было и в пламенную речь я не поверила ни на минуту, но сам по себе факт ухаживания мне льстил, особенно от такого мужчины. Да я даже с парнями толком не встречалась, а тут вдруг...

— Нет.

— Что нет? — Обрадовался он, подходя ближе.

— Не натурально сыграл отчаяние. Мы идём по прямой дороге и, вернувшись назад, ты легко найдёшь свою машину. Что-то мне подсказывает, что ты очень хорошо знаешь город, да и подкараулил не у кафе, а в переулке далековато от него. Сейчас идёшь по дороге и, не глядя, обходишь все давнишние ямы и лужи.

— Всё? — Уточнил спокойно.

— Не знаю, наверно, да.

— Тогда раскусила. — Притворно вздохнул он, но я не сомневалась, что сам хотел показать это притворство, иначе я бы его не распознала. — Но ты такая непреступная, что я даже не знаю, чем тебя привлечь. Не подскажешь, раз уж такой следопыт?

— К сожалению, я не имею опыта в обольщении самой себя.

— Зато ты опытная сердцеедка. Ну же, Марина, поговори со мной. Мне нравится, как звучит твой голос.

Я смутилась, очередной раз убеждаясь, что не умею принимать комплименты и вообще очень самокритичный человек. И, даже зная, что выгляжу хорошо, всегда боюсь опозориться, сделать что-нибудь нелепое и неуместное. Что тут скажешь... аутотренинга явно не хватает. Потому и засмутилась. Радовал только тот фат, что в темноте ночи, Марат этого не разглядит. Хотя он понял это и без света, лишь глянув на меня, на то, как я зажалась, как отвела взгляд.

— Марат, мне домой пора, правда, а ты задерживаешь. — Никакой реакции. — Пожалуйста.

— С условием, что я могу тебя проводить.

— Хорошо.

Сначала согласилась и только потом поняла, что сказала. Спину выпрямила, дыхание задержала, а он сияет, как начищенный медный самовар. Тут же обнял меня за талию. Достаточно крепко, уверенно, заранее зная, что не стану сопротивляться. И нет больше той лёгкости, теперь он прёт как танк, и существует два мнения: неверное и его. Рядом с Маратом было тепло, было уютно, если, конечно, не считать того факта, что я вздохнуть лишний раз боялась. Также, мне казалось, что он слышит каждый удар моего сумасшедшего сердца, которое сегодня явно намеревается сдать нормы ГТО.

— Марин, выдыхай, иначе до дома сегодня ты точно не дойдёшь. Для меня это, конечно, хорошо, я смогу безнаказанно прижимать тебя к себе ближе, нести на руках и всё такое, но ведь в итоге ты останешься недовольна, не так ли?

— Не так. — Капризно выдохнула я, но на самом деле злилась, что он всё чувствует, что он всё понимает, а ещё мне хотелось, чтобы эти шуточные угрозы превратились в жизнь. Мне нравились его объятия, и его запах, и его дыхание рядом. Наверно, во время влюблённости всегда так, словно в сказку попал.

— А как?

— Ты заставляешь меня волноваться и мне это не нравится.

— А ты заставляешь меня волноваться и мне это нравится. Безумно. — Добавил с придыханием, чем добил окончательно.

В этот момент настолько приблизился своим лицом к моему, что, казалось, и воздуха мало, и Марата слишком много, и что он, словно что-то мягкое, тёплое и вязкое, обволакивает меня, заставляет довериться, совершать глупости и ошибки. А я боялась ошибок. И ещё больше боялась, что всё закончиться так же прозаично, как и в предыдущий раз, когда я позволила себе мечтать.

Просто шквал, буря эмоций, только я не успела ими насладиться, как и его близостью, его обществом. Едва пересилив себя и оторвав взгляд от магнетических глаз, поняла, что уже практически дома. Тусклый свет окон второго этажа вяло приветствовал, а значит, мамы уже нет — час назад ушла на смену, а Андрей один и нужно спешить. Ловко выкрутившись из кольца рук, которые непонятным образом оказались вокруг меня, отступила на шаг.

— Только не сначала. — Покачал головой он и вот теперь трагедия в глазах была настоящей. Бессмысленная игра слов пыталась склеить ту иллюзию сказки, которая так неожиданно пропала.

— Мы пришли. — Пояснила и кивнула головой в сторону окон.

— Так, ты здесь живёшь? — Марат нахмурился, окидывая невесёлым взглядом облезлый фасад здания.

— Да, но мне нужно идти.

— Ты не идёшь, ты сбегашь. — Грустно улыбнулся он, пытаясь поймать кончики моих пальцев.

— Я не могу остаться.

— А хочешь?

— Мне пора.

— Ты не ответила ни на один вопрос.

— Не сегодня.

— Когда? — Жёсткой ухватился он за мои слова и в глазах загорелся странный лихорадочный блеск, а я и не знаю, что сказать. Не собиралась, но иначе он уже не отпустит,

а, скорее всего, я и сама не захочу уходить, поэтому, набрав в лёгкие побольше воздуха, судорожно размышляла, что ему ответить, могу ли я обещать.

— Завтра?

— Х-м... Ты у меня спрашиваешь?

— Я не знаю...

— Завтра буду ждать тебя в том дворе.

Марат кивнул головой на соседнюю площадку, которая была смежной с нашей, мгновенно приблизился, дотронулся своей щекой до моей и тут же отстранился, словно боялся, что оттолкну.

— До завтра, красавица.

— Пока.

Быстро проговорила и вихрем умчалась в свой подъезд, потому что от его слов сердце выпрыгивало из груди, а щёки горели лихорадочным румянцем. Я наверно за всю жизнь так не краснела, как за сегодняшний день. И краснеть вообще не является моей особенностью, только с ним иначе не получается. И мне важно, что он скажет и что подумает обо мне. И на тот момент я искренне верила, что Марату нужен не только секс, о котором каждый раз напоминает наш повар Михалыч, так и говорит: «секс, секс и ещё раз секс, потому как вы — бабы, ни на что другое не годны». Говорит он это, разумеется, шуткой, но мы со Светой давно поняли, что эта шутка имеет вполне себе реальное отображение в жизни.

В квартиру забежала и отдышаться не могла. Сразу же посмотрела, всё ли в порядке у сынишки, этот час, когда мама уже ушла, а я ещё не вернулась, был самым тяжёлым для меня: сердце в пятки уходило, пока добегала до дома. Только сегодня, не скрою, о другом думала. Наверно, я плохая мать, но вот, честно, не вспоминала. Поправила тонкое одеяльце, пригладила распушившиеся на подушке волосы, Андрюша недовольно побряхтел, но не проснулся. Только тогда я смогла спокойно принять душ, поужинать, потому что еда на ночь мне не грозила ни полнотой, ни несварением, и легла спать, опять же, улыбаясь. Только уснуть долго не могла. Вспоминала, что он сказал мне, правильно ли я отреагировала на подобное, наверно, только на рассвете и смогла успокоиться. А с утра, когда проспала, вспоминать об этом времени не было, всё на бегу, на лет. Сонного сына завернула в ещё не разглаженную рубашку, натянула кое-как колготы, удивительно, что не задом наперёд. Влила в моего маленького чай и поскакала в садик. Отдала малыша из рук на руки, а потом, как удар в голову: мысль о вчерашнем обещании. Поняла, что мы не оговорили время и, тем самым, я могу отступить, не прийти, но меня словно вторая я, сильная, смелая, тянула на место встречи.

Глава 3

Я порхала с подносом в руках. Глядя на меня, все только удивлялись, а вот Света продолжала сверлить взглядом. Марат появился ближе к обеду, как всегда с букетом. На этот раз был в настроении, с сияющими глазами, и не важно, что вчера пол ночи в окно смотрел, скурил пачку сигарет и истоптал пару ботинок, всё равно, увидев меня расцвёл. Или это я расцвела, а он светился изнутри? Не знаю, тогда всё это было не важно.

Отвесив парочку комплиментов, окончательно развежив меня, он ушёл, оставив чувство пустоты и утраты, зато перестали сыпаться вопросы «что?» «как?» и «почему?».

Часам к шести вечера, выдался небольшой перерыв в работе, клиенты сыты и довольны, мы со Светой при чаевых и с чашечкой кофе на кухне.

— Что скажешь? — Серьёзно начала она, а я заулыбалась, вспоминая вчерашний вечер, как он нервно топтался под машиной, бросая частые, острые как бритва взгляды, на мои окна, знал, что я смотрю из них на него, и успокоиться от этого не мог. Видела, как несколько раз порывался пройти в подъезд, но вовремя останавливался, пинал камушки, срывая на них свою злость и мстил им же за неудовлетворённое желание.

— Если скажу, что влюбилась, то что? — Не обращая внимания ни на её взгляды, ни на гримасы, я радовалась жизни.

— А если я скажу, что ты дура?

— То я пропущу это мимо ушей. — С удовольствием отмечая, что мне на всех плевать, я вытянула шею и округлила глаза.

— Марин, ты ведь понимаешь, что это не серьёзно. Он из другого города, сегодня здесь, а завтра там. Ты что будешь делать?

— Не знаю... подумаю об этом завтра.

Сделав небольшой глоток кофе, скривилась: забыла сахар, но даже это ненадолго стёрло улыбку. Я умилялась, глядя на подругу, а она бесилась, глядя на меня.

— Марин, когда у тебя такое выражение лица, меня начинает тошнить. Убери эту дебильную улыбочку!

Она скривилась как от лимона и отвернулась на всякий случай. Кажется, говорила чистую правду.

— И не думай после этого сказать, что я тебе завидую, потому что там нечему завидовать.

Дополнительно предупредила и ткнула в мою сторону пальцем.

— И в мыслях не было. Я знаю, что ты настоящая, самая лучшая и моя единственная подруга.

— Отлично, — она мученически вздохнула, — твоё дебильное настроение распространяется и на меня.

— На тебя, на Марата и даже на нашего повара Михалыча. Слушай, Свет, всё хорошо, не волнуйся за меня, я в порядке.

— Ага, я и вижу. Распинаюсь тут, открытым текстом объясняю (это так, на всякий случай, вдруг ты с катушек слетела и просто не замечаешь, что делаешь), что ему нужно только перекапаться пару ночей, неплохо бы, чтобы их скоротала такая милашка. как ты.

А ты...

— А что я? Может, я и не против?

Моргнув несколько раз так, словно впервые меня видела, Света отставила в сторону свою чашку, устроила оба локтя на столе и приготовилась внимательно слушать.

— Ох, как мы заговорили, — то ли возмутилась, то ли просто удивилась подруга. — Говори, что я пропустила?

— Ровным счётом ничего.

— Ага, не считая того факта, что наша ледяная королева оттаяла и банально хочет секса, а ещё лучше, чтобы её красиво поимели и отпустили на вольные хлеба. Я ничего не упустила?

— Не упустила. — Немного обиженно буркнула я, но тут же поняла, что в её словах что-то есть и от правды, или, может, чистая правда.

— И?

— Что?

— С чего такие перемены? Ты же понимаешь, что для такого как он, соблазнить такую девушку как ты, раз плюнуть. Он мужчина взрослый, и по тому, что я знаю, вполне состоятельный. Да его пачками такие же Марины, Маши, Кати в каждом близлежащем городе и посёлке ждут. Цветочки эти, ужимочки, улыбочки... — Она нервно взмахнула руками, указывая на цветы у стены, отрицательно покачала головой, видимо, возмущаясь моей безголовости. — Нет, ну, я не понимаю, чем он тебя взял? Ведь и посмотреть не на что! Грубый, мужлан, а смотрит так, что окаменеть можно.

— А вот с этим я даже спорить не буду, ты не права и всё!

— Да что ты... и много ты успела рассмотреть?

— Тебя интересует что-то конкретное? — Тем же провокационным тоном вернула я её вопрос, бровь одну приподняла, глянула красиво, как в фильмах. И не знала, что так умею, сама удивилась, когда отражение в зеркале увидела.

— Нет, я не о том. Он какой-то... — Света даже слов подобрать не могла, пальцами у меня перед носом щёлкала, припоминая. — Какой-то агрессивный, что ли. Вот, знаешь, волка обычно рисуют в напряжённой воинственной позе, взгляд такой, словно только на тебя и смотрит, нос сморщен, предостерегающий оскал, который он называет улыбкой. Короче, жуть.

Вдобавок её передёрнуло от воспоминания редких встреч с Матаром.

— Он не такой.

— Да, а какой? Ну, не мальчик-зайчик с обложки модного журнала так точно.

— Меня такие мальчик и не привлекали никогда.

— Ага, я помню. Такого красавчика отшила... — Простонала Света, вспоминая одного парня, который неудачно подкатил в начале лета. А мне он не понравился, даже и думать было не о чем. — А на этого запала. Нет, он, конечно, обладает животным магнетизмом, здоровой мужской сексуальной энергетикой...

— Всё, всё, ты начала говорить как сексолог из известной телепередачи, хватит. Не знаю как тебе, а мне он нравится. А внешне, так вообще, никого другого и не нужно.

И возмущалась я тут совершенно искренне, просто не понимала, как Марат может не понравиться, о вкусах, конечно, не спорят, но я глаз не могла оторвать. Только что ни себе, ни другим в этом не признавалась. И дотронуться хотелось, и его внимание ощутить, оттого сейчас и живу как в сказке.

— Ну, даёшь. А если залёт? Где искать его будешь?

— Я не собираюсь его искать. У нас ещё и не зашло так далеко, и вообще...

— Так значит не зашло. — С видом профессора хватилась она за новость. — Так, чего ты мне голову морочишь? Избавляйся от него скорее, пока ещё можно это сделать. Поверь, с ним будут сплошные неприятности.

На последних словах подруга сбавила тон и огляделась по сторонам. Мне это не понравилось и я посмотрела иначе, настойчивее, она этот взгляд уловила и смолкла.

— Ну?!

— Марин, я не хотела тебе говорить... — Её паузы бесили неимоверно, но и заставить говорить, если она не хочет, нереально, можно только искать подход, что я и делала. И взгляд ловила, и ладонь держала, а Света в пол смотрит, говорить не хочет, точнее, у неё не получается. Словно боится чего-то.

— Не хотела тебе говорить, правда, не думала, что ты поведёшься... только не такой он, каким тебе кажется.

— А какой?

— Марин, у шефа были небольшие проблемы, может, ты помнишь?

— И при чём здесь шеф?

— Да при том, что никто не знал, да и я не должна была, случайно всё вышло...

— Давай к делу, сейчас до инфаркта доведёшь, а у меня сын! — Прикрикнула я, так как этот её тон, шпионское стреляние глазами по сторонам, уже прилично раздражало.

— Да что тут, дела-то того. В общем, Геннадьевич взял тогда кредит.

— Подожди, так банки же ему отказали, разве нет? Он ещё сказал, что старый друг помог.

— Ага, — кивнула Света и посмотрела на меня как на наивное дитя. Наверно, я такая и была, не знаю, но в тот момент восприняла этот взгляд как личную глубокую обиду. — Знакомый. Как раз тот знакомый, с которым сейчас так удачно познакомилась ты. Он бандит, Марина, он деньги людям даёт под огромные проценты, ну, просто под огромные.

И если судить по величине Светкиных глаз на тот момент, то о процентах этих не стоило даже думать — поседеешь.

— И что?

— А что? Если кто отдать не может, они принимают активные меры. Кого шантажируют, кого избивают. Это опасные люди, Марина. Он к Геннадьевичу как-то уже приезжал, что-то они там не поделили, так шеф на машине ездить боялся. Чем, скажешь, Марат твой ему пригрозил?

— Мне нет никакого дела до их отношений, Света. Кто, что и кому должен... меня в это не вмешивай. Сейчас ты наверняка в этом сомневаешься, но голова на плечах у меня ещё осталась. Я знаю, что делаю, я знаю, чего хочу и как этого добиться. А сейчас я хочу его.

— Какая взрослая, мне аж страшно! — Саркастически заметила подруга и на спинку стула откинулась. — Давно раны старые зализала? Сколько после своего Андрюхи от мужиков шарахалась? Этот тебя размочил, да? Так вот, дорогая, помни мои слова: Марат этот тебя в покое, если что, не оставит. Такие, как он, всегда своего добиваются, на принцип идут, но желаемое получают. Вот и ты, смотри, не угоди в ловушку.

— Ты перечиталась детективов.

— Я, в отличие от тебя, людей насквозь вижу. И советы даю не просто так, а потому что переживаю.

Она резко склонилась над столом, ко мне приблизилась, едва ли лбами не столкнулись.

— Ну, я прошу тебя, Марина, подумай ещё разок, стоит ли оно того. Ну, нет счастья и не надо, только бы проблем лишних себе не создавать.

— Я слышала тебя, спасибо за то, что ты есть, но моё решение — это моё решение.

— А мне почему-то кажется, что он уже всё решил. За вас двоих.

Мы смолкли, а в этот момент нас уже окликнули.

— Девочки, не сидим, там люди пришли!

— Да идём уже! — Огрызнулась Света с администратором, а на меня с неподдельной жалостью посмотрела.

Я и сама знаю, что с головой в пропасть лечу, только противиться самой себе не могу и не хочу. Мне нужен такой как он, сильный, смелый, уверенный в себе. И чем занимается не важно, только бы на меня смотрел так же как и вчера, чтобы до дрожи в коленках, чтобы дыхания его как своего собственного ждать.

Не то, чтобы разговор с подругой произвёл неизгладимое впечатление, но задуматься заставил. Только вот, сколько бы я не думала, результата это не изменило. Я хотела его увидеть, приблизиться, почувствовать. Хотела, хотела... ровно до тех пор пока домой не пришла. Марат сегодня меня не встретил, наверно, к счастью. Не знаю, что бы из этого вышло. С утра как всегда: отвела сына в детский сад, по дороге домой забежала в продуктовый, купила немного мяса, овощи, Андрею небольшую шоколадку и ассорти из фруктов. Денег в семье особо не водилось, но пару раз в месяц можно было шикануть. А дома меня уже ждала мама.

После смены она не легла спать, как бывает обычно. Пока я раскладывала продукты в холодильник, молчала, пилила, жгла взглядом дыру, а когда всё разложила, отнесла пакет в коридор и вновь вернулась на кухню, чтобы приготовить обед, без разговоров ударила меня по лицу. Щёку обожгло болью, я тут же за неё схватилась, охлаждая ладонью, смотрела на маму и понимала, что та в ярости, её глаза горели, в лицо ударил жар, а губы нервно подёргивались. Я даже не спросила за что, она сама сказала, словно проклятие выплюнула.

— Когда ты успела стать такой шлюхой?! — Прокричала мама, приближаясь. Я отступила.

— Мама, ты о чём?

— О чём? Весь двор знает, а ты не знаешь?! Я не собираюсь смотреть ещё одного ублюдка, пока ты развлекаешься со своими кабелями.

От её крика меня передёрнуло, хотелось зажмуриться, проснуться, ведь я надеялась, что это страшный сон, но мама продолжала кричать и я понимала, что всё, что происходит, происходит вживую. И молила Бога за то, что Андрюша этого не слышит.

— Ты, тварь неблагодарная, всех в могилу свела и меня туда же отправить хочешь? Я чуть со стыда не сгорела, когда всё это выслушивала. Опозорила и меня, и всю нашу семью!

— Я ничего не сделала. — Попыталась сказать твёрдо, но голос дрожал, и руки дрожали, и ноги. Я не хотела всего этого слышать, но и уйти не могла.

— Не сделала? Так это я мужиков по ночам обслуживаю на глазах у всех? Или, думала, никто не увидит? Так и знай, дрянь: в подоле принесёшь, в этот раз за тебя никто не заступится, на улицу выгоню и тебя, и приبلуд твоих. В моём доме, пока я жива, вертепа не будет.

Мама уже не кричала, говорила обдуманно и осознанно и из каждого слова сочилась ненависть. Я понимала, что в чём-то была не права, знала, что виновата, но при этом просто

хотела быть счастливой. На ватных ногах вышла в свою комнату и не было сил даже заплакать, только внутри всё гудело и кричало от боли и обиды. Звонок в дверь развеял гнетущую тишину в квартире. Я нехотя отправилась открыть дверь и на пороге увидела незнакомого мне парня. Тот задорно улыбался, а мне нечем было ему ответить. Посмотрела, с трудом шевеля мозгами, не понимала, что тому от меня понадобилось.

— Марина Соловьёва? — Уточнил он. Видимо, глядя на меня, уже начал сомневаться, что пришёл по адресу, я же сомневаться продолжила, несмотря на услышанное имя.

— Да. Это я.

От некого ступора даже язык шевелился плохо, и веки я поднимала с трудом, видимо, мой организм на утреннюю сцену отреагировал более явно, чем я сама.

— Служба доставки цветов «Магнолия». — С торжествующей улыбкой отрапортовал парень и всучил мне букет, который до этого я не видела. — Распишитесь вот здесь.

Ткнул пальцем в какой-то бланк. Я черкнула что-то ослабшей рукой и закрыла дверь до того как услышала прощальные фразы. Мельком глянув на цветы, разглядела в них открытку, только прочесть не успела, мама вырвала букет из рук и сделала это сама. Прочитав, побелела, глаза бешенные, губы синюшные.

— Ах, ты, дрянь.

И в то же мгновение букетом ударила меня по лицу. Сразу же беспорядочные удары посыпались по голове, спине, плечам. Лицо я прикрывала. Естественно, биться с матерью не собиралась, не так воспитана, но и защитить себя стоило. Не помню как и что произошло дальше, только мама за косу меня схватила, а потом роскошные волосы, длиной до пояса, которыми я так гордилась, были сжаты в её кулаке, а на моей голове неровным срезом рассыпались их остатки. Букета в её руках больше не было. Вот, правда, не знаю, не видела, куда делся, а смятая картонная записка лежала на полу у моих ног. С чувством выполненного долга, мать вернулась в спальню, громко хлопнув старой рассохшейся дверью. Я записку подняла, а там одно только слово: «Хочу». Вот, значит, во что он оценил меня. Всего лишь желание, всё как и говорила Света. Похоть, страсть, желание обладать. Не скажу, что я собиралась пожертвовать своими чувствами во благо семьи, эти высокие слова не для меня, я просто сделала рациональный выбор. Так же, как и он. Собрала на кухне остатки маминого буйства, погнутые, растоптанные лепестки, листья, разбито что-то из посуды. Выбросила всё это в урну, вымыла пол. Прикрывая голову, одела майку с капюшоном, спустилась на первый этаж и позвонила в дверь под нами.

— Мариночка, ты чего? — Удивилась соседка, тепло улыбнулась, видя моё состояние тут же отступила вглубь квартиры, пропуская войти.

— Доброе утро, тётя Маша. Не разбудила?

— Да, как сказать, — пожала плечами та и отвела взгляд.

Я поняла: она слышала наш с мамой скандал. Старый дом, изоляция нулевая, а ещё и вентиляционные ходы, в общем, объяснять ей ничего не придётся. Я шагнула в квартиру, стянула с головы капюшон, терпеливо улыбнулась, глядя на то, как в шоке открывается её рот.

— Ой, что делается...

Запричитала она и сразу же потянула меня в зал, усадила на кресло. Тётя Маша была парикмахером всю свою сознательную жизнь, теперь работала на дому, считалась отличным специалистом. Мои волосы она отказывалась стричь даже после угроз, что я найду другого мастера. Только форму причёске придавала и концы подравнивала. Не позволяла ни стричь,

ни красить, советовала ограничить пользование феном.

— Ничего, девочка моя, не расстраивайся, сейчас так подстригу тебя, не наладуешься.

Так во время стрижки она и приговаривала, успокаивая меня. Работала старательно, достаточно долго. В итоге получилась вполне себе стильная стрижка, похожая на укороченное каре, мне шло, но было непривычно. Да и чёлка мешала, я её никогда не носила.

— Ну, и чего мы тут сырость собрались разводить? — Она подняла к свету моё лицо и сама смахнула слёзы. — Такая красавица получилась... Была бы я помоложе, сама бы такую стрижку носила.

— Ага, взрыв мозга.

— Ну, чего теперь уж... — Развела она руками и отошла в сторонку, позволяя мне получше себя в зеркале рассмотреть.

— Спасибо, тёть Маш, очень красиво, только вы так можете сделать. Но не то всё это, не моё.

— Отрастут. Я тебе сейчас масочку дам одну, замечательная вещь. Ты Луизу Филимоновну помнишь? Вот уж, действительно обидела человека природа, такая красивая женщина, а на голове частокол. А какая теперь шевелюра, а? А у тебя ещё лучше получится.

Она начала суетиться, шарить по многочисленным тумбам и полочкам.

— Да куда же я её поставила? А, вот! Держи! — И с гордостью протянула приличную по размерам колбу.

— Не нужно, и так отрастут. У меня и денег столько нет.

— О-о, не говори ерунды, — замахала она руками, не желая брать колбу обратно, — тебе нужнее, а мне ещё привезут. Знаешь ведь, все приличные люди стригутся. Где только не бывают и чего только не тащат, раздавать не успеваю. Бери, бери, не сомневайся. Тут всё проверено, качество, марка — всё.

Помолчав с минуту, тётя Маша посмотрела на меня с жалостью. Она всегда так смотрела, когда отца моего вспоминала, она и настояла на том, чтобы я в институт поступила. Понимала меня, советовала, вытаскивала из панциря, в котором я скрывалась от окружающего мира с самого детства. В общем, святая женщина. Посмотрела, вздохнула, к дверям меня провела, но открыла не сразу.

— Уезжала бы ты отсюда, Мариночка.

— Да ладно вам, куда я от мамы поеду?

— Жизни у тебя с ней не будет. Поверь моему опыту. Она с каждым разом хуже становится, уж не знаю, что так повлияло. Да только тебе ли жизнь свою ломать? Молодая ведь ещё, девчонка совсем.

— Спасибо за совет, — я склонила голову, понимала, что не смогу решиться и бросить её, — да и Андрей у меня... а в садик сами знаете как сейчас устроиться. И денег нет, образования толкового...

— Так я бы тебе помогла. — Ожилась тётя Маша, видя, что меня можно уговорить. — Что тебе в этом захолустье жизнь портить? В столицу, конечно, не стоит, не того ты поля ягодка, а вот в крупный областной центр, вполне возможно. Ты молодая, приспособишься. Да хотя бы и в нашу маленькую столицу. Там у меня кума заведующая детским садом, а она тебя и на работу возьмёт и сына тыстроишь. Соглашайся.

— Спасибо, не стоит. Не хочу вас обременять.

— Вот как дам тебе затрещину, ты и поймёшь, как меня обременять! Не могу видеть,

как ты здесь загибаешься. Знаю, что боишься начать, а не стоит. Твоя жизнь в твоих руках. Помни об этом, и цену себе знай. — Бросила напоследок, когда я, не дождавшись хозяйки, сама открыла все замки и уже бежала по ступенькам.

— Спасибо. — Ещё раз отблагодарила я и услышала щелчок дверного замка снизу.

Андрея из садика забрала позже обычного. Он за это полдороги на меня дулся, но узнав, что дома ждёт пир, успокоился. Мама из своей комнаты не вышла ни на обед, ни на ужин. Но мне казалось, оно и к лучшему. Не стоит Андрею бабушку в таком состоянии видеть. Он и так чувствует, что ему не рады, хотя мама себя всегда сдерживала. Но дети удивительные существа, им и говорить не нужно, они лучшие экстрасенсы, всё чувствуют. А вечером, когда я сына спать уложила, случайно в окно выглянула, а там Марат. И он меня заметил, фарами сразу же моргнул. Потом ещё раз и ещё. Я уже окно зашторила, но даже так видела блеск парных огоньков. Старалась себя пересилить, к стене отвернулась и расплакалась. Не могла больше держаться, а завтра быть слабой никак нельзя.

За последнее время наверно это выдался первый день, когда на работу я не шла как на праздник. Всю дорогу камни считала, спотыкаясь. Да и день соответствовал настроению: сыро, душно, пасмурно. Рукой, то и дело, волосы теребила, непривычно, пусть и красиво. Из того, что было, получить желаемое сложно. Свете я не стала рассказывать что и как, но моё настроение скрыть было сложно. Я не из тех людей, которые улыбаются всегда, что бы ни произошло. Не спешу делиться проблемами со всем миром, держу в себе, но и на улыбку меня не хватает. Так и сегодня, дежурная. Сразу понятно, что всё не так.

— Вы поссорились, что ли?

Подловила она меня на кухне, пока заказ ждала. Я хмыкнула.

— С чего бы?

— А что тогда? Вчера ещё доказывала мне что-то, улыбалась, сегодня молчишь, в сторону глаза отводишь.

— А ты смотри на меня меньше, может, и проблем не будет?

— Сейчас так намекаешь, что я сглазила?

— Нет, я намекаю, что это не твоё дело. — Не своим, каменным голосом ответила подруге и она проглотила эту обиду. Подбородок вверх задрала и показательно отошла в сторону.

Я в зал вернулась, а там Марат. Даже за столик не присел, в углу стоит, со стороны за всеми наблюдает. Меня увидел и улыбнулся кисло, тоже не в настроении. Не стал подзывать, к барной стойке подошёл, а я мимо продефилировала, словно и не увидела. Он только хмыкнул. Кофе заказал. В следующий раз, когда в зал вернулась, его уже не было, зато Света шныряла как метеор, от одного клиента к другому, демонстрируя обиду и явное нежелание мириться первой. Напряжение в зале я не выдержала, заказ последний принесла и вышла на задний двор подышать. На крыльцо присела, не боясь испачкаться, не до того как-то, и на землю смотрела. Через минуту рядом стоял Марат.

— Ну, привет, красавица.

Я голову подняла, против солнца на него посмотрела, прищурилась.

— Привет.

Он окинул меня внимательным взглядом, почему-то встать захотелось. Не знаю, опаска какая-то, страх, впервые почувствовала, не могу объяснить. Поднялась, с юбки пыль стряхнула, стала напротив. Мне было, что сказать, точнее говоря, я репетировала, слова готовила. А от его леденящего взгляда все они в горле застряли, да что там слова, я даже в

глаза ему посмотреть не могла, отворачивалась.

— Я с шефом твоим договорился, у тебя выходной. Переодевайся, жду в машине.

Каким-то неприятным приказным тоном отрапортовал Марат и уже уходить собирался, когда я тихо пропищала «нет». Он обернулся, казалось, даже и сам не понял зачем, а я словно чувствовала, как злобная улыбка расплзается по его лицу.

— Что? — Получилось резко.

— Я не поеду. — Так же тихо, хотя голос уже набирал силу, проговорила я, и Марат развернулся, подошёл ближе, практически вплотную. Поднял лицо за подбородок, провёл второй рукой по волосам.

— Подстриглась? Красиво. — Я понимала, что он борется с собой, чтобы не сорваться, хотя иногда голос начинал звенеть, а он вроде как улыбался. — Только с длинными мне больше нравилось.

— Мне тоже. Слушай, Марат...

— Давай не здесь, не хочу со всеми делиться. Ты как?

Попытался меня уговорить, а сам весь напряжённый, точно каменный, мышцы вибрируют, голос садится.

— Я с тобой не поеду. — Повторила твёрже и он усмехнулся. Холодно, неприятно. Так, что я всё же посмотрела в его глаза, тут же ком в горле сглотнула.

— Марин, — всё ещё терпеливо, пытаюсь дышать ровно, Марат не терял надежды, — я тебя не понимаю. Точнее, не так... я хочу понять, но не могу. Давай в спокойной обстановке всё решим. Сейчас ты капризничаешь и мне это не нравится. Дай несколько минут и всё можно будет решить. Хорошо?

Двумя руками, с нажимом, он запрокинул мою голову, надёжно удерживая лицо и шею, фиксируя в таком положении, заставил смотреть в глаза, склонился ближе, так, чтобы я вспомнила, от чего отказываюсь.

— Уходи. — Через силу выдавила из себя. — Ты мне не нужен. Я не хочу, чтобы ты дарил мне цветы, прикасался ко мне, смотрел вот так. Я боюсь тебя. Это правда, что ты бандит?

— Ах, вот оно что? — Он закусил свою губу, медленно выпуская её наружу, вот сейчас действительно стало страшно и я дёрнулась, только меня Марат не отпустил, хотя понимал, что такое положение как минимум неудобно. — Подружка напела?

— Я не хочу.

— Марин, марин, не спеши так, послушай. Я не бандит, не понимаю, кому в голову такой бред пришёл. Только к тебе это, в любом случае, никакого отношения не имеет. Ты ведь знаешь, какой я, знаешь, что не обижу. — При этом уже тёрся о мои губы своими, мои глаза закрывались, а дыхание становилось судорожным. Не от желания, от понимания того, что Марат не хочет отпускать.

Я вцепилась в его ладони, пытаюсь разжать их, но он улыбнулся, только улыбка эта на оскал походила. Выдохнул мне в губы, лбом в мой лоб упёрся и в глаза посмотрел.

— Красавица, моя, кажется, ты не догоняешь. Ты. Мне. Нужна. Это понятно?

Я кивнула.

— Отлично. Мне плевать на твоих родителей, дедушек, бабушек, и так далее по списку. Мне плевать, если у тебя есть любимый мальчик, за которого ты хочешь выйти замуж. Я всё для тебя сделаю, если ты будешь со мной. Всё. Королевой будешь. Это ты понимаешь?

— Я тебя не хочу. Ни видеть не хочу, ни слышать. Отпусти меня.

— Только сейчас это поняла, да? До этого нормально было?

— И до этого понимала. Только ты не понимаешь. Мне ничего не нужно. Ты мне не нужен. — Голос уже начинал сбиваться, а Марат сдавливал моё лицо всё сильнее. — Мне неприятен и ты, и твои подарки. Я не хочу всего этого. Не хочу!

Уже ногтями раздирала кожу на его руках, а Марат даже не скривился. Потом вдруг резко отпустил меня, так, что я даже пошатнулась, едва не упала с высокого крыльца. На пару шагов отступила и только сейчас поняла, что у меня шея огнём горит. Пока большие пальцы моё лицо сдавливали, все остальные дыхание перекрывали, передавливая шею. Тут же эти места растёрла, успокаиваясь. А он смотрит на всё это отстранённо и нет жалости, только злость, бешенство. Потом равнодушно улыбнулся, проверил, не стоит ли кто под дверью. Плотнее её прикрыл. Снова ко мне шагнул, а я отступила, он засмеялся.

— В общем так, красавица, объясняю один раз. Сейчас я ухожу, а ты подумай. Хорошо подумай. — Проговорил с нажимом, чтобы я наверняка знала, какое решение нужно принимать. — А завтра вернусь и хочу услышать твой положительный ответ.

— Ты его не услышишь.

— Не перебивай. — Рыкнул и я смолкла. — Всё равно со мной будешь, хочешь или нет. И я не отпущу. Потому что своего никогда не отпускаю.

Сразу после этих слов вошел в коридорчик, толкнув дверь ногой, а я осталась. Хоть следом беги, так противно. Меня не пугали его угрозы, чёрт, я мазохистка наверно, но мне нравилось это давление. Мне хотелось, чтобы меня так любили. И даже понимание того, что это чувства собственника, не позволяли одуматься. И его я понимала, оправдывала, потому что хотела оправдать. И общества его хотела избежать только для того, чтобы не сорваться. Пусть лучше заставит, только не эта пустота, не эта неопределённость. За меня никто и никогда не сражался. Я не знаю, что им двигает в действительности, но захожусь только от одной мысли, что можно так желать чего-то. Он сильный, он уверенный, он красивый и такой... такой мой, для меня. Не правильно это... и чувства мои неправильные. Милютин постарался, да, наверняка он. Как это грамотно назвать? Психологическая травма? Теперь другого обращения и не хочу, так? Марат любит, хочет, а я не могу ответить тем же, потому что мама дороже, потому что сын — это моя жизнь. А Марату нужна я. Могла ведь всё объяснить, только, боюсь, не поймёт. Не тот он человек, чтобы входить в положение, и мне это не подходит. Почему-то не верилось, что свои угрозы воплотит в жизнь, не посмеет, казалось, что что-то значу, хотя, с чего бы... Ясно ведь дал понять чего хочет и зачем. Не знаю, но для меня этот человек так и остался в другом свете.

В зал вернулась сама не своя. Никто ничего не понял, но и спрашивать не решались. А потом Геннадьевич меня к себе вызвал, не помню точно, что говорил, а, может, спрашивал. Помню, что домой отправил, в себя прийти. И я пошла, потому что не слышала и не видела ничего и никого вокруг. Прихожу, а мама дома. Я в свою комнату пройти хотела, а она наперерез выскочила, присмотрелась, ухмыльнулась, довольно неприятно.

— Что, ночью зарабатываешь больше, чем днём?

— Меня отпустили.

— Конечно отпустили, всех уже окрутила, потаскуха! Люди судачат, ты частенько по дворам шляешься.

— Мне всё равно, что говорят твои люди.

Мама стала в проходе.

— МНЕ не всё равно! В общем так, твои вещи я собрала, выметайся.

— Что? Ты в своём уме? Это моя квартира и я никуда не уйду.

— Это моя квартира! — Взревела мать и оттолкнула меня к коридору.

Пока я стояла ошарашенная новостью, она уже вытащила из комнаты два больших чемодана, их ещё отчим покупал, поставила передо мной.

— В коричневом твои вещи, в синем ублюдка твоего. Убирайтесь, чтобы я вас больше не видела.

— Замолчи, я не могу этого больше слушать! Андрей мой сын и твой внук, не смей его оскорблять!

— А ты на мать-то не кричи, на мать не кричи! Нос ещё не вырос, на мать голос повышать. Я сказала убирайся. Ключи оставь и чтобы духу твоего здесь не было.

— Я никуда не уйду. — По сторонам оглянулась будто в поисках поддержки. — Я никуда не уйду! — В истерике уже кричала, топнула два раза ногой, потому что не понимала, как так можно. За что, почему? Словно я не родная, словно когда-либо плохо ей сделала. Слезы бесконтрольно посыпались и я сделала шаг вперёд, мать попыталась оттолкнуть, но, видимо, шпалы укладывать это вам не подносы носить, и я через секунду оказалась всё на том же пороге.

— Мама, пожалуйста...

Хлёсткая пощёчина заставила замолчать и мать сделала выбор за нас обеих. Я не слабачка, я не хочу, чтобы меня унижал единственный родной человек, но и наступать себе на горло, терпеть такое отношение, не собиралась. Я терпела, я долго терпела, я старалась быть хорошей дочерью... Да чёрт возьми, я любила свою мать! Только потому, что она моя мать. Потому что не могла иначе. Но она изменилась, она сломалась, она стала чужая, отдалилась от меня и оставаться рядом я просто не видела смысла, поэтому ушла. Тихо, молча, подобрала те вещи, которые она выставила на порог и вышла на лестничную площадку. Не знала куда идти, не знала, что делать, а быть слабой я не могла себе позволить, потому и не расплакалась — так будет лучше для всех. Вовремя вспомнила слова соседки о том, что всегда можно попробовать себя в другом месте, может, там пригожусь, и Андрею нужен простор, он очень активный ребёнок и в нашем городке малышу очень скоро станет тесно. Ему уже тесно и он знает все площадки в округе, мы ходим на все развивающие занятия, у нас и танцы и ИЗО, ещё я хочу отдать сына в спорт, чтобы умел дать отпор если что, да, решено! Мы переезжаем в другой город. Здесь нас уже ничего не держит.

Я поймала такси, поехала на вокзал и купила два билета до ближайшего крупного города. Сдала багаж в камеру хранения, заранее вытащив из бокового кармана документы, которые мать аккуратно сложила в прозрачный файл. Сняла часть денег с карточки, зная, что моя бережливость позволит выжить некоторое время, потом вернулась в город, забрала Андрюшу и забыла. Забыла всё, что меня здесь когда-то держало, что было дорого. Обидно было только за то, что больше не увижу Марата. Так я, по крайней мере, думала тогда.

В десять вечера пришёл автобус, я сидела и смотрела в окно, как меняется пейзаж, как меняется наша жизнь, Андрюша тихо посапывал на моей груди, и было хорошо, потому что рядом с ним. Потому что я никогда не стану такой, как моя мать.

Глава 4

А в это время Марат сидел и наблюдал за окнами её квартиры. Снова. Почти каждую ночь сюда приезжал, так легче было.

Первый раз её увидел и слов не нашёл, растерялся, чего прежде не случалось. Тогда по делам в городишко заскочил, и не думал искать встречи. Остался. Потому что запал. И волосы эти светлые, и глаза серо-зелёные, которые темнеют, когда она волнуется. Яркая, сочная, как для него. Марина. Милая девочка, официантка из кафе. Марат уже давно перешёл ту черту, когда за девушкой нужно было ухаживать — сами в койку прыгали, не потому что любили безумно, хотя, и такие наверно были. Чаще потому, что хотели быть поближе к теплу, уважали за силу и за то, что слово своё держит. А за красавицей хотелось ухаживать. Её хотелось баловать и на руках носить, никакой здравый смысл не помогал одуматься. Попробовал клинья подбить, а она молчит. Напряглась вся, понятно, что через одного липнут, с такой-то мордашкой. И как только в этом захолустье такой цветочек вырос? Тогда отступил, но сам себе пообещал, что вернётся. Так и получилось, только красавицы не было. День, два, неделю. Взбесился мгновенно, нужно было хозяина этой богадельни прижать, но не хотелось через силу, пошёл в обход. К одной девочке подкатил, к другой. Кто отказался, кто сделал вид, что его не понимает и подобной информации не даёт, нашлась и такая, которая за зелёную бумажку выложила всё, что знала. Обещала позвонить, как что изменится. Время шло, неделю, не меньше, бесцельно проторчал. А потом спасительный звонок. На следующий вечер сидел за тем же столиком. Знал, что её территория. Малышка узнала, улыбнулась. Не так как в прошлый раз, более естественно и, да, она была прекрасна. Длинные белокурые волосы, сияющие в свете ламп глаза, и то, как она мило смущалась — всё обезоруживало и позволяло почувствовать себя простым смертным. Заводился с одного взгляда и хотелось большего. И грудь её почувствовать, сжать, ножки на плечи себе закинуть. Только вот девочка оказалась совсем иной. Она серьёзно смотрела, каждый раз отвечала вежливо, тактично, ровно так, как и должна услужливая официантка, ни больше, ни меньше. А ему хотелось другого, поэтому и дождался её тем вечером. Куда уже тянуть, если с ума сходишь, так хочется прикоснуться.

Марина вела себя немного отстранённо, оно и понятно, проверяла, перестраховывалась, а Марату терпения не хватало. Схватить бы её в охапку и забрать с собой, а там бы и общий язык нашли, иначе и быть не может. Но опять же, не хотел пугать, настаивать, давить. Сама должна была решиться. И после каждой встречи стена между ними уменьшалась. Марина практически сдалась при первом же поцелуе. Так забавно вела себя, как в невесомости. Расслабилась, отдаваясь на его волю, и это ощущение полной власти окончательно мозги вышибло. На всё готов был, только бы согласилась стать его девушкой. Не любовницей, не подстилкой на ночь. А именно девушкой. Такой она и должна быть, такой должна быть жена. Глядя на Марину эта мысль впервые посетила голову, и впечаталась. Стереотип, закономерность: Марина — жена. Но это он радовался, а вот девочка каждый день выкидывала новые сюрпризы. В прямом смысле. В последний раз выбросила в окно его букет.

Сам тогда не пошёл, посчитал, что всё должно быть красиво, как они любят, с пафосом,

с прелюдией. Отправил цветы с курьером, а сам наблюдал со стороны. Всё упало, когда открылось окно и букет полетел в лужу после вчерашнего дождя. Самолюбие взвинтилось до небес и не понятно как удалось его приглушить, как удержался и не пошёл к ней сам. А потом... потом увидел Марину на работе, как и договаривались. Увидел и обалдел. Смотрела на него дерзко, а в глазах посыл, причём далеко и надолго. Ухмыльнулся, переварил, поговорить решил. Только когда наедине остались сразу понял: разговора не получится. Чёртова принцесса оказалась с запросами. Не хочу ни тебя, ни твоих подарков, а у Марата всё внутри переворачивалось. В обычной ситуации плюнул бы и пошёл, всегда так было: не хочет эта — незаменимых нет, пойдёт другая, да ещё и благодарна будет. Только с Мариной все правила и все тормоза отказывали. Её хотел, с ней, оттого и пригрозил. Не любил насилия, не применял его в отношении женщин, всегда считал, что где, где, а в постели всё должно быть по обоюдному согласию. А Марина сказала «нет». Сказала и сказала, что с того, а его зацепило. Не то, что отказала, а то, что она. Всегда считал слабаками тех, кто за девками бегал, но только сейчас понял, что любовь зла. Х-м, любовь, наверно она такая, особенно если безответная. Влюбился? Он? Да! Только вот не в ту. Понял, что не хочет отступать. Через принципы свои перешагнул, надеялся, что одумается. Только девочка не появилась на работе, её не было видно у подъезда. Ещё больше разозлился оттого, что прятаться вздумала. Найдёт ведь, весь город перевернёт, а найдёт! Плюнул на всё и к ней пошёл. В звонок позвонил, но никто не отвечал. Тогда ударил дверь ногой, раз, два, она и сломалась. Как только люди в таких условиях живут?... Вошёл, на кухне видимость движения, странные звуки. Подошёл ближе: за столом с бутылкой водки и стаканом сидит женщина.

— Марина где?

Женщина лениво повернулась на грозный рык, подняла на него мутный взгляд и оскалилась.

— Что, хахель нарисовался? — К окну отвернулась. — Нет её.

— Где она?

— Свалила. Мать бросила на произвол судьбы. Вот так и расти этих неблагодарных.

— Что значит свалила? Где Марина?! — Подошёл ближе и потрянул женщину, та вроде как в себя пришла, посмотрела более осознанно.

— А ты кто?

— Дед Пихто! Марина где, я спрашиваю?

— А я знаю? Нет её. Два дня нет. Может, к мужику какому свалила...

— К какому ещё мужику?! — Тряханул её сильнее, только бы душу не вытряс, кажется, она держится в дряхлом теле на одном честном слове.

— Да к любому. Что, мало их было?

Разговаривать и дальше просто не было смысла. То, что женщина невменяемая, видно со стороны. Ты ей стакан предложи, а там и посмотрит, говорить что-либо или промолчать. Марина сбежала. Давление было ошибкой. Только искать он не захотел. Остыл вдруг, одумался. Сам не понимал, почему так вцепился, словно приворожила. А теперь знает, что рядом её нет и вроде как отпустило. Вышел из подъезда и даже оборачиваться не стал. В тот же день покинул город и больше не возвращался.

С высоты сегодняшнего полёта я понимаю где ошиблась, где оступилась, где рубила с плеча, но мало о чём жалею. Сейчас я состоялась в жизни, как мать и как педагог, но вот так, сидя перед зеркалом, глядя на своё отражение, понимаю, что мне не хватает любви. Я

знала себе цену и за те семь лет, что прожила одна, без матери, могу точно сказать, что я человек, я личность, я женщина. Мне нужна ласка, мне нужна забота и, естественно, были те, кто мне эту заботу давал. Я не хваталась как утопающий за соломинку, не верила словам, поэтому сейчас независима, по-прежнему красива, мной восхищаются окружающие. Я твёрдо могу сказать, что всё то малое, что у меня есть, заработала сама, добилась, выстрадала.

Это сначала было тяжело. Нет знакомых, нет друзей, нет даже тех, на кого можно рассчитывать в трудную минуту. А в моей жизни тогда была не минута, а день за днём и ночь за ночью. Борьба. Схватка с самим собой и с окружающей действительностью. Нет работы, нет денег, но есть сын, о котором нужно заботиться, для которого, устала ты или нет, нужно время, нужно внимание. И я старалась ради него. Три работы, пятидневка в саду, перевелась в местный ВУЗ, и понемногу справлялась.

Я не была святой невинностью, только здесь поняла, что могу жить так, как хочу, и я любила мужчин. Точнее, я пыталась себя в этом убедить. Не могла строить отношения, потому что не хотела, меня устраивал приходящий любовник, я жила для себя и сына. Никаких супов, борщей, никакой психологической поддержки, для этого были жёны и постоянные девушки. Да, меня не смущало наличие отношений с другой, меня это даже устраивало. Были любовники, которые пытались обеспечивать, были и те, которые искали выгоду, но это была другая, параллельная реальность моей жизни. Там, где я играла роль ледяной или, как говорила моя подруга, отморозенной королевы, где мне поклонялись, меня хотели, обо мне мечтали. А дома, с Андреем, я была хорошей и любящей матерью, которой для счастья больше ничего и не нужно. Вопросы о том, где наш папа не игнорировала, но старалась объяснить бережно, терпеливо, чтобы не ранить, не зарубить на корню веру в людей, в мужчин, в отцов. И сын мне верил. Он с удовольствием повторял, что у него будет самый лучший папа в мире. Потом период сладкой сказки прошёл, Андрей занялся подготовкой к школе, пошёл в первый класс и понеслась... Там уже не до отца дело стало. Я, кстати, намерено сына не устраивала к себе в школу, не хотела пересудов и сплетен. А потом и вовсе в частную гимназию работать перешла.

На сегодняшний день красивая и одинокая, я не ищу приключений и они не ищут меня. Спокойный, размеренный ритм жизни, ипотека на много лет вперёд, и надежда на светлое будущее. А это самое будущее как-то неожиданно и не очень перспективно нарисовалось на моей линии жизни. Началось всё с телефонного звонка. Как сейчас помню, был перерыв между уроками, мы с девочками пили чай в учительской, физрук спорил с трудовиком на тему футбола. Вот, меня всегда удивляло, почему даже в элитной гимназии, оба эти персонажа были такими стереотипными, словно из анекдота списанными, но это отступление. А суть вот в чём: телефонный звонок на мобильный раздался неожиданно, да и номер не знакомый. Я, при этом, едва чай на себя не пролила, так подскочила. Начала трясти сумочку, которая, на вид миниатюрная, а внутри словно бермудский треугольник и здесь никакая моя педантичность и правильность не помогает. Телефон я нашла, тут же нажала на кнопку приёма вызова и услышала тоненький такой, вежливый девичий голосок.

— Добрый день, это Марина Максимовна Соловьёва?

— Да. — Ответила я настороженно, наверно, меня что-то сразу напрягло, хотя видимых причин для тревоги не было.

— Вас беспокоит менеджер банка «Гарант инвест», вы брали у нас заём на квартиру.

— Да. — Повторила, словно попугайчик, напрягаясь всё больше от её излишней

вежливости.

— Марина Максимовна, я звоню вам по поводу просрочки платежа. — И тут я поняла, что меня так напрягло: знаю ведь, что просто так не звонят, значит, случилось что-то, но виду не подавала, сохраняя спокойствие.

— Я вас внимательно слушаю. — По жизни знаю, самое главное панику свою не показывать, уж ученики мои этому научили.

— Так вот, у вас задолженность за полгода. Когда вы планируете её погасить?

А когда девушка озвучила сумму задолженности, у меня и волосы на голове зашевелились. И это при том, что я исправно вносила все платежи и по опыту своей соседки, которая кредит в этом же банке брала, знаю, что они бьют во все колокола уже после одного дня просрочки. Всё было похоже на какой-то глупый розыгрыш, такую мысль, я, собственно, и озвучила.

— Девушка, вы меня разыгрываете?

— Марина Максимовна, вы ведь понимаете, что ответственности не избежать?

Услышала в ответ.

— Вы меня слышали? Я исправно оплачивала свои счета и у меня есть подтверждающие сей факт документы. Какие вопросы?

— Вот и замечательно. — Абсолютно никак не реагируя на повышенный тон по-прежнему, словно равнодушная машина, ответила девушка. — Тогда вы и подъезжайте к нам со всеми своими документами в любое удобное время. Банк работает с восьми до семи и с девяти до шести по выходным. До встречи.

Я и попрощаться не успела, как услышала беспардонные короткие гудки. Хотела возмутиться во весь голос, раскричаться, разбросать бумаги вокруг, демонстрируя протест, только вот никому это не нужно. А мне, так в первую очередь. Я и улыбнулась коллегам, которые теперь внимательно смотрели на меня, видимо, раскрасневшуюся, и, видимо, не скоро у меня получится потушить этот внутренний пожар возмущения.

Уроки закончила через пень-колоду, только бы побыстрее. Не хотела ни слушать, ни рассказывать, поэтому и устроила внеплановую проверку знаний. Дети в шоке, их интересует вопрос как бы списать, поэтому до меня нет никакого дела, и можно спокойно порассуждать, что могло случиться. Нет, конечно, я в себе уверена. И готова дать руку на отсечение, что это какая-то системная ошибка, но нервы-то портятся вполне реально. Я с банками вообще связываться не люблю, и если бы была немного поговорчивее, квартиру свою получила бы просто так, за красивые глазки и правильные позы в постели.

Был год назад у меня мужчина. Познакомились как раз на собрании по долевого строительству. Он, как представитель власти, я, как представитель будущего жилищного кооператива. С кооперативом и его представительством я быстро завязала, а вот знакомство осталось и переросло оно в крепкую половую связь. А та, в свою очередь, в грандиозный скандал. И, в итоге, буквально за день до того как Гаврилов подписал все необходимые документы на покупку жилплощади на моё же имя, я, как полная дура, заявила, что делить с ним личные метры не намерена и вообще меня устраивает еженедельный секс без обязательств. Что тут сказать, мужское самолюбие оказалось сильнее моих заплаканных глазок. Да, да, я плакала, потому что ипотека для меня была делом малопонятным и малоизученным, а с банками связываться, как уже упомянула, не люблю. Пришлось. Кредит оформили на удивление быстро. С моей вполне приличной заработной платой, даже поручителей всего двоих искать пришлось, да и не хоромы я покупала, и накопления были. В

итоге, вложилась в ремонт, ежемесячно отстёгивала банку кругленькую сумму и жила себе преспокойненько ровно до этого дня.

А после уроков, как оглашенная неслась домой, чтобы собственными глазами взглянуть, а не испарились ли чернила на квитанциях, мало ли какие сейчас технологии, вот и полгода задолженности выползло. Ворвалась в спальню, открыла ящик комода, в котором по привычке хранила все более-менее важные документы, убедилась в том, что я не верблюд и уже уверенно, с гордо поднятой головой вернулась в прихожую. Критическим взглядом осмотрела себя со стороны, поняла, что выгляжу, несмотря на спешку и повышенное внутричерепное давление, вполне себе прилично. Подправила макияж, маскируя блеск в проблемной зоне лица, из пышной копны волос сделала жёсткий высокий хвост, подкрасила губы яркой помадой, что в сочетании с малиновой блузой выглядело отпадно и была такова. А именно, пошла ставить на место зарвавшихся банкиров.

Естественно меня попросили немного посидеть, потом вышла всё та же милашка, что звонила — это я по голосу поняла, и даже удивилась, насколько этой внешности подходит подобный голос. Девушка была миленькая, небольшого росточка, хрупкая. На белой блузке широким узлом завязан шёлковый фиолетовый галстук, который оттенял голубые глаза и делал их цвет более глубоким. Девушка присела напротив, сложила руки как школьница перед собой. А я всё это время собиралась качать права.

— Марина Максимовна, какие документы на руках у вас есть? — Спросил божественное создание и улыбнулось.

— У меня на руках есть все документы. — Как заправская акула улыбнулась в ответ я и, не утруждая себя открыванием прозрачной папки, швырнула её на стол.

Что тут сказать, выдержка у девушки оказалась железной и улыбочка, которая начинала меня раздражать, не сползала с красивого личика. Внимательно изучив все мои квитки и документы по займу, девушка протянула бумаги обратно и отрицательно покачала головой.

— Это не то, что бы я хотела увидеть.

Мои глаза готовы были выпасть из орбит.

— Х-м, а мне уже начинает всё это нравиться!

— А вот мне, к сожалению, нет. Марина Максимовна, на вас висит долг на вполне приличную сумму, вы могли бы и воздержаться от сарказма.

— А это не сарказм, это суровая правда жизни. Я не понимаю, чего вы от меня хотите и какой такой долг пытаетесь повесить.

— Марина Максимовна...

— Давайте просто Марина, иначе мы до вечера не разберёмся. Конкретнее, пожалуйста. Когда, как и сколько я ещё взяла денег, чтобы образовался вот такой долг?

Тогда менеджер что-то пощёлкала на клавиатуре, с умным видом нашла нужную бумажку и распечатала её в двойном экземпляре.

— Пожалуйста.

Бумажку я взяла. Ну, то, что там были какие-то цифры, я и без экономического образования поняла, хотя математика никогда не была моим сильным местом, только вот они вырисовывали такие суммы, что я, оказывается, и озолотиться могла за их счёт, а сама сижу тут, проблему решаю. Не справедливо.

— Я не совсем понимаю, что это означает.

— Только то, что вы должны банку и что наше терпение истекло.

— Нет, нет. Девушка, это какая-то ошибка, давайте серьёзнее. Что это за долг и откуда

он взялся?

— Я распечатала вам образец договора.

— Но я в нём ничего не понимаю и вы этим прекрасно пользуетесь. Давайте, — я склонилась над менеджером и потыкала пальцами в особо страшные колонки под названием «индексация» и «пеня» — объясните мне.

— Если вы не разбираетесь в бумагах, то лучше вам вернуться сюда с юристом. Потому как мы такие услуги не предоставляем.

Что ещё сказать... пытались договориться мы с девушкой долго и упорно. Несмотря на всю свою ангельскую внешность, она оказалась тем ещё бараном, ни на миллиметр не уступила. И только на вопрос о начальстве ответила чётко и громко.

— Сейчас в банке ещё можно найти главного акционера и соучредителя, господина Юрченко, только он вас не примет, потому что не занимается данными вопросами.

— Ещё чего?! — Подскочив и расправив узкую юбку, возмутилась я. — Как мне его найти?

После недолгого уламывания, менеджер всё же призналась в какую сторону идти. И после шествия на короткую дистанцию по закромам местных миллионеров, я набрела на просторную и светлую приёмную. На табличке, прибитой к двери, так и написано: Юрченко М. И. Рядом с дверью, за секретарской стойкой сидит идеальная, как кукла, девушка, с идеальным маникюром, макияжем, и идеально сидящем на ней деловым костюмом. Она вскинула на меня красивые, опять же, голубые глаза, но была слишком сосредоточена, чтобы улыбаться, поэтому просто кивнула, мол, чего тебе, болезная? Рядом с такими инопланетянками, как я называла подобных красоток, чувствовала себя всегда неуютно. И не только оттого, что те были красивее и успешнее — здесь другое. Если моя красота была естественной, натуральной, то их исключительно сделанной. Всё, вплоть до выражения лица и взгляда было наигранным, таким, как было нужно для завершения того или иного дела. Но, несмотря на неприязнь к подобным особам и вообще неприятной, критической ситуации, взять себя в руки я всё же смогла и посмотрела на секретаря не менее выразительно и та изволила, мякнула.

— Вы что-то хотели?

— Нет, постоять пришла, на вас посмотреть. — Сыронизировала неудачно, потому что после этих слов секретарь хмыкнула и вернулась к своему занятию.

— Я бы хотела видеть Юрченко М. И. — Прежде чем сообщить о цели визита, кинула дополнительный взгляд на табличку, чтобы ничего не перепутать. Так и чувствовала себя уверенней, и вообще.

— По какому вопросу?

— Исключительно по рабочему.

— По рабочим вопросам он принимает в вторник и четверг с трёх до пяти..

— Значит, по личному. — Не успокаивалась я и с каждой фразой приближалась к белокурой особе всё ближе. Вот, правду говорят, с такими секретаршами и жён не нужно: два в одном, и сотрудница отличная, и любовница.

— А по личным вопросам он не принимает вообще. Девушка, вы хоть понимаете, куда пришли?

— Конечно, понимаю, я пришла к бандитам, которые пытаются развести меня на деньги. Только предупреждаю сразу, вам это не удастся! И чем скорее я переговорю с вашим начальством, тем скорее мы избавимся друг от друга.

Я совсем не ожидала, что эта особа вместо своего шефа вызовет охрану, но тут мне повезло, в соседнем зале были клиенты и на боевой клич сбежались бы люди, поэтому от меня отступили, не успев утихомирить.

— Кто пустил сюда эту истеричку? Почему вы не можете с ней справиться? — Возмущалась секретарская крыса, а вот парни, видно, будучи на моей стороне, её не поддержали.

Если совсем уж кратко, то девушку я уломала, и пусть на это ушло два часа, но она сдалась. Не сама, конечно, шеф кофе попросил я и намекнула замолвить за меня словечко. Что она ему сказала и как, я не расслышала, но то, как шеф её кричал, запомнила надолго, даже у меня в ушах звенело.

— Какого хрена? Здесь вообще кроме меня кто-нибудь работает? В шею гони всех! К Власову её, он должниками занимается!

— Власов на выезде.

— Тогда к Ольге Петровне!

— Дама только что от неё.

Рык, который издал большой начальник просто кричал о том, что тот готов сдаться и упускать такого момента я не собиралась, шагнула в кабинет сама, с разбегу швыряя на стол свою папку. Пока в кресле устраивалась, удобном, надо отметить, кресле, в кабинете воцарилась тишина. А после коротких гляделок, во время которых я думала, краснеть мне, по-привычке, или нет, ведь передо мной сидел Марат, тот самый, смотрел и свирепел на глазах, но покраснеть не успела.

— Да вы ох**ли! — Рывкнул он на всю мощь холёной глотки, рубанул ладонью по столу так, что всё на нём подпрыгнуло, а листы разлетелись, и уставился на меня нечитаемым взглядом.

Глава 5

Я-то его сразу узнала, не знаю... не изменился совсем. Только расправился в плечах, щёки отъел, более представительный, что ли, стал. Надо же, главный акционер... Только вот Марат смотрел на меня отнюдь не как на старую знакомую. Он прищурился, ожидая моей реакции, паники там, страха, трусливого бегства, но не на ту нарвался. У меня директор в гимназии и пострашнее кричит, поэтому только спину выпрямила и так же взглядом в него упёрлась, даже брови немного приподняла, демонстрируя полный пофигизм на чужие нервы. И Марат сдался, откинулся на кресле, продолжая меня изучать, присмотрелся. Я уж думала, признал знакомые черты, ведь и сама не особо изменилась, но сколько таких Марин было у него?..

— Итак, я вас слушаю. — Развёл он руками, словно это я тут резину тяну, во взгляде сарказм и издёвка. Он сильнее, это и демонстрирует.

— Это я вас слушаю. Из вашего банка мне позвонили и сообщили о задолженности за полгода.

— За полгода? — Едва ли не присвистнул он, видимо, и сам не ожидал, оттого и вперёд наклонился, слушая уже внимательнее.

— Да. Но я при этом никаких дополнительных сумм не брала, а плачу по заранее рассчитанному плану. Ваши же специалисты и рассчитывали. После звонка одного из специалистов по кредитованию, пришла, а она мне тычет каким-то документом, в котором я ничего не понимаю.

— Незнание законов не освобождает от ответственности. — Сумничал он.

— Собственный опыт? — Подметила я, взглядом выжигая татуировку, которая едва виднелась из-под манжета рубашки.

Юрченко М. И. за взглядом моим проследил, ухмыльнулся и манжет поправил.

— Большой жизненный опыт.

Тут он почему-то посмотрел на секретаря, а та подсуежилась, раскрыла бумаги, которые до этого лежали и не пользовались спросом, и с гордостью, словно собачонка перед хозяином за принесённую палочку, отчиталась:

— Марина Максимовна Соловьёва.

Я тут же завистью залилась, мне бы в гимназии так: надо же, с одного взгляда всё поняла, чудеса дрессировки, но было не до этого.

— Марина Максимовна, — послушно повторил Юрченко М. И., - к сожалению, а может быть, и к счастью, — он выразительно посмотрел на меня с уже нескрываемой издёвкой, — но я этими вопросами не занимаюсь. У нас есть руководитель отдела кредитования, есть толпа менеджеров, которые объяснят вам всё «от» и «до». Чего вы хотите от меня?

— От вас я вообще ничего не хочу. Оставьте меня в покое!

Возмутилась, потому что показалось, что он смотрел на меня так, как и прежде, раздевая взглядом. Даже рука машинально к пуговице блузки потянулась, чтобы застегнуть её. Я вовремя себя одёрнула, а Марат пакостно оскалился, правильно расценив этот жест. На секунду выпал из реальности и взгляд стал стеклянным, в следующую секунду его челюсти сжались, а щёки покраснели от напряжения.

— Документы мне по кредитной линии Соловьёвой. Срочно.

Тут уже краснеть был мой черёд и не знаю, отчего мой организм так на него реагирует? Сначала мне казалось, что такая реакция будет и на других мужчин, но нет. Я могла сидеть перед ними голая или находится в откровенной позе и было всё равно, потому что мы на равных, а здесь... Здесь, даже напялив летом шубу, чувствовала бы себя голой, настолько жадный, голодный взгляд блуждал по телу. Мы в кабинете находились вдвоём, Юрченко М. И. ситуацией откровенно наслаждался. Я тоже не показывала свою неловкость, но и сидеть с каменной от напряжения спиной больше не могла. Только вот пошевелиться лишний раз боялась, да и юбка слишком узкая и короткая, чтобы сейчас обе ноги на пол поставить. Взгляд на себя опустила и поняла, что ещё чуть чуть и кружево чулок откроется всеобщему обозрению, снова покраснела... будь проклята эта кожа! А он каждое мимолётное движение ловил, упивался им и моей неловкостью.

— Марат Игнатьевич, вот все документы.

Прервала эту паутину секретарь и раскинула перед ним папку на нужной странице. Оказалось, что там целое дело. Что, как и почему. Сейчас Марату было не до меня. Он внимательно изучал документы, изредка вытаскивая из файлов нужные и откладывая их в сторону. Включил компьютер, там выудил ещё пару нужных файлов, снова распечатал. Я уже боялась, что, как и девушка-Дюймовочка, будет показывать мне цифры, но нет, он распечатал листы исключительно для себя, их прочтением и изучением, занялся. Лицо сосредоточенное, серьёзное, пальцы не дрожат и не теребят листы бумаги. Уверенность сквозит от каждого движения, от каждого вздоха и каждого взгляда ненароком направленного на меня. Он молчал, а я, надеясь, что недоразумение уладится, терпеливо ожидала извинений. Только вот их не последовало.

Вскоре, глядя в документы, напряжение с лица Марата понемногу начало спадать, на

смену ему пришла лёгкая ухмылка, которая после сменилась широкой довольной улыбкой. Он бросил на меня несколько насмешливых взглядов, кое-что собственноручно начертил на чистом листе бумаги и тогда уже, окончательно уделил мне всё своё драгоценное внимание.

— Ну? Что? — Не выдержала я и без особого интереса взглянула в предоставленные документы.

— Ничего утешительного сказать вам, Марина Максимовна, не могу. — Не без удовольствия отчитался Юрченко М. И.

— То есть?

— То есть всё верно. Вы действительно должны нашему банку и никакой ошибки здесь нет.

— Но...

— Вот, смотрите.

Он подsunул прямо под мой нос бумаги, скрепленные степлером с одного угла.

— Это ваше заявление на предоставление необходимой суммы в валюте. Ваша подпись?

Я сглотнула, узнавая родную закорючку в виде буквы «М» и односторонней бабочки на ней справа.

— Вижу, узнаете. Вот договор, по которому нужную сумму, как указано в заявлении, для погашения основного долга, в течении десяти дней переводят на ваш счёт. Ваш счёт?

От волнения цифры поплыли перед глазами, но я уже не сомневалась, что этот счёт мой.

— Вот выписка из вашего счёта, в которой указано, что деньги поступили и автоматически были использованы для погашения части долга по ипотеке.

— Но... — У меня даже слов не находилось, только рот как у рыбы открывался и закрывался, а руки то сходились вместе, то расходились в стороны.

— Ну, а по поводу платежей по ипотеке у меня вопросов к вам нет.

«Обрадовал» он меня напоследок, и на том спасибо.

— Но... но как вы объясните, что меня так долго не уведомляли о задолженности и вообще...

— Это я лично проверю и, уверяю, при обнаружении халатности, а она, безусловно, присутствует, виновные будут наказаны и...

— Но я не брала этих денег и не писала заявления...

— Подпись ваша?! — Строже и настойчивее придавил он меня своим тоном к месту.

— Подпись — моя! Но всё равно это мошенничество. Я ничего не брала и ничего не подписывала! И если вы не исправите это как-нибудь, не знаю как, то мне придётся обратиться в суд.

После заветного слова суд, Марат утратил к разговору всякий интерес и снова принялся меня изучать-давить взглядом и авторитетом.

— Ваше право. Могу даже удачи пожелать — она вам понадобится. Только это не изменит ничего. Деньги вы получили, вы же их и потратили. Выплаты ни разу не совершили, так что и основной долг, и долг по дополнительному кредиту никуда не делся. Вы только время потеряете, упустите момент.

— Не тратьте своё красноречие, Марат Игнатьевич. — Встала я с кресла, принимая угрожающую стойку. Но это я себя так успокаивала, на самом же деле, лишь потешила его самолюбие. — Я обращусь к юристам и мы встретимся с вами в суде.

— Буду рад снова видеть вас, Марина Максимовна.

С улыбкой на губах вздохнул он мне вслед. А меня тошнило, меня наизнанку выворачивало, весь бессмысленный блеф ничуть не успокоил и не поддержал морально. Умом я понимала, что если они такую схему провернули, значит, делали это уже не раз, и знают, что перед законом чисты, а ты, будь добр, оправдывайся и заявляй, что ничего не брал, сколько хочешь. Я даже припомнила, когда могла подписать эти филькины грамоты. Примерно полгода назад меня уже приглашали в банк, уведомляли об изменении индексации, смешно, но в лучшую для меня сторону. Я и черканула, не глядя, что и к чему. Теперь не знаю, что делать. Точнее, знаю, как и говорила, с юристом проконсультируюсь, не зря работаю в элитной гимназии и числюсь там на хорошем счету. Среди родителей моих учеников кого только нет: и депутаты, и адвокаты, и судьи. Вот я и позвонила одному из таких людей, вкратце описала проблему, вечером, уже из дома, выслала электронные копии необходимых документов, которые мне заблаговременно прислали из банка бдительные сотрудники. А уже следующим утром получила вполне себе вразумительный совет идти на мировое соглашение, если такое возможно.

— Честно говоря, Марина Максимовна... не знаю, что и сказать. Марат Юрченко, он отличный финансист, давно его знаю и никогда не поверю, что он может заниматься таким мелким мошенничеством.

— Не таким уж и мелким, прошу заметить. — Сердилась я, сдвинув брови.

— Я говорю сейчас о его финансовых возможностях, дорогая. Лет десять назад, развал, разруха — вполне может быть. Мы с вами оба понимаем, что такие деньги из воздуха не делаются.

— Вот как раз-таки из воздуха они и делаются! — Бурчала я, не обращая внимание на все вразумительные доводы.

— Марина, прошу вас, успокойтесь. Я лично общался с ним по вашему вопросу.

— С Юрченко?

— Да. И он обещал поспособствовать при урегулировании конфликта.

— Поспособствовать? Да он шарлатан! Ещё и соучредитель...

— Не стоит рассуждать о том, в чём ничего не понимаешь.

— Я как раз отлично понимаю, что произошло. А вы... вы словно подыгрываете ему. Хороший знакомый, всё такое...

— Хватит. — Осадил меня юрист одним только словом. — Очень сложно и практически невозможно доказать тот факт, что вы эти деньги не брали. Вполне возможно, что такую аферу провернул именно банковский сотрудник низшего ранга. Уверяю, будет разбирательство и виновных найдут.

— Только долг мой от этого меньше не станет. — Хмыкнула я.

— И всё же. Я бы рекомендовал договариваться полюбовно.

— О чём?! О чём мы можем договориться, если он меня не слышит? Если он твердит, что я должна и всё. Что здесь можно сделать?

— Марина, Мари-на... — Останавливал меня юрист от громких высказываний в общественном месте. — Он руководитель. Долг, конечно, не спишет, но можно провести внеплановое собрание и по результатам проверки, вполне возможно, что пеню с вас снимут. Тогда будете выплачивать проценты и всё. По сути, с вас списалась часть основного долга и минуса, как такового, осталось не так много. А если вы предпочтёте обратиться в суд, то и они пойдут На принцип. Такая уж тут система. А к моменту вынесения вердикта, сумма увеличится до непомерных цифр. Вы это понимаете?

— Будьте моим представителем! — Загорелась я идеей и ухватила мужчину за руку.

— Вы меня не слушаете. — Покачал тот головой неодобрительно.

— Нет, я имею в виду, будьте моим представителем при переговорах, пожалуйста. А я позанимаюсь с вашим Олегом внепланово. Вы хотели международные отношения, если я не ошибаюсь, могу убедить его в том же (припомнила я жалобы на полное непослушание сына).

— Сожалею, но посредником в данном конфликте выступать не имею никакого юридического права. Я ведь вам ещё вчера сказал, что не работаю в этой сфере и только по дружбе согласился помочь.

— Но у меня банально нет таких денег. Вы же видели оглашённую сумму!

— Думаю, Марат Игнатьевич войдёт в ваше положение. — Успокоил меня юрист, поглаживая по ладони, а я уши развесила, улыбалась наивно. Только вся эта наивность словно ветром сдулась, когда я снова оказалась в приёмной господина Юрченко.

То, что секретарь меня игнорировала, предпочла не заметить, словно так и нужно. Конечно, она ведь знает, что моё пускание пыли в глаза прошло неудачно. Но тот факт, что и сам главный акционер прошёл мимо, не удостоив меня и взглядом, несмотря на то, что назначенное им же время завершилось более сорока минут назад, неприятно напрягло.

— Девушка, напомните Марату Игнатьевичу, что я его жду. — Теряя всякую надежду на своё подходящее к исходу терпение, улыбнулась я и вцепилась пальцами в стойку.

Та только фыркнула в ответ.

— Вы меня вообще слышите?!

— А вы меня? Марат Игнатьевич занят. Он видел вас, и когда будет готов принять, позовёт.

— Мне кажется, он никогда не будет к этому готов, но я ему помогу.

Не дожидаясь ответа и охраны, которую опытная в подобных делах секретарша вызвала одним нажатием клавиши, я шагнула в сторону кабинета большого начальства. Секунду поколебавшись, повернула ручку и открыла дверь.

— Нет, по этому поводу можешь не волноваться.

По-мужски закинув ногу на ногу, Марат сидел в своём кресле, в двух метрах от стола. Начищенные туфли сверкали в свете ламп, а его глаза просто сверкали. Как всегда. Только вот я забыла, как это приятно, наслаждаться этим блеском... На мгновение остановившись (до этого он плавно раскачивался из стороны в сторону), Марат задумался, но тут же улыбнулся, взглядом указал мне на стул напротив и продолжил разговор.

— В пятницу совет директоров, я смогу убедить их. Нет, присутствовать не обязательно.

— Марат Игнатьевич... — Капризно начала секретарь, но высказаться ей не дали.

— Дверь закрой! Нет, я не тебе. — Тут же вернулся к разговору Марат и забыл о существовании кого-либо вокруг. О существовании меня, той же самой секретарши. — В общем, всё решаемо, а сейчас извини, дела. Да, да, обязательно позову, если решусь. Ты же меня знаешь...

Он по-доброму смеялся и был другим. Не таким как со мной вчера, не таким, каким был раньше. Но полёт мыслей прервался его напряжённым молчанием. Как всегда изучающий взгляд, под которым хотелось заёрзать на стуле, лёгкая усмешка, едва касающаяся губ, а в глазах черти пляшут. Глядя на него, сразу понимаешь как это выглядит в жизни.

— Хорошие у вас знакомые, Марина Максимовна. — Выдал он, наконец, дельную мысль.

— Не жалуюсь.

— Меня вежливо попросили пойти вам на уступки. Как вы на это смотрите?

— А это будет зависеть от того, что вы предлагаете.

Его тон мне не нравился, а улыбка и подавно. Блуждающий по моему телу, немного похотливый взгляд, так, чтобы я не успела испугаться, но и не сорвалась.

— Я предлагаю уладить всё мирно. Услуга за услугу. Чейндж оф чейндж. — Намеренно сфальшивил он в произношении и меня перекосило от этих звуков.

— Такое выражение часто употребляется при спекуляции или других финансовых махинациях. — Поумничала я, а Марат рассмеялся.

Только успокоился, как снова приклеился взглядом к моему телу. Медленно, тщательно, не пропуская ни миллиметра обнажённой, открытой кожи, он поднимался от моих щиколоток, плавно, по голени, бедру, которое скрыто под юбкой, по груди, останавливаясь на вырезе зоны декольте. С лёгким подавленным смешком облизал пересохшие губы, приласкал взглядом шею, да так, что я едва ли не подставлялась под томный взор, отрывая больше пространства. А потом он уцепился за мой взгляд и полностью расслабился, не отпуская его, откинулся на спинку надёжного кресла. Увиденным остался доволен, я тоже обрадовалась такому факту и получила заряд уверенности в себе. Стерпела и его неспешные немного вальяжные движения. Внимательно наблюдала, как Марат достаёт папку из ящика стола, как всматривается в буквы, как с вызовом передаёт документ мне.

— Что это? — Спросила недоверчиво, хотя всё ещё была под магическим действием красивых серых глаз. Сейчас, глядя на него, поняла, что ничего не изменилось. Меня тянет к нему как магнитом и вот она, моя большая ошибка молодости: я отпустила от себя человека, на которого мне не всё равно.

— Договор. — Просто ответил он.

— Что здесь? — Понимая, что ничего не увижу в расплывающихся буквах, тихо прошелестела губами, взгляд на Марата уже не поднимала.

— В нём мои условия. Я ведь обещал нашему общему знакомому, что этот вопрос можно будет решить по-хорошему. Вот это и есть единственный вариант такого решения. Читай. Я не хочу, чтобы уже завтра ты кричала, что ничего не знаешь, и ничего не подписывала.

— А я ещё ничего и не подписала.

Даже не заметила, что нет уже того официального обращения на «вы», что нет его насмешливой вежливости, а голос звенит от напряжения. Я старательно пыталась сопоставить буквы одна к другой так, чтобы получилось слово. Читала и не могла понять, даже два слова, самых первых, никак не желали искать отклик в моей памяти, словно под гипнозом.

Я взглянула на Марата и застыла.

— Договор о неразглашении? — Проговорила одними губами, на что он плотоядно улыбнулся и еле уловимо кивнул, взглядом предлагая читать далее.

Прочитав ещё пару строк и густо покраснев от возмущения, я отшвырнула от себя эту папку как самую отвратительную вещь, которую когда-либо держала в руках.

— Вы в своём уме? — Прошипела, истекая ядом от злости.

Он никак не отреагировал. Хотя нет, его глаза заблестели как у сумасшедшего, а голова надменно поднялась вверх и теперь он смотрел как бы сквозь меня, пронзая взглядом, выворачивая наизнанку.

— Читай. — Приказал как своей подчинённой, нет, ещё хуже, как своей рабыне. И голос

звенел, уже не только от напряжения, но и от злости.

— Вы с ума сошли?

— Отчего же? — Непонятно чему обрадовался Марат и просто-таки засиял. Искренне удивился моему вопросу и моей реакции, сложил ладони перед собой лодочкой. — Или хочешь сказать, что я тебя узнал, а ты меня нет? А, красавица?

Слово брошенное мне, словно оскорбление, ударило больно. Нестерпимо больно, так, будто он обвинял меня в этом. То, что прежде звучало возбуждающе, будоражило сознание, теперь было точно ругательство. И у Марата хорошо получилось использовать мои эмоции против меня же.

— Пошёл к чёрту, со своими предложениями. Понял? — И именно в этот момент мой голос дрогнул. Я была слабой перед ним. Не в плане влияния и власти, я признавала в нём лидера. Неосознанно, на эмоциональном уровне. И он это почувствовал. Словно нектар выпил эти колебания, смесь страха и отвращения, оскалился.

Я подскочила, пытаюсь уйти, но и шагу не сделала.

— Давай, иди. — Бросил он насмешливо вслед. — Надеюсь, ты помнишь, что по закону, твоя квартира перейдёт банку?

И я остановилась. Развернулась на сто восемьдесят градусов и пристально посмотрела в его глаза. А там никакого раскаяния, никакой шутки или прежней издёвки. Он кипел, кипел изнутри и его неугасающая энергия выплёскивалась наружу, больно поражая меня своими ядовитыми парами. Ровный тон, равнодушный, ничего не выражающий взгляд, он меня испытывал, он хотел преклонения, полной капитуляции.

— Причём здесь квартира? По ипотеке у меня всё в порядке.

— Не смейся. — Махнул он рукой. — Ты должна рассчитаться по кредиту, иначе судебные приставы после моего обращения опишут всё имущество.

Замерла, понимая, что всё примерно так и случится.

— Умница, — произнёс Марат с особой, размазывающей меня и мою гордость по стенке, интонацией, — а теперь садись.

И я села, хотя точно не могу сказать почему. Наверно, просто ноги перестали держать. Я смотрела на человека, которого, не взирая на некоторые заскоки, считала эталоном мужчины, вспоминая которого могла улыбаться. Честно, открыто. А теперь, когда его гневный голос указывает мне на место, растаптывая самолюбие, принижая, я не могу ему возразить. Почему? И сама не знаю. Просто как в стае: он лидер, вожак, а я лишь придворная свита, которую он не обделил вниманием. И мне нравится, нравится, что он меня видит. Пусть так, пусть с высоты своего полёта, и я ненавижу себя за это!

Марат встал, а я смотрела в никуда, он постоял несколько секунд недвижимо, улыбнулся своей власти и как хищник на охоте двинулся ко мне. Я знала, что он подойдёт, знала, и от этого ничего хорошего не ожидала, но не смогла оградиться, не смогла себя защитить. И когда мужчина навис надо мной со спины, когда его локоть обхватил мою шею, а вторая рука бесцеремонно двинулась к коленкам, выглядывающим из-под юбки, не смогла ему противостоять. Только слушала тяжёлое дыхание, своё учащённое сердцебиение и глаза закрывались от его запаха и его близости.

— Завтра в десять часов вечера я жду тебя у себя. Что конкретно хочу, прописано в контракте, который ты подпишешь сейчас.

И меня вдруг отпустило, я дёрнулась, потом уже поняла, что зря, потому как локтевой захват усилился и, чтобы избежать этого и глотнуть воздуха, выгнулась дугой, отдаваясь в его

власть. Теперь он держал меня и полностью контролировал. Понял, что сопротивляюсь, оттого и взбесился, дёрнул юбку вверх, больно впиваясь пальцами в плоть. Сдвинул трусики и прорвался во внутрь, раздирая кожу ногтями. Я вскрикнула, но он придушил сильнее и такой возможности больше не было, теперь я думала только о том, чтобы вздохнуть.

— В этот раз всё будет так, как я сказал. И у тебя просто нет другого выхода. — Шипел он в моё ухо, словно проклятие. — И только попробуй дёрнуться. Или ты завтра в десять часов ляжешь в мою постель, или послезавтра в восемь утра ты окажешься на улице. Поверь, возможностей у меня на это хватит, да и желания хоть отбавляй. И потом я всё равно тебя трахну. Куплю и трахну, потому что никто тебя на работу не возьмёт. Ни в этом городе, ни в каком другом. И будешь ты, моя красавица, уличной проституткой, и иметь тебя будут бомжи, ведь большего ты стоять не сможешь. Думай, думай головой и пользуйся моей щедростью. — Потёрся носом о висок, настойчиво, вдыхая запах, прикусил кожу на скуле и только тогда ослабил хватку, позволяя вздохнуть. — Я влиятельный человек, если ты успела заметить, и многое могу тебе предложить. Так же, многого могу тебя лишить. И, да, я ошибся, выбор у тебя есть: или всё, или ничего.

На этом экзекуция подошла к концу, он резко выдернул из меня пальцы, которые до этого раздирали изнутри, отпустил шею, позволяя отдышаться, вернулся на место. Из нижнего ящика стола достал влажные салфетки и обтёр левую руку, потом эту же салфетку со злостью отшвырнул в урну. Сел на место, на меня снова уставился. Ненавижу его. И себя ненавижу за то, что уже готова согласиться. Я не слабая, не безвольная, но то, что он говорит, мне очень не нравится. Не сомневаюсь, что исполнит обещанное, только для того, чтобы мне место указать. И сейчас я решаю не только за себя, но и за сына. Эта же дилемма отобразилась и в моём взгляде, иначе с чего бы Марату так уверенно улыбаться.

— У тебя есть минута. Но если вдруг в голове осталась хоть капля мозгов, эта минута тебе не понадобится.

И перекатил ручку через весь стол. Она остановилась аккурат рядом с договором и буквально просилась в руки. А я сидела взъерошенная, с задранной юбкой, с потерянными взглядом и была готова на всё, что он предложит. Не испытывая его терпения, подписала договор в двух экземплярах, усмехнулась от его расчётливости и швырнула назад и ручку, и бумаги.

— Подавись.

Поднялась, чтобы уйти, а он снова остановил, уже мягче, но с тем же непробиваемым нажимом. Достал из визитницы карточку со своими номерами.

— Это прямой. — Пояснил он, когда я всматривалась в цифры. — Сзади написан адрес и время, если ты вдруг забудешь. Изучи свой вариант договора, тем есть масса интересного. Настойчиво рекомендую в игры со мной не играть и не испытывать терпение, оно не бесконечно.

— Когда-то я это уже слышала.

Марат прищурился и наклонился вперёд. Выглядел вполне угрожающе, но вот такого его я не боялась, и ничем тут не объяснишь мои страхи и их отсутствие.

— Видимо, плохо слушала.

— Что ты имеешь в виду? — Не поняла я ни его тона, ни угрожающего вида, а он усмехнулся.

— На сегодня ты можешь быть свободна. И чем быстрее, тем лучше. Я, между прочим, работаю. — Кивком головы указал на папки, разложенные на столе.

Напоследок я хлопнула дверь. Не попрощалась, и вообще решила полностью его игнорировать, если он животное, то я тоже могу себя так вести. Не помню как добралась домой, вдруг осознание всего пришло, и слёзы, и дрожь, которую не унять. Таксист несколько раз порывался меня в больницу отвезти. Ближе к дому успокоилась. Не то, чтобы всё прошло, просто не хочу, чтобы сын меня видел такой. Не сломленной, но растерянной. Я не такая.

Быстро справившись с ужином, проверила его уроки, хотя Андрей давно в этом не нуждался. Этим я, скорее, себя успокаивала, потому что руку жгло от бумаги договора, которую не выпускала из виду, чтобы Андрею не попалась. Так и носила с собой по квартире, как обычно делаю подготавливая учебные планы к проверке. А вечером, когда сын спал, забралась под одеяло, включила ночник и ознакомилась с предстоящими обязанностями.

Что могу сказать... Ничего особенного от меня не требовалось. Этакая гейша-совместительница. Эскорт-услуги по желанию владельца, беспрекословное выполнение приказов, особенно Марата волновала сексуальная тема, ей он не постеснялся посвятить три четвёртые части всего договора. Само собой о наших отношениях и их особенностях мне необходимо было молчать, не комментировать в обществе и не сплетничать с подругами. Со своей стороны он обязался списать мой долг, обеспечивать средствами на своё усмотрение, не покалечить. Не скажу, стандартный это договор или нет, с подобным родом отношений не сталкивалась в личной жизни, не слышала о подобном от знакомых. Оно и понятно, ведь «не разглашение».

Я не имела права ему отказать, встречи были строго нормированы по времени. Не то, чтобы как в рабочей смене, ты заканчиваешь в шестнадцать двенадцать и ни минутой позже, не совсем так. Просто на сами встречи и их продолжительность он вносил чёткий критерий, который, к слову, меня не порадовал. Максимум четыре встречи в неделю, что, согласитесь, уже не мало, с его-то взрывным характером. Преимущественно в вечернее время. При этом он обязался не задерживать меня до утра и не настаивал на совместном проживании. Переспали и разбежались. И ему удобно, и мне хорошо. Честно говоря, прочитав условия, вздохнула с облегчением. Не буду скрывать, иногда грешила чтением любовных романов, попадались тексты и с подобной тематикой, поэтому, прочитав заглавие договора и напряглась. Буду надеяться, что с головой Марат хоть иногда дружит, правда, вспоминая то, что он проделал сегодня в своём кабинете, надежды эти тают с завидным постоянством. Так же нерешённым оставался вопрос с Андреем. Он мальчик хоть и взрослый, но человеческий фактор ещё никто не отменял, поэтому мне обязательно нужен человек, который мог бы его присмотреть. Найти няню за двадцать четыре часа, да уже и того меньше, даже не рассматривалось как вариант, поэтому я пошла старым добрым способом: по соседям. Прямо с утра и начала, благо бабулек в подъезде достаточно, со всеми успела перезнакомиться. Зинаида Никитична, живущая прямо под нами, согласилась смотреть его за дополнительную плату. Ей я вполне доверяла и безумно обрадовалась, что хотя бы этот вопрос отпал.

День пролетел незаметно, да и о чём я... только о предстоящей встрече и думала. Было и боязно и интересно. Почему-то некстати вспомнила Андрея Милютину, кажется, он что-то сломал внутри меня, что-то не видимое глазу окружающих, не видимое даже для меня самой, но был в этих отношениях с Маратом и какой-то кайф, предвкушение, что ли? А под конец я вообще заклеила себя позорным званием «извращенки» и на этом вопрос закрыла.

Почему-то мне было важно ему понравиться. То есть не почему-то. Мне это действительно было важно. Его реакция, его эмоции. Ведь то, что он показал в кабинете и всё его давление, оно было с определённой целью, которую Марат достиг без труда, а вот теперь предстоял другой этап. Более длительный, более важный, более интимный. И как он планирует проводить это время, я даже не подозревала. Для встречи готовилась основательно, даже в салон на укладку забежать успела, хотя и не хотела, чтобы он видел, как стараюсь, поэтому и просила мастера, чтобы волосы и макияж выглядели естественно, без лишнего лоска. Меня поняли и прихоть исполнили идеально. Крупные локоны теперь обрамляли овал лица, дневной макияж создавал ощущение лёгкости, молодил, и пусть рядом с Маратом я и так не старуха, но всё же было важно, чтобы он восхищался, чтобы он знал, что всё это проделал не зря. Да что там, у меня даже грандиозный план по приручению этого дикаря возник. Возник он в тот самый момент, когда я поняла, что хочу его больше, чем должна хотеть в данной ситуации. Точнее, он должен вызывать у меня чувства страха и отвращения. Но как тут отвернёт, если об этом мужчине я мечтала всю сознательную жизнь? Да я вообще не знаю, что он может сделать, чтобы подобное произошло.

Вечером, предварительно отведя сына к соседке, привела себя в порядок. А так мне и с погодой повезло: с самого утра пасмурно и дождь, так что лёгкий плащ, которым я прикрою вызывающего вида платье, ни у кого подозрения не вызовет. Платье, на самом деле, вызывающее исключительно для меня, как для учительницы престижной гимназии. А на самом деле, вполне себе приличной длины, чёрное, с закрытым передом но с открытой спиной. И единственная, действительно неприличная деталь в платье, это цена. Тонкий дорогой трикотаж, изделие от известного европейского бренда. Я купила его на распродаже в Париже, отдала немислимые на тот момент деньги, и лишила себя завтраков и ужинов в одном из ресторанчиков на целую неделю, а так же ряда экскурсий и сувениров для друзей. Одевала всего один раз с ожерельем из натурального жемчуга, в ресторан, когда нужно было произвести впечатление на последнего любовника. Я вообще предпочитаю, чтобы всё просто и со вкусом, чем дёшево и броско. В одежде особых изысков не хотелось, но удержаться не смогла. Это был тот самый случай, когда говорят «моя вещь». Вот сейчас я очень на это платье надеялась. Простые чёрные туфли, ага, такие же простые как и платье, маленькая сумочка из лакированной кожи вот и весь наряд. Плащ скрыл всё это безобразие до нужной минуты и на такси я отправилась по указанному на обратной стороне визитки адресу.

Глава 6

Вопреки ожиданиям, жил Марат не в собственном доме, а в квартире, что не могло не радовать, но и не особо обнадеживало, потому что жилой комплекс был всё же на приличном удалении от центра города. Бдительная консьержка долго ко мне приценивалась, прежде чем пропустить, не знаю уж, что искала, но, видимо, ничего подозрительного не нашла. Да и вообще бабка была вылитая НКВД-ешница, только платочек и очки маскировали её под вид божьего одуванчика. Квартира на двенадцатом этаже, качественная металлическая дверь. С момента вступления в жилищный кооператив, мне пришлось вникать в подобные нюансы, поэтому знаю. Звонок стандартный, в виде птичьей трели, но не китайского исполнения, а такой, приятный, слушала бы и слушала, да и вообще, предпочла бы, чтобы хозяина дома не оказалось. На самом деле, жутко нервничала, оттого и примечала всё до последней мелочи, долго оценивая цвет стен и размышляя над тем, кто ухаживает за шикарным рядом диффенбахий на подоконниках. А к моменту, когда за дверью послышалось чёткое шевеление и признаки жизни, мне уже ничего не хотелось. И платье казалось неуместным, и цвет губ слишком ярким, и причёска... А особенно раздражали те самые диффенбахии, которыми ещё минуту назад я так восхищалась.

Марат открыл дверь и щедро наградил меня своим, на этот раз придиричивым, взглядом, пожевал губами, видимо, припоминая, вызывал он себе сегодня развлечение или не вызывал. Увиденное ему понравилось и он сделал приглашающий жест в квартиру. Сам при этом не отступил, заставляя протискиваться мимо своего горячего тела.

— Не поздороваяешься? — Спросил недовольно.

— А разве ты не знаешь, что по этикету мужчины здороваются первыми? — Изогнула я бровь и не думая показывать усиливающуюся с каждым мгновением панику.

Бросила на тумбу для обуви свою сумочку, повернулась к Марату спиной и немного приспустила плащ с плеч, жирно намекая на его помощь, от которой, надо отметить, он не отрёкся и с удовольствием предложил. Горячее дыхание коснулось изгиба шеи, кончик языка дотронулся и тут же исчез, а влажно у меня стало совсем в другом месте. Да так резко, так остро, что я едва не застонала, выдавая удовольствие.

— Рад тебя видеть, красавица. Располагайся.

И сильные руки, которые до этого придерживали меня за талию, подтолкнули тело на деревянных недвижимых ногах вперёд. Я вошла и вот сейчас мне уже было не до обстановки, ничего вокруг себя не видела, так разволновалась. Не знаю, чего ожидала, наверно, того, что он сходу набросится на меня и станет терзать всеми мыслимыми и немыслимыми способами, но Марат шёл по другому, для меня более сложному пути.

Романтического ужина, конечно, не предполагалось. Да и куда в десять-то часов? но вина предложил. К тому моменту я уже поняла, что сам Марат выпил ещё до моего прихода. Пьяным не выглядел, но дыхание с горьковатым привкусом алкоголя его выдавало. Глотнуть вино я так и не смогла, тем более, что взгляд Марата нравится мне перестал. От немного удивлённого, практически равнодушного, он превратился в плотоядный и похотливый, сопровождался соответствующей улыбочкой и уверенными широкими жестами. Он и слова мне больше не сказал — разглядывал. То с одной стороны подойдёт, то с другой, при этом,

даже не приближаясь, наслаждаясь видом издалека. Себе налил напиток потяжелее, в этом я не профи, но форма бокала была соответственная, через какое-то время закурил. Не предлагал мне сесть, а сама под его взглядом, который пропорционально сделанным глоткам становился всё тяжелее, не решалась. Он уже не раздевал меня им, он меня имел. Именно имел, другого слова я подобрать не смогла, настолько стал наглым, жёстким.

— Я вижу, ты профессионально подошла к моему предложению. — Наконец, изрёк Марат, своим хриплым после сигарет голосом разрезая время пополам.

Теперь было «до» и «после» и вот то самое «после» мне не нравилось. Не сразу дошло, что же он имел в виду. Только потом, вспомнив, что я не в привычном деловом костюме, поняла всё и сжала зубы, чтобы не ответить что-нибудь обидное. Злить его не хотелось. Точнее, хотелось, но до того как я пришла сюда. Позлить, подразнить, а вот теперь, когда мы наедине, такие глупые идеи в голове не возникают.

Он грубо затушил недокуренную сигарету о пепельницу из слоновой кости, я даже знаю кто производитель, сами нашему директору на юбилей такую же дарили. Бешенных денег стоит, мне бы такие безделушки не понадобились, а вот таким как Марат нужен статус, вот они и стараются. Одним большим глотком допил содержимое бокала и шагнул ко мне. В этот момент я испугалась. Отчётливо поняла, что боюсь его и всё снова перевернулось, изменилось.

Он чётко всё просчитал. Ему и нужна была такая реакция, чтобы я сначала расслабилась, а потом растерялась и не знала, что говорить и что делать. Так и вышло: сейчас я готова была бежать, сопротивляться, отбиваться от нежеланных прикосновений. И вот, дура такая, с одной стороны хочу его, он меня возбуждает, а как до активных действий дошли, в которых нужно проявить себя, так я в кусты. В прямом смысле. Так я и шагала назад, отступая, пока до стены не дошла, а он остановился напротив, улыбнулся многообещающе, но для меня эта улыбка, опять же, была пугающей, и взглядом указал направление. Только тогда я увидела, что квартира была двух уровневой и лестница в углу, и парапет по одной из стен комнат.

— Прошу. — Поторапливал Марат, не особо заботясь о сохранности моей нервной системы.

И я пошла, а он сзади, за мной. Ни на шаг не отстаёт, дышит в затылок, наверняка знает, как это нервирует. Я обернулась, посмотрела с укором, а он руками развёл, вроде как не понимает в чём дело.

— Ты мне сейчас на пятки наступать начнёшь.

— Тебя смущает моя близость? — «Удивился» он.

— Она меня напрягает.

— А ты так не волнуйся, сейчас я тебя расслаблю.

Я закрыла глаза и плотно сомкнула губы, он меня начинал бесить своими издевательскими намёками. После этого выдавила из себя улыбку, развернулась и пошла дальше, а Марат всё же отступил, правда, потом я поняла, что это была моя очередная ошибка. Лестница. Мне предстояла ещё лестница на второй этаж, и теперь виляющая, обтянутая чёрной тканью попа, была полностью открыта для его удовольствия. Не то, чтобы я сомневалась в качестве своей фигуры, просто осознания того кто и, вероятно, как, на неё смотрит, заставило меня плавиться. И результат таких метаморфоз тут же отображался и на моём лице. Хорошо ещё, что волосы распустила, а не заплела в хвост. Надеюсь, от ушей они не загорятся, хотя температура вполне позволяет.

Как только устрашающая лестница закончилась и я оторвала взгляд от ступенек, задержала дыхание. Собственно, второй этаж — это и была спальня. Огромная, в таком случае можно сказать, как аэродром, кровать, пара аскетичных тумбочек и пара полочек. Никаких личных вещей, ничего, что могло бы рассказать о хозяине комнаты. Хотя, возможно, он таким и был: холодным и не обжитым, точно как и его спальня. В разных углах две двери, как я поняла по одной — ванная комната, вторая, с прозрачным центром и поддерживающей основой по периметру — гардеробная.

Обогнув застывшую меня на лестнице, Марат свободно прошёл вперёд и вальяжно уселся на кровать, широко расставив ноги, ладонями упёрся за собой, таким образом отклоняясь назад.

— Раздевайся. — Кинул мне и начал смотреть ещё более пристально.

А вот меня трухануло, подбросило и начало трясти не по-детски. Я и слово-то такое забыла, потому и стояла как и прежде, не проявляя признаков жизни.

— Ты хочешь, чтобы я тебе помог? — Усмехнулся он, а у меня кроме как внутреннего возмущения, все остальные признаки дееспособности отказали.

Моя полная бездейственность неожиданно его разозлила и тон из насмешливого превратился в нравоучительный. Он глубоко вздохнул, успокаиваясь, перевёл руки, устраивая их по обеим сторонам от собственного тела, я видела, как сжались кулаки.

— Мариш, дорогая, я же давал тебе вчера договор? — Я моргнула, пытаюсь сообразить, что от меня хотят, но ни мысли, ни взгляд, не прояснились. — Отвечай! — Крикнул Марат и я на месте подпрыгнула, дёрнулась всем телом, но не сдвинулась, только ещё больше зажалась, как первый раз замужем, честное слово. Только вот этот его взгляд, убивающий, забирающий все жизненные силы, это он во всём виноват.

— Давал. — Ответила и свой голос не узнала, а Марат напрягся.

— Так вот, — продолжил в прежнем нравоучительном тоне, — ты ведь умная девочка, наверняка ознакомились. А там был такой пункт про взаимное удовольствие. Так вот, — он выразительно посмотрел, кивая в мою сторону головой, — ни удовольствия, ни взаимного, я пока не увидел. Давай как-то активнее, что ли. У меня завтра важное собрание, нужно быть в форме, выспаться, в конце концов...

Ноль на массу, вообще никакой реакции с моей стороны. Он сдавленно рассмеялся, глядя на меня исподлобья, а когда успокоился, поднялся и сделал шаг навстречу.

— Начни с меня, если так тебе будет легче. — Улыбнулся он мягче и я отмерла, смогла полноценно вздохнуть и тоже сделала шаг навстречу.

Видимо, его интонация многое для меня значит, и на ласковую я иду как корабль на маяк, а на грубую замираю.

Подошла ближе, посмотрела в его глаза, а там смех, издёвка, сарказм и вся та ересь, которая меня так в нём пугала, а он ещё и губы сдерживает, чтобы не улыбнуться, чтобы не рассмеяться.

Начать решила с галстука, потянула за узел, расслабляя его, а руки дрожат и только держась за плотную ткань я могу это как-то скрыть. Только от Марата ничего не скроешь, поэтому мои дрожащие ладони он накрыл своими, успокаивая. И я как-то приободрилась, дёрнула сильнее и избавилась от этой детали. Дальше пошли пуговицы рубашки, с ними я справилась ловко, а под рубашкой красивое мужское тело, вылепленное собственными усилиями в тренажёрном зале. Даже засмотреться успела, Марат сам меня подтолкнул, предлагая продолжить. Его дыхание шевелило мои волосы, обжигало кожу, и каждый раз,

губы словно случайно, но на самом деле намерено пытались коснуться меня, дразнили. С руками я возилась долго, но в итоге не справилась и только расстроилась.

— Чёртовы запонки! — Выдохнула под его уже не сдерживаемый смех и окончательно сдалась.

Нет бы обычный штырёк, так он, олигарх хренов, замочки выбрал, наверняка специально, чтобы меня помучить. Правда, Марат справился с ними за секунду и свои мысли-слова, я должна была взять обратно, но вместо этого, лишь демонстративно отвернулась, словно он мог их услышать.

Снова взялась за рубашку, вытаскивая её из-за пояса брюк, на этом Марат схватил мои запястья, отводя их в сторону.

— Если расстегнуть ремень будет гораздо проще.

— Если твой ремень такой же, как и запонки, то просто не получится.

На эти мои слова он сам дёрнул за пряжку и ремень распустился, а Марат глянул с вызовом. Сволочь, издевается! Дальше пуговица и молния на ширинке, в принципе он свободен, но не шевелится. Смотрит и во взгляде вопрос.

— Может, мне с тебя ещё и ботинки снять?! — Зло выплюнула, понимая, что к этому всё и идёт.

— Я с тебя туфли сниму, не сомневайся.

Ответил на это он и я разозлилась. Толкнула его на кровать, с силой стягивая сначала ботинки, разбрасывая их по углам комнаты, а потом и за штанины брюк потянула. А он смехом заливается, не может удержаться. Я вся запыханная, красная, ведь помочь мне никто даже не пытался, окончательно расшевелив свои нервные клетки, даже носки с него стянула, при этом сломала ноготь и прорычала, сдерживая поток матерной брани, руки в кулаки сжала, а ему только веселее.

— Всё!

— Всё?

От предвкушения Марат даже губы облизал, а я, пытаюсь успокоиться, посмотрела на его трусы. Не знаю, почему меня переклинило, раньше на это вообще внимания не обращала, правда, прежде я их снимала не при таких обстоятельствах, но всё же. Только вот с этим мужчиной спорить себе дороже, пыхти и возмущайся сколько угодно, и всё равно он прав останется. Вот я и сдалась. Боксеры стягивала, глядя ему в глаза, пытаюсь показать, что мне всё равно, а он взглядом давил, а потом снова рассмеялся. Бёдра приподнял, помогая мне, а на самом деле, пытался задавить своей близостью. Ткань я в руках смяла и отшвырнула в сторону, как и всю остальную одежду, руки на груди сложила и ожидала продолжения банкета.

— Теперь сама. — Вместо ответных действий приказал мне Марат и присел.

Я и опешила, наверно, даже челюсть отвесила, а он и не думал шутить.

— На два шага назад и раздевайся. — Повторил с ударением, с напором, сверкая злым взглядом в ответ на мою реакцию.

Два шага я сделала, даже криво, однобоко усмехнуться получилось, платье дёрнула, а он прикрикнул.

— Красиво! Чтобы мне понравилось.

Я прищурилась, во взгляд вкладывая всё то, что, по понятным причинам, не могу произнести вслух, а он член свой поглаживает.

— Так ты ещё и импотент? — Попыталась усмехнуться презрительно, а он и глазом не

повёл.

— Ты поняла, что я сказал. — Добавил утвердительно и я сдалась. Снова сдалась я!

Поэтому медленно, с выражением, стянула с себя платье, в отличии от его одежды, аккуратно взяла за плечики и повесила на выдвижную вешалку, которую сначала не заметила. Позволила посмотреть на себя без платья, выдержала паузу. А он и смотрел, ничуть не смутился, внимательно так, вот, буквально, от кончиков пальцев до кончиков волос. Только когда одобрительно кивнул, подошла ближе и демонстративно установила ножку в туфле на кровать между его ног, в паре сантиметров от паха. На вопросительный взгляд хмыкнула.

— Надеюсь, банкир Юрченко М. И. слов на ветер не бросает?

И указала взглядом на туфлю, которую он обещался снять не далее как несколько минут назад. И снова оказалась в проигрыше, потому что снять он её снял, но как он это сделал... Медленно, тягуче провёл рукой от лодыжки до бедра, слегка задевая кожу над краем чулка, а у меня сразу весь жар к лицу и он всё видит, каждую эмоцию мою ловит и тщательно пережёвывает. Снял туфлю, проделал руками тот же путь, поглаживая настойчивее, иногда проводя по ноге ногтем, с удовольствием подмечая как на нежной светлой коже от этого появляется яркая полоса. Потёрся губами о колено, наклонился сильнее, приближаясь к моему телу, прикусил зубами кожу на бедре, чуть выше колена, и волны неудержимой дрожи расходились от этого места во все стороны под его чутким руководством, под его жадным взглядом. Только тогда рванул за чулок, разрывая его, оставляя от своих пальцев стрелки на нежном изделии, отбросил в сторону и тут же потребовал вторую ногу. Проделал тоже самое, только с ещё большим удовольствием. А я оставалась стоять перед ним в одном белье, теперь ещё и ниже на десять сантиметров, поэтому когда он встал, слишком остро почувствовала эту разницу. Его мощь и свою хрупкость напротив этой мощи. Марат потянулся за поцелуем, удерживая меня за талию, притягивая к себе ближе, а я испугалась и руками в его грудь упёрлась. Не сразу поняла, почему он остановился, ведь никуда не исчез, ладони всё так же ощущали гулкое биение его сердца, а на губах таяло горьковатое дыхание. Он отпустил меня слишком резко, так, что я пошатнулась. Обошёл стороной и решительным шагом направился в гардеробную. Вышел оттуда, держа на указательном пальце наручники с кожаным обрамлением.

— Ещё раз так сделаешь и я пристегну твои руки к кровати и отшлёпаю.

По моему замершему взгляду он понял, что уже хватит, но не удержался, добавил:

— Я не любитель отношений в виде подчинение-доминирование, но для тебя готов сделать исключение.

Изогнул бровь, добивая меня, и ждал чего-то. Как я поняла, моего согласия.

— Я поняла. — Прошептала под пристальным взглядом и в дополнение кивнула.

— Ну и хорошо.

Забросил наручники в гардеробную, уже туда не заходя, прикрыл дверь и вернулся ко мне. Силой вырвал первый поцелуй, удерживая за подбородок, мои руки, разумеется, тут же вернулись на прежнее место, и он плотоядно улыбнулся.

— Надеюсь, в следующий раз повторять тебе не придётся. Становись.

Отпустил меня, отступая на шаг.

— К-куда?

— Мне вернуться за наручниками?

— Марат, ты в своём уме? Ты же специально это сделал?

— Сделал что? — Выразительно изогнул он губы, брови, и выпучил злобные глаза.

Почему-то мне казалось, что своими разговорами и возмущениями только усугубляю дело, но остановиться не могла, правдолюбка хренова.

— Специально поцеловал меня так грубо. — Ответила тихо и наблюдала за тем, как менялось выражение его лица от изумления моей наглостью, до озверения от моей борзости.

— Грубо. — Кивнул он, и этот жест мне очень не понравился. В следующее мгновение удерживая за затылок, притягивал меня к своему лицу, злобно шипел в губы. — Я что, схватил тебя за волосы, — реально схватил он меня, не позволяя своей рукой взяться за его, чтобы боль была меньшей, — я скрутил твои руки? Или, может быть, я избил тебя? Нет? Тогда какого хрена ты выпендриваешься?!

Отшвырнул меня на кровать сел сверху, нависая, больно удерживая руки над головой, прижимая мои бёдра своими.

— Мне по х** твои закидоны, Марина, будем считать, что я плачу тебе за качественный секс, а пока увидел только капризы. Надеюсь, ты помнишь, что будет, если ты меня не устроишь как любовница? Зачем мне всё это тогда?!

Я молча слушала и понимала, в какую клоаку попала.

— Ответь мне что-нибудь! — Взревел он и я не сдержала слёз. Ну, как слёз, пару слезинок скатились из одного глаза.

— Я всё поняла.

— Не слышу!

— Я всё поняла. — Громко и чётко, глядя ему в глаза, насилу сдерживаясь от крика, ответила я и только тогда получила свободу. Частичную. Он отпустил мои руки.

— Вот и молодец. Вот и умница. — Похвалил меня Марат как хорошую девочку, скатился в сторону, потянулся к тумбочке и извлёк из неё пару презервативов. Бросил мне. — Надеюсь, как пользоваться знаешь?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Улёгся в ожидании удовольствия, а я вздохнула, прогоняя слёзы. Не этого я хотела, хотя и ждала чего-то подобного. Быстро сняла бельё, уже без лишних церемоний и приглашений, разорвала фольгу, под пристальным взглядом, прочитать который уже не хотела, раскатала презерватив по члену. И получилось у меня это на удивление легко, обычно хуже. Профессионалка, мать его так! Закусила губу, в ожидании его указаний, а они не заставили себя ждать.

— Ты сверху.

Эту позу я не любила никогда, и вообще в сексе предпочитала пассивную роль, но с Маратом, как я поняла, этого ждать не стоит, придётся проявлять инициативу. Хотя, кто бы мог подумать, что его это устроит? Не дожидаясь повторной команды, послушно перекинула ногу через его бёдра, приблизилась. Возбуждение и смазка от первых впечатлений позволили безболезненно опуститься, только вот размер... Как бы это сказать... с первого раза такой не осилишь и я успела испугаться, что медлительность кое-кого нервного не устроит, и очень удивилась, когда тёплые пальцы коснулись подбородка.

— Спокойно. Выдохни. — Скомандовал он, а я уставилась в глубокие, практически бездонные серые глаза. — Расслабься, всё хорошо.

Его я и слышала, и понимала, только расслабиться не получилось, а от такого внимания к своей скромной персоне, напротив, напряглась сильнее. Абсолютно непроизвольно.

— Закрой глаза и расслабься.

Я послушно опустила веки и почувствовала как Марат поднялся, теперь он сидел, а я так и оставалась сверху.

— Умница. — Похвалил он ласково и я улыбнулась с закрытыми глазами, поплыла, и совсем не ожидала услышать его голос так близко, практически у моего виска. — А теперь двигайся так, как нравится тебе.

Двигалась неспеша, растягивая удовольствие, и Марат позволял мне вести в своём темпе. Я даже успела получить определённый кайф от подобного лидерства, ускориться, двигаясь к цели, но одним сильным рывком обеих рук была опущена до упора и задохнулась. Глаза распахнула, вспоминая где я и с кем, а вдохнуть так и не могу. Вцепилась в его шею обеими руками, раздирая кожу ногтями и жду команды «отомри». Попыталась поднять бёдра, но он руками удерживал меня, не позволяя отстраниться, сам дышал как паровоз, удерживая меня, прижимался лбом к моему плечу, переводил дыхание.

— Не шевелись, привыкни, потом будет проще.

Когда потом и когда проще, думать мне было некогда, распирающее неприятное ощущение не давало возможности сконцентрироваться и прийти в себя, а спустя мгновение, как сквозь сон я слышала биение своего сердца, потом лёгкие толчки Марата, его мягкие движения бёдрами и участившееся дыхание.

— Ты всегда и всё контролируешь? — Прошептала в пустоту, а он кивнул, не отвлекаясь, растягивая меня медленно, теперь уже осторожно и боль понемногу уходила.

С каждым разом его толчки становились сильнее, увереннее, настойчивее, сначала я сдерживалась от стонов, действуя по плану «игнор — лучшая защита», только с ним не выйдет. Он знал, чего добивался и знал, когда и как меня прогнуть, чтобы получить, как он любит говорить, взаимное довольствие. И я сдалась, стонала, закинув голову назад. Крепко вцепилась в его плечи, двигала бёдрами, помогая ему, подстраивалась под настойчивые приглашения не спешить или наоборот, поторопиться. Закусила губу, когда соска коснулись горячие губы, а он играл со мной, с моим телом, пользовался его податливостью, мягкостью. Насаживал на себя, давил на плечи, мёртвой хваткой удерживал за талию, не позволял увернуться от нежелательных движений и вскоре я выдохлась, повисла на нём, дрожа и уже не сопротивляясь, позволила делать со мной всё, что ему хочется. А ему хотелось отдачи, стонов, криков, поэтому уже очень скоро я ощутила твёрдые пальцы на клиторе, которые жали точно зная, куда и насколько сильно нужно это делать. Ресницы распахнула и не смогла увидеть чёткую картинку, как только его потемневшие глаза перед моими мелькнули. Как в фантазиях, в забытых снах. Оргазм накрыл, заставляя судорожно содрогаться, сдавливая его изнутри, сдерживая порывистые, не дюжей силы проникновения. Он кончил остро, громко дыша, стонал мне в губы, цепляясь за них своими, пытаюсь продлить ощущения. Ещё несколько раз толкнулся, а после мягко вышел, укладывая меня на бок.

Не знаю, что именно подействовало: то ли отсутствие регулярной, да и не регулярной половой жизни, в том числе, то ли это была конкретная реакция на Марата, но я готова была отключиться. Я упала без сил, но и глаза не закрывались, поэтому могла видеть как он встал, как подошёл к окну и закурил. Наблюдала за движениями мышц на спине. Красивая спина, ровная, натренированная. Марат несколько раз обернулся, глядя на меня с укором, но ничего не сказал. Выбросил окурок в открытый промежуток окна — наверняка студенческая привычка, быстро его захлопнул и вернулся в постель. Я к тому времени уже понемногу освоилась, привыкла к тянущим ощущениям внизу живота и хотела, чтобы меня не трогали, даже не разговаривали, но у Марата как всегда другие планы. Лёжа рядом, он не сводил

тяжёлого взгляда с моего лица, ждал, пока я посмотрю в ответ. А я не смотрела, знала, что чем-то недоволен, потому и боялась поднять взгляд.

— Кого ты представляла себе? — Спросил он, а я от неожиданности тут же вскинула взгляд, нарываясь на его полные злости глаза.

— Что?

— Кого ты представляла себе, когда закрывала глаза? Я видел, как ты улыбалась.

И в этот момент весь был напряжён, словно его жизнь решается. А я... ну, не скажу ведь, что о нём мечтала, а даже если и скажу, он всё равно не поверит.

— Не твоё дело.

Буркнула и взгляд опустила.

— На меня смотри! — Было приказано и я как всегда послушалась. Чётко усвоила, что когда он такой, лучше не шутить. — У тебя ведь нет постоянного мужчины?

— Кого?

— Мужчины, парня, любовника. Какая разница? Нет или есть?

— Нет.

Он немного успокоился и выдохнул с облегчением.

— Хорошо. Просто... хочу сразу предупредить...

— Я не знаю за кого ты меня принимаешь, но одного партнёра мне вполне достаточно. — Перебила я с обидой в голосе.

— Отлично. На этом и решили. Поцелуй меня.

— Что?

Кажется своими переспрашиваниями я заведу Марата в могилу, так горестно он вздохнул тогда, сам ко мне наклонился и немного поласкал губами мои губы. Именно поласкал, хотя я не была уверена, что он так умеет. Слишком жёсткий снаружи, ошетилившийся, как ёжик, но стоит его приласкать, как он становится ручным. И на поцелуй я ответила, только вот он, как только это почувствовал, тут же посмотрел на меня, как на проигравшую. Ёжик, блин!

Не прошло и десяти минут, которые мы заполнили исключительно изучением друг друга, как Марат снова возбудился и снова был готов на подвиги. В общем-то изучал он меня, а я подставлялась под его взгляд и под его руки. Сначала тяжёлая рука опустилась на бедро, погладила кожу на нём, потом поползла вверх, задевая грудь, теребя сосок, язык в это время неспешно дразнил губы. Я не знала теперь отвечать мне или только принимать его ласку как милость, но хотела её. И его взгляда, и его прикосновений. И хотела, чтобы он моё желание почувствовал, а Марат вместо этого снова всунул мне в руки презерватив, предлагая потрудиться.

На это раз он решил не церемониться и поставил меня в коленно-локтевую. Провёл широкой ладонью по спине, надавил на шею, прижимая голову к матрацу, потёрся пахом о ягодицы и вошёл резко, но мой вскрик утонул в простынях. В этот раз о нежности не было и речи. Он брал, он имел, он вёл себя так, как тогда в кабинете. Нагло, смело, похотливо. Так и удерживал мою шею, периодически прижимая, не давая воздуху поступать в лёгкие. Почему-то такое обращение стало для меня унижительным. Точнее, не почему-то, я не то имела в виду. Кажется, совсем недавно, буквально вчера вечером я не знала, за что смогу отказаться от желания его приручить? Теперь знаю и больше этого не хочу. И его не хочу, и его прикосновения мне противны. Еле дождалась когда кончит, о моём возбуждении никто не вспомнил. Ни Марат, так как наслаждался своей манией величия, ни я сама, так как просто

хотела поскорее сбежать из ненавистного дома. Не помню насколько долго это длилось, но затекли все мышцы, а глаза были влажные, словно я плакала, но слёз не было, точно помню. Что тогда — ответить не могла.

Отдышавшись, Марат не сразу позволил мне подняться, так и сидел сзади, опираясь на свои пятки, дышал, поглаживал мои ягодицы, бёдра, спину. Его не интересовала моя нездоровая, болезненная дрожь от затёкших мышц. И его взгляд я стерпела молча, дождалась финального шлепка и брошенного на ходу «Отдыхай». Он уже шёл в душ.

Кое-как подобравшись, я повернулась на бок, прижимая колени к себе, все силы уходили на то, чтобы не заплакать, не показать, что он выиграл, не дать ударить себя ещё сильнее.

Марат вернулся минут через двадцать. Свежий, бодрый, с взъерошенными мокрыми волосами. С протяжным стоном рухнул рядом со мной на постель, повернулся ко мне лицом и улыбнулся, так, будто и не было до этого ничего. Расслабленная блуждающая улыбка на его лице не спала даже когда он посмотрел мне в глаза. Был собой доволен.

— Можешь идти в душ и на сегодня свободна. — Соизволил уведомить он меня. — Полотенце на полке, ты увидишь.

Не говоря ему ни слова, сорвалась и убежала. Смыть с себя весь груз первой ночи. Мылась, тёрла себя мочалкой, стирая кожу, до красноты, до боли и жжения. Вышла из кабинки и поняла, что не взяла с собой одежды, а значит, не избежать его самодовольной ухмылки. Сцепив зубы, вернулась в спальню, прикрываясь полотенцем. Собрала бельё у кровати, сняла с вешалки платье и хотела вернуться в ванную комнату, как Марат остановил.

— Одевайся здесь. — Услышала со спины и замерла, не желая поворачиваться, почему-то казалось, что так он обо мне забудет. Наивная дурочка. — Ты меня слышала?!

С силой отшвырнув полотенце в сторону, я натянула трусики, бюстгальтер, вспомнила о разорванных чулках, но это едва ли могло меня сейчас остановить. Натянула платье, не взирая на то, что оно выглядело немного смятым, на босые ступни обула туфли. Наконец, повернулась и посмотрела ему в глаза.

— Я вызову тебе машину.

— Я доберусь на такси.

Сказала, а он и ухом не повёл, уже своему водителю звонил. Договорившись, одарил меня взглядом, который не предвещал ничего хорошего. Меня от него передёрнуло, а для Марата это как спусковой крючок, как сигнал к действию. Подскочил ко мне, волосы в кулак собрал, грубо врываясь в рот, толкая язык в самую глотку. Ненавижу!

— Раздевайся. — Вымолвил задыхаясь, и не обратил внимание на мои выпученные глаза.

Кое-как вырвавшись на секунду, отступила на шаг, только не в ту сторону: к кровати двигалась, а не к лестнице.

— Марат, ты сказал, что я могу идти.

— Я передумал.

— Я не передумала. Дай пройти. — Выставила руки перед собой, не позволяя приблизиться.

— Смелая? — Хмыкнул он и попытался поймать.

Откуда взялось столько прыти и, действительно, смелости, я и сама удивляюсь, только мне удалось не просто сбежать от него на втором этаже, но даже спуститься по лестнице. Уже в гостиной он дёрнул меня сзади на себя, а я забрыкалась, начала пинаться и

сопротивляться, я больше не могла выдержать его присутствия рядом. Чувствовала, что он сильнее, что он выигрывает, скручивает и заламывает мои руки до боли. Из последних сил дёрнулась и так неудачно... Упираясь, за его лицо схватилась. Хотела оттолкнуться, а получилось наоборот, и его тихое шипение заглушила оглушительная пощёчина, которая заставила меня упасть на пол. Слёзы брызнули из глаз самопроизвольно, одним мощным толчком, так, словно долго-долго копились, а теперь выплеснулись. Я не плакала и не рыдала, только вода лилась из глаз.

— Твою мать!

Марат меня тут же за предплечья поднял и на диван швырнул. Снова принялся руки заламывать, я вяло отбивалась, пока он пытался лицо в свою сторону повернуть.

— Да убери ты, дай посмотрю! — Крикнул на меня, за подбородок удерживая.

Привкус крови заставил меня поморщиться и напугал ещё сильнее, а Марат провёл большим пальцем по трещине на губе, растирая её. Щека горела, губа ныла, а его внимание убивало морально. Тут же он оставил меня одну, метнулся на кухню, а вернулся со свёртком.

— Приложи, это холод. — Пояснил, а я не отреагировала, не могла ладонь свою от щеки оторвать.

— Дай сюда! — Одёрнул мою руку, сам приложил завёрнутый в полотенце лёд и только тогда отступил. — Держи, иначе будет хуже.

Я отвернулась, не могла видеть его. А он молча наблюдал со стороны.

Через несколько минут подошёл снова, лёд отобрал, повертел подбородок, сидя напротив на журнальном столике, поворачивая лицо к свету.

— Синяк будет. — Пояснил, разглядывая, выжидательно в глаза посмотрел, а мне нечего ему сказать, смотрю в ответ и молчу.

— Тебе завтра на работу?

Я кивнула.

— Чёрт!

Хлопнул себя по бедру, отошёл в прихожую, а когда вернулся, держал в руке телефон.

Моя щека от холода онемела и пока боль не чувствовалась, только жжение от разбитой губы и всё та же кровь. Ещё раз осмотрев щёку придирчивым взглядом, Марат отвернулся, набрал номер, тут же изменился в лице и заулыбался, искоса поглядывая на меня, при этом шурясь.

— Привет, не спишь? — Обратился он к неизвестному и засмеялся, услышав ответ. — Нет, по делу. Нет, не как всегда. Михалыч, нужно выписать больничный. Да, дня на три, не больше. Марина Максимовна Соловьёва. Да. — Моё имя он выговорил едва ли не по буквам, лучезарная улыбка при этом исчезла, её сменила серьёзная мина. — Место работы вышлю по электронке, только так, чтобы с сегодняшнего числа. Да. Понял, буду должен. Что? Нет, не познакомлю, не заслужил. — Он откровенно говоря заржал, забыв о моём существовании. — Всё. До завтра. Буду ждать.

Повесил трубку и вот он, Марат, который занимался со мной сексом, который только что ударил меня по лицу и который разрулил этот вопрос так же оперативно, как и создал проблему.

— Позвонишь в школу, скажешь, что на работу не выйдешь.

— Я в гимназии работаю.

— Да хоть в детском саду! До понедельника всё сойдёт, будешь как новая. Вопросы есть?

Пока он всё это объяснял, мне вдруг смешно стало и из тихих похихикиваний, это состояние перешло в громкий, надрывистый, истеричный смех. Я смотрела на него и смеялась, наверно для того, чтобы не расплакаться, да и вообще ситуация для меня не стандартная, я не знаю, как себя в подобной вести. А сам Марат стоял напротив, уперев руки в бока, смотрел исподлобья, а мне все его грозные взгляды до фонаря.

— Скажи мне, дорогой товарищ Юрченко, — давясь смехом, выплёвывала я из себя слова полусевшим голосом, — вот, меня, допустим, заменят. Гимназия не банк. А кто заменит тебя на твоём совете директоров? Завтра ведь пятница?

Мой мужчина изменился в лице. Подбородок вытянулся, желваки заиграли, челюсть сжалась до судороги, а меня смех разбирает. Он рукой до царапин дотронулся и капли выступившей крови стёр, глянул неверяще сначала на пальцы с бурой жидкостью, а затем на меня. А смех не прекращается, и рада бы, да не могу. Истерика только нарастала. Внутри уже всё от страха трясётся, и от одного взгляда на Марата живот поджимается, а остановиться не могу. Одним рывком и двумя крупными шагами он преодолел немалое расстояние, схватил меня за горло, подтягивая, заставляя встать. Одной рукой давил не затылок сзади, другой удерживал за подбородок, формируя из моих губ трубочку, смачно поцеловал, заставляя кривиться от боли, а потом к своей щеке прижал и свистящим голосом проговорил:

— Бесишься, красавица?

Со стороны на меня посмотрел. Прижимая уже к шее и плечу, снова к уху прислонился.

— И я бешусь, когда тебя вижу! Потому что не моя и я ничего не могу с этим поделать. Ничего! И будешь ты со мной до тех пор, пока я этого хочу, а отпускать тебя я не собираюсь. И по старой дружбе тебе совет, красавица: не зли меня. Иначе будет больно.

В этот момент спасительным сигналом зазвенел его телефон. Марат меня оттолкнул, с перекошенным от злости лицом глянул на мобильный, отдышался, прежде чем ответить, закусил губу.

— Слушаю тебя. — После реплики второго участника беседы на меня посмотрел. — Сейчас выйдет девушка. Зовут Марина Максимовна. Башкой, если что, ответишь. Всё, отбой. Телефон на диван недалеко от меня улетел, а Марат стал напротив.

— Водитель у подъезда. С ним по дороге не разговаривать. Когда будешь нужна, сообщу заранее.

— Всё?

— А ты ещё что-то хочешь?

На удивление легко усмехнулся Марат и пораненную шею потёр. Он ещё легко отделался, две царапины на шее и одна лёгкая на подбородке, практически незаметно, если анфас смотреть. Пока не напросилась на продолжение банкета, быстро подскочила, в коридор шмыгнула и сумочку свою схватила. Стала под дверью, ожидая, пока смиростивятся и выпустят, а Марат приблизился, в лицо моё вглядываясь, замки отпирать не торопился. Руку поднял, чтобы дотронуться, а я отшатнулась, да так, что о косяк ударилась виском, он только головой покачал, вроде «ай-яй-яй, какая нехорошая девочка, обижаешь меня», стал вплотную, по ударенной щеке костяшками пальцев провёл.

— Т-ш-ш.

Успокоил, когда я скривилась от неприятных ощущений.

— Веди себя хорошо, Мариша, будь умной девочкой и этого больше не повторится. — В глаза мне посмотрел, свои слова внушая, а мне вдруг стало стыдно. Чего я, и правда, на

него взъелась? Помялась, потопталась на месте, не решаясь взгляд поднять, а потом на грани слышимости проронила:

— Извини.

— Забыли. — Легко отмахнулся и будто болезненно скривился, на меня глядя.

Ещё пару секунд помолчали в обоюдной неловкости.

— В субботу ко мне придёшь?

— Не знаю... — Пожала я плечами.

— Я ещё не уверен, но постараюсь освободиться. — Спешно добавил Марат, словно оправдываясь. — Придёшь?

— Ты только заранее предупреди.

Он улыбнулся моей покорности, словно святому огню, ещё раз по щеке погладил, только в этот раз нежнее, я практически ничего не почувствовала. И в глазах его не было той дикости, той злобы, он успокоился и как домашний котик практически заурчал. Но не отступил, не отпустил, продолжая прижимать меня и животом, и пахом. Я только в этот момент вспомнила об интимности подобного жеста. Сразу же и дыхание сорвалось, и сердце понеслось вскачь от всей той нежности, которая была в его словах, в его прикосновениях, таким он сводил меня с ума.

— Мне нужно тебя поцеловать? — Догадалась я, а Марат криво улыбнулся, покачал головой.

— Не стоит. — Проговорил севшим голосом. — Боюсь, тогда Диме ещё долго тебя ждать придётся. — Я вдруг вспомнила и о ждущем меня водителе, и о саднящей щеке, потёрла её. Пытаясь зеркало взглядом отыскать, а Марат меня успокоил. — Ты всё равно самая красивая.

— Спасибо.

И снова заряд смущения на лице и прикушенная со внутренней стороны губа. И когда замки щёлкнули, я не смогла себя пересилить, чмокнула его в щёку и вниз по лестнице сбежала как девчонка, не дожидаясь лифта.

Глава 7

Водитель несколько раз кинул на меня понимающий взгляд в зеркало заднего вида, но не наглед, да и вопросов лишних не задавал. Улыбнулся только при встрече и представился. Ответной вежливостью я его порадовала, а вот больше не разговаривала, наверно, не хотела Марата расстраивать, хотя себя уверяла, что мне просто не о чем говорить с молодым привлекательным водителем товарища Юрченко М. И.

Ночью долго ещё обдумывала, что это такое было и как мне на всё реагировать, но ближе к шести утра пришла к согласию с самой собой, что побыть какое-то время сторонним наблюдателем, насколько это возможно, будет лучшим решением. И со спокойной душой выспалась до семи. Про то, как отговаривалась от синяка, не упоминаю, нелегко это пришлось, от соседки, так и вовсе, отворачивалась как могла, так она это за неуважение приняла. С сыном прошёл фокус с многослойным гримом. А в десять утра под моей дверью стоял курьер с закрытым передним числом больничным и мазью от синяков и ушибов в подарок. Мазь, надо сказать, отличная, только вот Марат расстарался, приложил хорошо, хоть и не специально. И даже если учесть степень экстренной помощи в виде льда, всё равно нехорошо получается.

А в субботу с самого утра он позвонил сам и с полными штанами радости сообщил, что к четырём освободиться, спросил как я себя чувствую и смогу ли сегодня прийти. Спросил,

разумеется, чисто из вежливости, это я поняла, когда попыталась отказаться. Тем более, мой мужчина сегодня в хорошем настроении, можно и попробовать. Согласилась. Сына отправила к соседке, с которой договаривалась ещё в среду, что мой график будет ненормированным, сама же принялась за маскировку, хотя лучшим способом стало бы отсутствие макияжа вообще. Чтобы ему было стыдно. На этот раз в нарядах не изощрялась, в конце концов, в прошлую встречу мы выяснили, что не для эстетического наслаждения собираемся вместе, а значит, и стараться не обязательно. Поэтому выбор свой остановила на узких тёмных джинсах, полупрозрачной шёлковой блузе с леопардовым принтом, широкая горловина которой открывала одно плечо, и чёрных замшевых туфлях на высоком каблуке. Высокий хвост и прямой взгляд — как неизменный атрибут уверенной в себе женщины. Под подъездом меня ожидал сюрприз в виде машины с водителем Димой, который не поленился, вышел, чтобы открыть дверь. Только по прибытии на место я поняла, что хорошее настроение покинуло Марата до моего появления. Он снова был под допингом, однобоко улыбался скупой мужской улыбкой, и широким жестом предложил войти.

— Отлично выглядишь. — Бросил, удаляясь вглубь квартиры, даже не глядя на меня.

— Спасибо. А ты, случайно, не алкоголик? — Спросила в шутку и язык прикусила, так он на меня посмотрел.

— Поверь мне, Мариша, — ответил, чуть погодя Марат, усаживаясь в глубокое кресло гостиной зоны, — я забочусь о сохранности твоего здоровья.

— В смысле?

Без дополнительного приглашения прошла следом за хозяином «гостеприимного» дома и села напротив.

— Без смысла. Пьяный я добрый. Много тебе прощаю. Пропускаю мимо ушей твои острые высказывания. А трезвый терпеть столько уже не смогу, взорвусь.

— Почему ты так говоришь? Я не сделала тебе ничего плохого. — Искренне удивилась я и уселась поудобнее, пока Марат смотрел в сторону, собираясь с мыслями.

— Потому что нельзя быть на свете красивой такой. Слышала?

— Мне казалось, тебя это устраивает.

— Устраивает. — Кивнул он, разглядывая свои ладони. Не свойственный для руководящего человека жест, словно в глаза посмотреть боится.

— Что тогда?

— Раздевайся! — Практически выкрикнул, пугая меня, Марат, и я замерла, не понимая резкой смены настроений. Быстро разделась, оставив только бельё, а Марат лишь согласно кивнул.

— Ко мне подойди.

Я подошла, остановилась, не доходя нескольких сантиметров, а когда рука тяжёлым грубым захватом требовательно потянула ближе, не сопротивлялась.

— Марина, а почему ты тогда сбежала? Неужели испугалась?

— Когда?

Не поняла я и посмотрела. Только подумать ничего не смогла. Ухватив меня за бедро, Марат потянул ближе, усаживая к себе на колени. Сегодня я уже не упиралась, не сопротивлялась, послушно выполняла гласные и негласные приказы, не упиралась руками в его грудь, не брыкалась ногами. Отвечала на настойчивые болезненные поцелуи, старалась получить от них удовольствие. Но чем больше пыталась расслабиться я, тем сильнее упорствовал Марат, подчиняя меня себе. Оторвался от губ, посмотрел затуманенными

глазами, провёл широкой ладонью от шеи до лона и лёгкими поглаживающими движениями пробрался под нижнее бельё. Сам не раздевался, так и был застёгнут на все пуговицы. Слегка надавил, прорываясь внутрь, а я постаралась расслабиться. Марату словно нравилось именно подчинять меня себе, заставляя, ломать, я не понимала смысла его действий, и так на всё согласна, но факт есть факт.

Решив не играть по его правилам, а устанавливать свои, пошла в наступление. Расстегнула пуговицы рубашки, провела руками по груди, недвусмысленно погладила ладонью вздыбленный член под тканью брюк. Марат задышал чаще и откинулся на кресле.

— Продолжай.

А повторного приглашения не нужно. Получив одобрение, осмелела, самой хотелось изучить его тело, понять, о чём думает. И если тело поддавалось, то мысли ни в какую. Марат смотрел с подозрением, что ли, недоверчиво, придирчиво, капризно. Дул губы, словно ребёнок, каждый раз, когда ему что-то не нравилось. Я сидела на его бёдрах, упираясь коленями по обеим сторонам торса в спинку кресла, лёгкими поглаживаниями расслабляла мышцы, мяла плечи, позволила себе шалость и царапнула один сосок. В награду тут же получила укоризненный взгляд и нетерпеливое шипение. Не желая слушать его высказывания, заняла губы поцелуем. Сначала немного робко, нерешительно, всё же опасалась, что ему это не нужно, да и Марат отвечать не спешил. Я глаза открыла и глянула в ставшую привычной серую бездну напротив, замерла, не зная, продолжать или остановиться, но на самом деле хотела его одобрения. На каком-то инстинктивном уровне мне это было важно, необходимо знать, что ему хорошо. Наши губы были всё ещё в застывшем поцелуе, а я практически задохнулась от нетерпения, простонала, и Марата как током ударило. Он губу мою прикусил, болезненно, мне даже показалось, что надавил на то место, где она при прошлой встрече была разбита. Поморщилась, но не отстранилась. Хотя, что это я... Не попыталась отстраниться. Так будет правильнее, ведь отпускать меня никто не собирался. Он оторвался от меня, лицо моё в сторону отодвинул, и несколько секунд как обычно всматривался в глаза, желая найти подвох.

— Что изменилось?! — Прорычал.

— Где?

— Что изменилось с предыдущей встречи?

— Я не знаю...

Он прищурился и сдавил мой подбородок пальцами, потом понимающе ухмыльнулся.

— Ты можешь идти.

— Что? — Не поняла я ни смысла его слов, ни причины, по которой он так сказал.

— На сегодня всё, ты можешь быть свободна.

— Дрессируешь?

— Хочу узнать тебя настоящую.

Я соскочила с кресла как ошпаренная, так меня обидели его слова. Ему показалось, что я играю, что притворяюсь для какой-то цели. Ему не нравилась моя покладистость, он хотел сопротивления, он ждал его. Так, по его мнению, наверно, было правильно. Его забавляло испытывать меня на прочность и такая быстрая победа пришлась не по вкусу. Ну, а такого варианта как моё желание быть рядом не рассматривалось в принципе.

Я собрала свои вещи, сначала думала уединиться. Где угодно, да хоть в коридоре, только шагнув в сторону, краем глаза заметила, как Марат напрягся всем телом и наклонился корпусом вперёд, уже планируя меня остановить. Сама остановилась, повернулась к нему

лицом, стопку одежды бросила перед собой на пол, а затем, глядя в его глаза, медленно одевалась. Расправляя каждую складочку, обтягивая упругую попу жёсткой джинсовой тканью и его это возбуждало. Когда уже полностью была готова к уходу, посмотрела вопросительно, вроде как и разрешения спросить не хочу, но и рисковать здоровьем, уходя молча, тоже не было желания.

— Это всё?

Он улыбнулся. Сам расстегнул молнию на брюках, как я поняла, сдвинул вниз бельё и высвободил предмет своей гордости.

— Не поможешь? — Испытующе изогнул одну бровь, сдерживал губы от улыбки, рукой гладил по всей длине, вода вверх-вниз.

— Ты сказал, что я могу быть свободна. — Повторила его же слова, глядя прямо в глаза, наверно искала там остатки совести. Тщетно. Её там отродясь не было.

— Я передумал.

— Я так посмотрю, это особенность твоего характера: передумывать, когда я оделась.

— Ты меня возбуждаешь независимо от количества тряпок.

Разговаривал и продолжал член поглаживать, меня, признаться, тоже это заводило. Не знаю, что конкретно, прихожу к давнишней мысли, что я извращенка, мазохистка и грубость, именно его грубость, его настойчивость, заставляет меня трепетать от нетерпения. С другими мужчинами и я была другой, а с ним, словно контроль над собой теряла. Иногда казалось, что это тот самый запретный плод, от которого я отказалась семь лет назад, а теперь никак не могу насытиться, хотя, кроме боли и слёз эти отношения не принесли мне ничего.

Я боролась с собой, с двумя своими ипостасями. С одной стороны, во мне кричала от изнеможения женщина-шлюха, его женщина, которая хотела испробовать всё, а с другой, я, как мне казалось, настоящая. И вот это второе «я» хотело бежать куда глаза глядят. В результате я оставалась стоять на месте, наверно, на мгновение зависла, потому что не видела, как Марат замахнулся и что-то бросил в мою сторону и только когда осколки бокала упали к моим ногам, моргнула и задрожала. Этого ты хотела?

— Я сказал подойди ко мне, стань на колени и отсоси! — Завопил Марат, а я только голову в плечи втянула.

— Я не хочу.

Он несколько раз успокаивающе вздохнул, откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза.

— Господи, Марина, ты издеваешься, да? Надо мной или над собой, я никак не пойму. — Пробормотал в потолок. — Пожалуйста, просто сделай так, как я прошу, большего от тебя не требуется. Я многого прошу? — Резко голову поднял и подобрался. — Илы ты хочешь, чтобы я притащил тебя к себе за волосы?! — Прокричал, разрывая пространство этим криком.

Я с места не сдвинулась, словно ноги мои гвоздями к полу прибили, испугаться не успела, как Марат уже рядом стоял, вплотную прижимаясь. Дышал как загнанный зверь, а потом аккуратно, лишний раз боясь дотронуться, намотал на кулак хвост моих волос, и только когда до основания дошёл, дёрнул вниз, одновременно к себе притягивая. И глаза его сумасшедшие гипнотизировали. И губы у обоих дрожали, да так, что соприкоснуться невозможно было, мы не совпадали. Он сжал кулак сильнее и резко выдохнул, когда руку мою там почувствовал, бёдрами в неё толкнулся, вымазывая в смазку, а дальше я как и сама с

ума сошла. Резкими жадными движениями сжимала член то у основания, то у головки, добиваясь его стонов, его судорожного дыхания, сама задыхалась от возбуждения. Он дрожал так, что иногда можно было услышать звон стучащих зубов. Нравилось, что мои действия его так возбуждают. Дрожал, всё сильнее сжимал мои волосы, причиняя боль, трахал мою руку, закусывал губу, когда хотел меня наказать и не давать желанных звуков. Кончил резко, бурно, а мне казалось, что я и сама вместе с ним кончила, так меня расслабило в следующую секунду. До губ его холодных дотронулась и простонала в них, передавая весь свой восторг, а он отстранился, к столику подошёл, салфетками себя вытер, бросил мне одну.

— Возле своей сумочки в коридоре найдёшь визитку медицинского центра. Завтра в десять утра там ждут тебя. Пройдёшь необходимые обследования, сдашь анализы. Результат будет у меня. Всё поняла?

— Нет. — Ответила честно, всё ещё находясь в прострации от смены его настроений. Марат терпеливо выдохнул.

— Марина, я хочу быть уверен в твоём здоровье. Неприятности мне ни к чему. — Кивнул, добиваясь моей вменяемой реакции, я напряглась.

— То есть, возиться со мной ты не намерен и на всякий пожарный случай хочешь знать, откуда ждать беды?

— Нет. — Ответил жёстко. — Я хочу быть уверен в твоём здоровье. — Повторил с нажимом, к которому я так же привыкла в разговоре с ним.

— А я?

— Что ты?

— Я тоже хочу быть уверена в твоём здоровье.

Вот в этот раз тяжёлый взгляд не выдержала, вовремя вспомнила о салфетке в своих руках и занялась делом, пока он размышлял-бесился.

— И что ты хотела этим сказать?

— Только то, что ты завтра пройдёшь обследование вместе со мной.

Он натурально расхохотался, а меня эта его реакция возмутила. Я скрестила руки на груди, насупилась.

— А что смешного я сказала?

— Мариш, у меня завтра планы и я...

— Представь себе, у меня тоже планы! — Перебила. — И я готова от них отказаться, если тебе это важно, но при этом хочу какой-то взаимности.

— А ты не многого хочешь, красавица? — Хмыкнул он с вызовом, тоже руки на груди скрестил, я так понимаю, должна была испугаться, но не получилось, программа «камикадзе» набирала обороты и я наступала.

— Или так, или вообще никак. И этот осмотр пройду только если за руку меня держать будешь.

Марат широко улыбнулся и буквально залюбовался моей воинственностью. И сама не ожидала, что так умею.

— Хорошо, Мариша, — проговорил ласково, словно всегда белый и пушистый, и не было только что битвы титанов, точнее, одного титана с мелкой рыбёшкой на его пути, — завтра в девять я за тобой заеду. Дима ждёт внизу.

Я, признаться, немного опешила от очередного резкого перехода и возвращения котюли-лапопули.

— И всё?

— Ты всегда будешь спрашивать это у меня перед уходом?

— Ну, ты так непостоянен. — Удивилась я его вопросу и развела руками.

— Глупости. Просто ты непредсказуемо на меня действуешь.

— Не поцелуешь на прощание? — Уточнила, когда одна нога уже подползала в сторону коридора, а вторая медлила. Видимо, «я» решили разорвать меня на части.

— Иначе не сможешь спокойно спать ночью? — Улыбнулся он.

— Иначе я завтра не выйду ни в девять, ни в десять часов.

— Это ты так мне угрожаешь? — Улыбался он настолько широко, что я удивилась, сколько же «я» у него внутри?

— Нет, я просто жду своего поцелуя. Ну!

Он подошёл с многообещающей улыбкой, просто гипнотизировал меня. Внутри всё ликовало, а снаружи я и вовсе с лица спала, так нервничала. Знала ведь, что так, как хочу не сделает принципиально, а так как хочет он, мне наверняка не понравится.

Лёгкий поцелуй практически мгновенно превратился во всепоглощающий, подавляющий волю и желание, не в силах противостоять, я подчинилась, безвольной куклой повиснув на его шее, прижималась к горячему телу, только сейчас поняла, как сильно хотела его все эти минуты разговора. Как самая последняя шлюха начала жаться к нему, тереться бёдрами и очередной раз убедилась, насколько расчётлив этот человек. Грубые в своих действиях пальцы быстро отыскивали точку моего сумасшествия и несколько резких, однотипных нажимов заставили буквально биться в истерику. И я цеплялась за его плечи, за его руки, искала губами его губы, но была рада любому участку загорелой кожи. Почувствовала запах мяты с табаком, как тогда, в самый первый раз, и сама бы сейчас его изнасиловала, настолько бешеной становилась. А когда была готова взорваться, движения прекратились, пальцы из трусиков исчезли и только тихий, сдавленный, удовлетворённый смех, не позволил разрыдаться. Я всё так же висела, цепляясь за него, крепко зажмурив глаза, ловила воздух ртом, а в это время тупая боль неудовлетворения разливалась по телу. Отдышавшись, отпустила Марата, открыла глаза, получила контрольный чмок в лоб и возненавидела его ещё сильнее.

— Надеюсь, ты довольна?

— Я ненавижу тебя. И хочу, чтобы ты это знал.

— Предупреждён, значит вооружён. — Ухмыльнулся Марат, достал из кармана сигареты и зажигалку и тут же закурил, выпуская дым чуть в сторону от меня.

Я ушла, снова спустилась по ступенькам. На улице поняла, что на моих глазах слёзы. С испугом посмотрела на водителя, нижняя губа затряслась от мысли, что он всё доложит своему начальнику. Дима ничего комментировать не стал, открыл мне дверь, сел сам и поехал. Пока стояли на светофоре, слишком часто стал поглядывать на меня, не выдержал, прочистил горло и спросил:

— Ты спишь с ним?

Офигеть, какие мы догадливые! Это же отобразилось на моём лице, ничего ему не ответила, но Дима кивнул.

— Давно Марата Игнатьевича таким не видел.

И знает ведь, чем зацепить, сволочь. Вот, надо подумать: Марат избивает, насилует, принуждает к сексу и я его хочу; и тут же его водитель: просто хочет что-то узнать — и сразу сволочь. Где логика? Логика отсутствует!

— Что ты хочешь? — Спросила, не желая вести разговор в нужном ему направлении.

— Интересно просто: он на тебя дышать боится, а ты каждый раз в слезах выходишь.

— Раз интересно, так у него и спроси.

Водитель ухмыльнулся.

— Ага, подумает ещё, будто на что-то претендую.

— А это не так? — Ага, так и поверила, что он просто такой весь из себя участливый.

— Ты не в моём вкусе. — Отвечает и лыбится моей вытянутой физиономии. Да, такого не ожидала, а что вы хотели?

— Да что ты?!

— Предпочитаю девушек с головой, а не с задницей.

— К твоему сведению, умник, у меня два высших образования, я работаю учителем в гимназии иностранных языков и права, а ты продолжай крутить баранку и мечтай.

К счастью, к тому моменту мы уже подъехали к моему дому. Не дожидаясь извинений или что он там хотел добавить, выскочила из машины, громко хлопнув дверью. Ненавижу! Всех!

Сын безумно рад моему приходу, кажется, с соседкой ему не очень весело, но я не могу об этом думать, точнее, думаю, я уже подыскиваю няню, но вариантов меня устраивающих, пока нет. Он помогает мне разуться, ставит туфли на полку для обуви, смотрит и улыбается.

— Мамочка, ты у меня самая красивая.

— Да. И я очень тебя люблю. — Потрепала Андрея по голове, но знаю сына как облупленного, поэтому смотрю внимательно в его глаза. — Спрашивай уже.

— Мам, у тебя новый мужчина?

Улыбка пропала с лица. Честно, не знаю, на что я надеялась, обещала с сыном быть честной, но эту связь хотела скрыть.

— Андрей, я помню, о чём мы с тобой говорили, но в этот раз... — Я тяжело вздохнула, не скажешь ведь, что не приведу его знакомиться потому что... — Скажем так, наши с Маратом отношения не на том уровне, и вообще...

— Я вам мешаю?

— Ты с ума сошёл?! Кто тебя научил этим глупостям?!

— Зинаида Никитична сказала, что у тебя началась новая жизнь и тебе некогда меня смотреть. Ты даже на работу ходить перестала.

— Вот, карга старая! — Не сдержалась я и выругалась. — Пригрела змею на шее. В общем так, Андрей, — я взяла сына за руку, вывела на середину гостиной, присела перед ним на корточки и посмотрела прямо в глаза. — В этой жизни у меня нет и не будет никого дороже тебя. Ты единственный человек, ради которого я живу, а всё остальное, так, для поддержания физической формы. Ты сейчас насчёт этой фразы не заморачивайся, придёт время и всё поймёшь.

— Ты с ним спишь. — Подсказал сын, я зависла и покраснела.

— Обалдеть! И это выводы десятилетнего ребёнка.

— Мама, мне десять, а не пять, а ты молодая и красивая.

— Давай, скажи ещё, что ты рад за меня и я выпаду в осадок. Нет! — Взвилась на месте. — Лучше ничего не говори, а то мне кажется, за последнюю неделю я упустила тебя из виду и больше никогда не нагоню это время.

— Нет, мам, я блинчиков хочу. Ты их ещё в понедельник обещала. — Улыбнулось моё уже взрослое чудо и подтолкнуло в нужном направлении, то есть к кухне.

Собираясь с утра на встречу с Маратом, завернула парочку своих шедевральных

блинчиков на кефире для него и пару для водителя. Оставалось только решить, как просунуть Димке их незаметно, а то, и правда, мой мужчина заревнует и наймёт вместо Димки какого-нибудь старичка. Но об этом тогда не думала, а вспоминала разговор с сыном, который всё-таки состоялся. Самое смешное, что избежать его пыталась именно я, а не Андрей, который обычно в такие вопросы не лез. Сын заверил, что не нуждается в опеке и уж несколько часов с лёгкостью проведёт без присмотра. «Ты, говорит, только компьютер мне включи, и можешь не беспокоиться». От идеи с няней я не отказалась, но теперь не была ограничена в сроках.

Глава 8

Марат стоял у автомобиля и курил. Мне не обрадовался, не улыбнулся и вообще вёл себя отстранённо, а я всё думала: это он такой и есть или всё же на публику играет? И вот не понятно, что именно играет: строгого дядю или, всё же, безразличного ко мне и моим прелестям самца. Да ещё и фраза его водителя, что шеф с меня пылинки сдувает. Да, да, видел бы он, как Марат Игнатьевич, смахивает их с меня кулаком, или вдавливая лицо в подушки. Но не будем о грустном. Вот я, например, сегодня на эмоции не поспешила, всё же приезд Марата праздновала как свою маленькую победу над этим грозным типом. Светилась насквозь лучезарной улыбкой, приветливо помахала рукой Диме, который в этот момент решил изобразить фокус с исчезновением человека в салоне автомобиля, а Марата поцеловала в губы, словно это мой единственный и неповторимый.

— Вижу, ты сегодня в настроении. — Тут же подметил он, помогая сесть в авто.

— Я всегда в настроении, если кто-то своей грозовой тучей не затмит это солнышко. — Указала руками на улыбку, Марат хмыкнул.

Он обошёл автомобиль сзади, присел рядом на сидение, скомандовал водителю ехать и снова вспомнил обо мне.

— Кто-то, это, так понимаю, я?

— А кто же ещё? По телефону добрый и приветливый, а как лично встречаемся, так из тебя ни единой живой эмоции не вытащишь.

— Х-м... — Он сложил губы трубочкой и покачал головой.

— Ну, извини, ты прав, вот эта эмоция под названием «Боже, что она несёт?..» тебе удаётся на славу.

— Нет, ты сегодня явно энергетика обпила. Дима, осторожнее на поворотах, вдруг наша дама решит показать высший пилотаж и выпрыгнет на ходу.

— Действительно, Дима, — придержала я за руку Марата, который вот-вот собирался меня заткнуть, — ты поаккуратнее, а то Марат Игнатьевич может действительно показать, как я исполняю этот высший пилотаж и вышвырнуть меня на ходу.

— Ты делаешь из меня монстра. — Вроде как обиделся Марат и отвернулся.

— Только не говори, что это не так.

Все замолчали, видимо, мой длинный язык рискует сильно укоротиться, не зря в медицинский центр едем. Да и гнетущее молчание не устраивало, поэтому я достала из пакета контейнер с оладушками, как я их ласково называю. Они получились золотистые, с румяной каймой по краю, очень аппетитные. Раскрыла перед отвернувшимся Маратом крышку и слегка помахала ею над выпечкой, разнося аромат по салону автомобиля. Он недоверчиво повернулся, видимо, хотел выяснить, чего это я тут размахалась, да так и застыл.

— Что это? — Повернулся уже всем корпусом и с интересом смотрел на содержимое.

Две аккуратные стопочки оладушек, а между ними две соусницы: одна с вареньем. Вторая — со сметаной.

— Я тут подумала, может, ты голодный, оттого и рычишь?

И подвинула контейнер ближе, Марат затаился, посмотрел с явным аппетитом, но

почему-то сдерживался. Не на ту напал, план «Б» у меня наготове.

— Дмитрий... не знаю, как вас по отчеству... угощайтесь.

И сама, торопя события, салфеткой взяла один оладушек, макнула в сметану и протянула водителю. Тот, в отличие от строптивного шефа, выпендриваться не стал.

— Спасибо, Марина Максимовна, — откусив один кусочек, заулыбался Дима, — очень вкусно.

Бросил взгляд в зеркало заднего вида на контейнер в моих руках.

— А варенье малиновое?

— Клубничное. — Порадовала я.

— Если вас не затруднит...

— Конечно, конечно.

Я засуетилась, а Марат оказался проворнее и на водителя прикрикнул.

— За дорогой следи. Давай сюда. — Это уже мне. Более грозно, но вроде как капитулируя.

Тщательно жевал, смаковал, а потом блаженно улыбнулся, утёр губы салфеткой.

— Мариш, ты кухаркой ко мне не хочешь? — Нагло заулыбался он, глядя, как настроение от такого предложения тает на глазах. Триумф.

— Как лестно с вашей стороны, но нет, боюсь, не осилю. — Криво улыбнулась я и теперь сама отвернулась к окну. Тут же почувствовала настойчиво пробирающуюся под мой бок ладонь.

— Да ладно тебе. Действительно, очень вкусно. Не ожидал, что ты умеешь готовить.

Подбородок мне на плечо положил и носом за ухом потёрся.

— Можно было просто сказать спасибо.

— Спасибо. — Шепнул на ухо, а потом, я так поняла, вспомнил, что мы не одни, подобрался и сел ровнее, оставляя меня в покое.

Пока я обижалась, а Марат искоса поглядывал на это, мы приехали по месту назначения. Он вышел первым, а я улучила момент и подсунула Диме второй контейнер, поменьше, но он и этому был несказанно рад. А дальше пошли по кабинетам. Марат, в основном, просто здоровался с врачами за руку, мне же, приходилось везде раздеваться, меня крутили, вертели, слушали, смотрели на горло, оценивали состояние кожных покровов и всего остального тела. И только в лаборатории я увидела, как этот мужчина бледнеет.

— Не бойся, Котик, — я толкнула Марата в бок, — это совсем не больно.

Лаборантка нам улынулась, а как моего Марата разглядела, так и вовсе засияла, принялась так же его уговаривать. Со стороны, так мультфильм про бегемота, который очень боялся уколов, отдыхает. В итоге, чтобы не смущать своего мужчину, я даже вышла. А через минуту он вышел следом, стал напротив меня, грозно пыхтя.

— Я думал, что они до сих пор тем копьём в палец тычут. — И руки на груди скрестил, внимательно разглядывая, не подслушивают ли нас со стороны.

— Ага, скарификатор называется. Только ты не оправдывайся, я сделаю вид, что ничего не было и никому не скажу. У нас, всё же, контракт.

— Пошли!

Вместо благодарности подтолкнул он меня и остановился у кабинета гинеколога. Я шагнула, Марат за мной. Я смотрю и не понимаю, а он улыбается, пакостно так, с издёвкой, бровями шевелит и руку протягивает к кабинету.

— Прошу.

— Спасибо, я как-нибудь сама. — Ответила заторможенно, а он улыбнулся ещё шире.

— Нет уж, красавица, кажется, ещё вчера ты нарывалась на физическую поддержку в каждом кабинете.

— Я была на взводе, погорячилась. — Проморгалась я, а он и не думает отступать.

— Поздно, милая, нас ждут двоих.

— Но...

Пока я пыталась сформулировать, что, собственно, «но», уже оказалась в просторном светлом кабинете и, как и ожидала, врач тоже был мужчиной. Не то, что бы я плохо к ним относилась, даже наоборот, мой врач тоже мужчина, но вот так, когда с ним договаривался Марат...

— Марат Игнатьевич, рад видеть. — Расцвёл во время моего активного шевеления мозгами старичок с усами и рванул к Марату, протягивая руку.

— Добрый день. Вот, как и обещал... — Посмотрел на меня, на всякий случай брови сдвинул, запрещая даже думать об отступлении. — Марина, моя девушка.

Врач посмотрел на меня более пристально и от этого взгляда стало неприятно. Как лошадь породистая на выставке, честное слово.

— Только мы ограничены во времени, так что...

— Понял, понял, давайте притупим к осмотру.

А далее по накатанной. Менструальный цикл и всё о нём, жалобы, в каком возрасте лишилась девственности... Но когда опрос дошёл до личного, то есть и всё остальное для меня было личным и особенно волновал вопрос врачебной тайны и всего такого, но вопрос о количестве половых партнёров, как-то окончательно выбил из колеи.

— Послушайте, а ему обязательно присутствовать при нашей беседе? — Не выдержала я и возмущённо отвернулась от обоих мужчин.

— Извините? — Не понял врач.

— А что здесь не понятного? Есть вещи, которые я не хочу обсуждать ни с ним, ни с вами.

— В таком случае, вы можете просто не отвечать на мои вопросы.

— Отлично! Значит я не буду отвечать на ваши вопросы вообще. Они как-то односторонне направлены!

— С чего вдруг вы так разволновались? — Врач непонимающе переводил взгляд с меня на Марата и обратно.

Марат при этом жевал губами, не желая вмешиваться, он вообще как-то странно перенёс этот разговор. Замкнулся в себе, не улыбался, и на меня старался не смотреть.

— Я не разволновалась. Давайте, берите необходимые анализы. Ведь, как я понимаю, — косой взгляд в сторону Марата, — именно с этой целью мы здесь, не так ли?

— Но...

— Вот и прекрасно. Где можно раздеваться?

Я подскочила с места, нервно оглянулась, но гинекологического кресла в пределах видимости не было. Марат сидел недвижимо, а врач на секунду и вовсе растерялся.

— Проходите. — Проговорил недовольно и кивнул в сторону закрытой двери. — раздевайтесь, устраивайтесь, я сейчас буду.

В соседнем, как оказалось, тоже кабинете, только уже для непосредственно осмотра, сидела улыбчивая молоденькая акушерка, которая мне и помогла во всём. Выдала одноразовую больничную пижаму, не знаю как правильно назвать этот балахон, помогла

взобратся на кресло, словно я дряхлая старушенция и сделать этого самостоятельно не могу. Врач не появлялся. Я так и поняла, что они с Маратом что-то обсуждают и если бы не злосчастная акушерка, я бы обязательно подслушала, что именно, но пришлось томиться в неведении. Отвечать на какие-либо другие вопросы, даже наедине, я настроена не была, всё равно ведь Марату доложит. Кто я... так, расходный материал для плотских утех. И как бы это не звучало со стороны, чувствовала я себя именно так и никак иначе.

А врач, собственно, когда вошёл, больше никаких вопросов и не задал, только спросил рожала ли я и все наводящие на эту тему вопросы. Вежливо обойдя стороной тему возрастного промежутка во время беременности. Странно, не так ли? И я ответила, потому что тут мне скрывать было нечего. Потом были анализы, осмотр груди, и «удачного пути» на дорожку. Про сроки результатов не спрашивала, понимала, что они не для меня, они для мужчин. Марат, по словам врача, уже ждал меня в машине, где я, собственно, его и нашла.

В этот раз, чтобы открыть мне дверь, не вышел никто. Дима, скорее всего, просто не заметил, Марат, даже заметив, не пошевелился бы. Я это поняла, когда его лицо увидела. Всю дорогу он напряжённо молчал, Дима, чувствуя, что пахнет жареным, в зеркало заднего вида на нас не смотрел. Высадили меня, Марат бросил фразу: «Когда будешь нужна, я тебя найду», отвернулся, и машина тихо сдвинулась с места. А я, оплёванная и униженная поплелась домой. Перед дверью собственной квартиры нацепила улыбку, исключительно для сына, не хотела, чтобы он вместе со мной переживал, потом был ранний ужин, совместный просмотр фильма и отбой как по расписанию. А в понедельник на работу.

— Привет, Марина, выглядишь уставшей. — Порадовала меня подружка-мегера, Влада Анатольевна.

— И тебе привет, выглядишь как всегда супер.

Влада присела напротив, поиграла бровями, растянула губы в искусственной улыбке и поторапливала.

— Ну, давай, рассказывай, кто он.

— Кто?

— Ну-у, — закатила она глаза мечтательно, — тот, с которым ты развлекалась все выходные и не только.

Бахнув громким хлопком больничный лист на стол, я посмотрела без доли шутки.

— ОРВИ. Быстротекущий.

— Что, правда болела? Ты не подумай ничего, просто в среду такая задумчивая была, я и решила. Ой, а ты не заразная?

Я опустила взгляд в больничный лист, нашла строку «дата выхода на работу».

— Написано, что здорова.

— У тебя ничего не случилось? Чего на людей бросаешься?

— Прости, прости, — поторопилась извиниться перед единственным нормальным человеком в моей ненормальной жизни. — Просто устала, не хочу сейчас ни с кем разговаривать. Давай на обеде. Ты как?

— Я за. Только обещай, что примешь до обеда противоядие от «Азверина».

— Я постараюсь. — Вяло улыбнулась я, привела в порядок рабочий стол, подготовила папку для занятия и из учительской вышла.

Работа не задалась, разговор с Владой в обед, тоже, Марат не звонил, что прилично напрягало, не нравилось мне это затишье. Вторник примерно в таком же режиме, к среде я ожила и забыла недавние горести, а в пятницу получила известие от медицинского центра, в

котором меня приглашали на личную беседу к акушеру-гинекологу.

Америку они мне, конечно, не открыли, рассказав о нарушенном МЦ, но старичок очень беспокоился за моральное состояние и его последствия. В итоге были выписаны витамины, какой-то гормональный препарат для урегулирования проблем и назначена повторная консультация через три месяца.

Марат объявился в воскресенье. Почему-то в этот раз идти к нему не хотелось совершенно, даже ноги отказывались двигаться в нужном направлении. Чтобы загнать своё тело и своё сердце, отправилась по лестнице пешком, а чтобы загрузить мозг и не бояться, считала ступеньки. Помогло. Правда, когда вошла в квартиру к ТРЕЗВОМУ Марату, думал только о гудящих ногах, отсутствующем дыхании и неприятной усталости.

— Не знал, что лифт не работает. — Ухмыльнулся он, явно догадываясь о моих намерениях.

— Здоровый образ жизни. Говорят, помогает.

— Да. Особенно тем, кто бегают по лестницам раз в несколько лет. Проходи.

Как всегда предельно невежливо, он отвернулся, демонстрируя свою напряжённую спину. Вот, правда, лучше бы он был выпивший. Спросила, на свою голову. А что делать? Пошла следом.

Не останавливаясь в гостиной, Марат поднялся по лестнице в спальню, я, увидев ещё ступеньки. Подумала, что лучше бы тряслась от страха, чем умирала от изнеможения, и деревянными, негнушимися, теперь уж точно негнушимися ногами, потопала по узким ступеням. Пока добралась, Марат и заскучать успел.

— Можешь сходить в душ, думаю, остынешь, придёшь в себя.

— Ага, ты ещё добавь «успокоишься». — Буркнула себе под нос.

— Могу потерять спинку, если ты так настаиваешь. — Услышала вслед и ускорила под сдавленный смех.

Горячая вода сделала своё дело и меня разморило не на шутку. Я так и подумала, что ещё минут десять и бояться будет нечего — вырублюсь прямо под душем, поэтому воду выключила, полотенцем обернулась и вышла. А чего, собственно говоря, стараться? Всё равно я перед ним раздеваюсь, в этот раз появлюсь подготовленная. И, конечно же, выглядела очень глупо, в полотенце на мокрое тело, перед столиком со свечками, ужином и вином.

— Надеюсь, этими свечами ты не пытать меня собрался. — Ляпнула я и испортила настроение ещё и Марату.

— Не собирался, но если есть такое желание, то запросто.

— Такого желания нет. — Быстро добавила я, пытаюсь исправить положение.

Посмотрела на накрытый стол, вдруг поняла, что очень голодная, ведь за весь день только чашку кофе и выпила, потому что Андрея водила в парк на карусели. Марат сидел за столом и уже пригубил вино, меня не приглашал.

— Если у тебя найдётся какой-нибудь халат, могу составить компанию. — Выкрутилась.

— Возьми в шкафу, хотя в таком виде ты только возбуждаешь мой аппетит.

— Даже знаю какой. — Опять же, бурчала я, пока добиралась до гардеробной комнаты. Извлекла с полки свеженький махровый халатик, на удивление мягкий и на удивление оранжевый, завернулась в него едва ли не с головой и расслабилась. За стол вернулась с улыбкой на губах, теплотой во взгляде, Марат это прочувствовал, но не оценил. Налил вина,

на тарелке остывало ароматное запечённое мясо. Отрезав кусочек, я попробовала, да, это лучше моих оладушек, но поесть спокойно не получилось.

— Значит, пятнадцать? — Не понятно с чего спросил Марат и я застыла с кусочком мяса во рту. Опомнившись, быстро прожевала и нахмурилась.

— Что?

Да, ещё: по статистике, это самый часто употребляемый вопрос в моих беседах с этим мужчиной.

— В пятнадцать? — Повторил Марат, с ухудшающимся в геометрической прогрессии настроением.

— Что в пятнадцать?

Он посмотрел, склонив голову набок, мой недоумённый вид его не устроил и он продемонстрировал мне свой скучающий. Плюнув на чужие заморочки, продолжила есть мясо, пока то не остыло, но в процессе пережёвывания, поняла, что он имел в виду, вспомнила, на чём закончилась наша последняя встреча и подавилась. Закашлялась до слёз, а он и не подумал помочь. Еле живая, я не хотела смотреть на Марата, какое ему вообще дело, когда у меня был первый секс? Это было до него и никого кроме меня самой не касается и именно это я хотела ответить, но, посмотрев в серые, полные гнева глаза, не смогла. Гордо отвернулась, положив вилку на место и несколько секунд молчала.

— Зачем тогда целкой прикидывалась?

— Я не прикидывалась. — Ответила, пытаюсь сдержать слёзы, а он плевал на мои чувства, продолжал добивать.

— Серьёзно? А мне так не показалось. То ломалась, то сама лезла на меня. Как так?

— Это ты сказал. Не я.

— И как тебе, понравилось, в пятнадцать? Сколько было твоему парню?

— Это не твоё дело.

— Мне просто интересно. — Театрально развёл руками и не пытаюсь скрыть нарастающее раздражение.

— А если интересно, озадачь свою службу безопасности. — Сверкнула я глазами, а он и рад.

— Боюсь, у меня не хватит людей, каждую проверять.

— Значит, умерь аппетиты!

— Раздевайся. — Безразличным тоном приказал Марат, а мне обидно стало.

— Я есть хочу. — Посмотрела на него и не боялась, а его бесит это. То, что я могу смотреть в глаза, бесит и заставляет меня унижать, что, собственно, он и сделал.

Поднялся сам, свою рубашку стянул, мне, естественно, кусок в горло не лезет, да ещё и таким взглядом смотрит, словно убил бы, если бы мог. Или, если бы мог без меня? Вино из бокала залпом выпил. Перетерпев мой молчаливый протест, Марат замер.

— Раздевайся! — Посмотрел более внушительно и нахмурился. Когда и на это я не отреагировала, просто выдернул из-за стола, вывернул из халата и грубо, показывая свою силу и власть, поцеловал, удерживая одной рукой за лицо, другой — прижимая к себе за талию.

Возбуждился он мгновенно, кажется, его и самого заводит власть надо мной, не удивительно, что такие люди становятся руководителями — жажда обладания у них в крови. Постепенно властный поцелуй смягчался и движения языка становились всё более ласкающими, не такими агрессивными. Рука с лица сползла ниже и принялась ласкать шею,

затылок, расслабляя меня всё больше. А я и рада стараться, только бы он оставался таким всегда. Обмякла в его руках, обвила его шею своими, не требуя поддержки со спины, прижималась к Марату всем телом. Он эти изменения тоже почувствовал, но не напрягся, не переиграл расклад сегодняшней встречи, наверно, хотел быть нежным. Именно сегодня, не знаю, уж, почему. Его поцелуи, как сотни парящих над телом бабочек, заставляли прогибаться, прижимаясь к тёплым губам, просить большего, хотеть большего. Сегодня он был уже иным и я запуталась в многогранном «я» этого мужчины. Искала его губы, гладила его плечи, сама принялась стягивать брюки, которые сейчас казались совершенно лишними. И, да, это был секс по взаимному желанию и взаимному наслаждению. Впервые. С ним. Он изучал моё тело, не оставляя без внимания ни одного сантиметра горячей от возбуждения кожи. Улыбался, когда видел ответную реакцию, впивался в губы, когда понимал, что это не только реакция тела, но и моё истинное желание. Обхватив Марата ногами, чтобы быть ближе, я зависла, понимая, что всё это моё. Он мой, со всеми своими прихотями и заскоками, коих не мало. Массировала его затылок, перебирала пальцами чуть удлиненные волосы, наслаждаясь их жёсткостью. Они, как и их хозяин, не желали подчиняться и это мне тоже нравилось. В этот раз Марат сам раскатал презерватив, только делать это постоянно отвлекаясь на мои неуёмные аппетиты, было сложно. А я хотела поцелуев, ловила момент, зная, как он изменчив, и уже в следующую секунду опасаясь вернуться назад, туда, где я его должница, а он мой кредитор. Первое проникновение оказалось нарочито медленным, дразнящим, мне хотелось его настоящего, необузданного, взбешённого. Да, я хотела, чтобы он был нежным внутри и дерзким снаружи, чтобы никто не знал его настоящего и не хотелось думать о том, что Марата настоящего не знаю даже я сама. Достаточно растянув меня, он проник резко, так, как я и хотела. И глаза, не желая того, раскрылись, чтобы видеть его взгляд, чтобы видеть, как он сходит с ума, как умирает рядом со мной в это самое мгновение и тут же возрождается, чтобы сделать следующий вдох, следующее убивающее меня движение. И я билась под ним, готова была кусаться и царапаться, и Марат мне подыгрывал. Точнее, я думала, что он живёт рядом со мной, в эту самую секунду, а он как всегда играл. Но я об этом тогда не знала, улыбалась, злилась, когда он останавливался, брыкалась, подгоняя, и извивалась, двигаясь ему навстречу. Развернув меня к себе спиной, поставив на колени, Марат долго гладил низ спины и ягодицы. Просто гладил, хотя я знала, что он по-прежнему возбуждён. Невесомые прикосновения ощущались то там, то тут. В меня проникал то дин палец, то два, а я стонала как сумасшедшая, упиваясь его реакцией на всё происходящее. А Марат наслаждался видом сзади.

— Ты извращенец. Да? Или просто издеваешься надо мной? — Прорычала, когда мне смертельно хотелось большего, а не лёгких касаний.

— Да, Детка, я извращенец и я обожаю смотреть на тебя в такой позе. — Прошептал он, склоняясь над моим ухом, прижимаясь к бёдрам и спине. — Веришь, нет, моя воля, не позволял бы тебе подниматься. — Прикусив ухо, потёрся о меня возбуждённым членом и довольно рассмеялся, когда я сделала ответное движение, приближаясь ему навстречу. — Нет так быстро, моя хорошая. — Рассмеялся он низким голосом, щекоча мою шею своим дыханием. — Не так быстро.

— Сейчас! — Потребовала я, пытаюсь подняться, развернуться, сделать что угодно, только бы заставить его действовать.

Получила шлепок по попе, не очень болезненный, но достаточно увесистый, расстроено промычала, понимая, что таким образом не добьюсь ровным счётом ничего. Не знала, какой

он хотел видеть меня, но готова была стать любой, только бы ему нравилось. Сама не понимаю, что происходило внутри, никогда под мужчин не подстраивалась, а здесь, словно голодный, просящий кусок хлеба, ждала его похвалы. Когда упругая головка упёрлась в промежность — не растерялась, резко назад двинулась и простонала под его удовлетворённый рык. Пальцы, которые ещё секунду назад казались мне воздушными, невесомыми, впились в кожу и словно хотели оставить её себе на память.

— Марат... — Простонала я, выгибаясь под уверенные резкие толчки.

— Да, моя красавица. — Прошипел он и я поняла, что сказка закончилась. Не знаю, как объяснить... да, я хотела резкости, животных инстинктов, грубого секса, но только другого. Такого, когда у Марата внутри не сидит дикий зверь, пытающийся сделать мне больно, а такого, когда он хочет, чтобы мне было хорошо. Сама не знала, чего просила, но не того, что началось.

— Почему ты молчишь? Ты ведь этого хотела. — Издевательским тоном прошептал он, задыхаясь от заданного темпа, я покачала головой.

— Нет.

Ответила, вцепилась ногтями в покрывало, чтобы не упасть под усиливающимися толчками. Теперь он просто врезался в моё тело, которое казалось бездонным для него, и которое кричало о помощи для меня.

— Нет?

— Нет. — Повторила я и едва удержалась, чтобы не упасть, когда движения прекратились. Он отклонился назад, усаживаясь на пятки, одним движением развернул меня к себе.

— А чего тогда ты хочешь?

— Ты ведь другой. — Прошептала, понимая, что он сейчас рассмеётся мне в лицо. — Не такой, каким хочешь казаться.

— И?

— И я хочу тебя другого.

Он, не веря своим ушам, посмотрел на меня, приподняв брови. Как мог сдерживал улыбку, которая не обещала ничего хорошего, а потом не выдержал и заливисто рассмеялся, глядя мне в глаза, игнорируя то, как они наполняются слезами. А потом смех резко оборвался и на лице показался звериный оскал.

— А не многого ли ты хочешь, красавица?

Я сглотнула, чувствуя, как он изнутри чернеет, и эта чернота, ярость, отражается в его глазах.

— Ты забыла, зачем здесь? А я напому. Ты долг отработываешь, ложаешься под меня. Просто продаёшься как проститутка и при этом умудряешься получить удовольствие. Не много? Ещё чего-то хочешь?

Схватил меня за лицо, сдавливая его с обеих сторон одной рукой, отстраняя меня на расстояние, чтобы видеть, что я чувствую.

— Ты — тварь, которая не умеет чувствовать и не достойна большего, чем имеешь. Такие как ты ничего не умеют, только как продаваться. Не удивлюсь, что свой первый раз ты тоже выбирала сама. Только не со мной. Понимаешь? — Сотрясал меня, словно тряпичную куклу. — Не со мной, Марина! Ты шлюха! И всегда была ей!

Не знаю, как не ударил, казалось, убить на месте готов. Но вдруг отпустил меня, тут же поцеловал в губы, толкнул на подушки и придавил сверху своим весом. Одной рукой больно

сжал грудь, другой надавил на клитор. И в этих движениях не было той нежности, но они были верно, до миллиметра рассчитаны, как и моя на них реакция. Мгновенная, словно взрыв, и стон мой получился не такой как обычно, и точно уж не такой, какой я издаю, имитируя оргазм. Он был похож на вой раненного животного, каким, по сути, я и являлась. Марат кончил быстро, войдя в меня и толкнувшись несколько раз, тоже, не от физического воздействия. Этот оргазм был на уровне инстинктов, на эмоциональном уровне. Потом он аккуратно вышел из меня, прижался сбоку, подгребая под себя, зарылся носом в волосы и тихо сопел, раздумывая. Я точно знала, что не спит, и сама спать не могла, хотя ощущала невероятную усталость. Я была разбита. Так мы и лежали часа два. Мне даже показалось, что на доли секунды я отключалась, успокаиваясь под размеренное биение его сердца, но тут же вспоминала где, с кем, почему, и иллюзия исчезала.

— Я могу идти?

Марат вздрогнул, услышав мой голос, практически незаметно, практически не ощутимо, но я знала, что он не хочет отпускать. Вот такой весь противоречивый. Любит и одновременно ненавидит. Почему-то не хотела признаваться самой себе, что это не любовь, что-то иное, но так было легче, практически не пошло и казалось похожим на правду. Он пригладил мои волосы, провёл рукой по талии, бедру, разгоняя дрожь, приткнулся губами к плечу.

— А если я скажу, чтобы ты осталась?

Он говорил странно, не так как всегда.

— Мне нужно идти.

— А если я попрошу?

Он уже просил, только я не услышала.

— У нас контракт.

— Ты можешь быть свободна.

Тут же ответил он без малейших, казалось бы, колебаний, но тело стало единой стальной конструкцией. Когда я потянулась за полотенцем, чтобы прикрыться, Марат меня за руку одёрнул.

— Я хочу видеть тебя.

И я не могла спорить. С другой стороны, было в этом что-то правильное, что-то такое, что он не мог объяснить мне словами, но проявлял во взгляде. Жадном, ненасытном. Приняв душ, вернулась в комнату, где под этим самым взглядом медленно, с чувством и расстановкой, одевалась. И даже получила удовольствие. То самое, в котором он меня сегодня обвинил. Я наркоманка его внимания. Марат курил лёжа в постели, к тому моменту уже натянул на голое тело широкие трикотажные штаны. Выглядел тёплым и нежным, только вся внешняя ершистость не позволяла умилиться. А когда я открыла рот, чтобы попрощаться, потому что, что сказать не знала, а зачем молчать не понимала, он меня перебил, не позволяя издать и звука.

— Пришли результаты анализов. — Оповестил будничным тоном и отвернулся, чтобы сбросить пепел. Несколько раз постучал пальцем по тлевшей сигарете, затем снова поймал мой взгляд, глубоко затянулся, не отпуская его, наслаждаясь тем нетерпением и волнением, которое в нём читалось. Выждал момент и улыбнулся.

— У тебя всё в порядке. Только ты не сказала мне про беседу с гинекологом.

— Ты не спрашивал. — Пожала я плечами.

— В любом случае, я хочу знать о тебе всё.

— Марат, я...

— Согласись, это непосредственно касается наших с тобой отношений. — Надавил он на меня и я присела на край кровати.

— Ничего особенного и сверхъестественного. У меня нерегулярный менструальный цикл.

— Почему?

Я знала почему, причина была спрятала где-то на уровне подсознания. Всё началось после того изнасилования. Но отчитываться не собиралась.

— Не знаю. Всегда так было.

— И что это значит? — Продолжал выпытывать он, чем начал раздражать и я сорвалась:

— Лишь то, что ты можешь трахать меня и три месяца подряд без перерыва. Надеюсь, тебя это устраивает?!

Мой крик он стерпел и даже оставил незамеченным, чем втоптал ещё больше, чем если бы ответил на эту эмоцию. Дождался, пока я отдышусь.

— Всё? Успокоилась? — Я отвернулась, закрыв лицо руками. — Я не слышу ответа на поставленный вопрос!

— Да! Да! Да!

Прокричала в ладони.

— Вот и молодец.

Он поднялся, приседая на кровати, согнул ноги в коленях, разводя их шире, затушил окурок о хрустальную пепельницу.

— В общем, результаты меня устраивают.

— А меня?

— Что тебя?

— Меня они устраивают? И почему вообще они у тебя казались?

На самом деле я не была удивлена, и не то, чтобы совсем против, но тут пошла на принцип. Подняла на него пытливый взгляд, а Марат ничуть не смутился. С тоской посмотрел на потушенную сигарету, вздохнул.

— Зачем спрашивать, если ты и так знаешь ответ на свой вопрос?

— Не знаю.

— А если не знаешь, то я скажу: кто платит деньги, тот и заказывает бал. Я оставил свои контакты, я и получил результаты обследования. Большого тебе знать не нужно.

— А ты?

— Что? — Спросил уже раздражённо.

— Ты здоров?

— Если не считать повышенного сахара после твоих оладий с вареньем, то всё в порядке.

— Хорошо.

— Правда? — Марат недоверчиво посмотрел, щурясь одним глазом. — А я думал, ты не будешь против, если меня сморит какая-нибудь африканская лихорадка.

— Не преувеличивай.

Посидев, вытерпев ещё с минуту его взгляд, я подвинулась ближе к краю.

— Я могу идти? Уже поздно.

— Можешь. В следующий раз придёшь во вторник.

— Но это послезавтра.

— Ты неделю от меня отдыхала. — Каменным голосом возразил Марат, не выдержал и всё же закурил снова, выпустил дым в мою сторону, склонил голову набок, рассматривая.

— Я пойду.

— Иди. И подумай насчёт средств контрацепции.

Глава 9

Я, как и не вставала, плюхнулась обратно с круглыми глазами.

— Меня всё устраивает. — Проговорила испуганно, уже понимала, к чему всё идёт. Обследование это...

— Меня не устраивает! Что будешь делать мне по **й... таблетки там, спираль, уколы... какие ещё бабские заморочки сейчас есть?.. Но чтобы во вторник, я не видел твоих округлившихся, так же как и сейчас, глаз. Мне откровенно всё равно, что ты придумаешь. Да хоть аборты каждый месяц делай, — меня от его слов заметно передёрнуло, но Марат не смягчился, а, напротив, держал меня своим тоном на коротком поводке, — главное, чтобы у меня перебоев в сексе не было. Вопросы?

— Ты чудовище... — Неверяще смотрела я на него.

— А ты красавица. — Легко усмехнулся Марат, затянулся сигаретой, задумавшись, пожал плечами. — Классика жанра.

А я отмереть не могла, смотрела на него. В горле ком, перед глазами пелена и рвотные позывы один за одним. Не прощаясь, вскочила и сбежала с лестницы. Спотыкаясь, бежала по лестнице подъезда, отдышаться не могла, но не останавливалась. Всё изменилось в один момент и Марат просто перестал для меня существовать. Не хочу ничего. И ничего не будет. А дальше, словно картинки из немого кино: машина, подъезд, моя постель. Я даже к Андрею не заглянула. Чтобы не напугать его, так мне было плохо. Не понимала, как можно так говорить о детях, о маленьких, не родившихся, незащитных комочках. словно со своей частичкой расстаться, с частью своего сердца — это просто плюнуть и растереть. Полночи проревела, потом полночи валерьянкой себя отпаивала. В итоге на работу не пошла. И всё равно было, что и как, кем заменят, как мне продемонстрировал Марат, главное вовремя поставить других перед фактом. Ни о чём думать не хотелось, только мысль о том, что он не отступится от своего решения, которое принял давно и только шёл к воплощению этой идеи в жизнь, не дала мне отлежаться. Я сделала так, как он хотел и уже на следующее утро, предварительно сдав анализы, могла себе позволить отказаться от презерватива. Урод! Ненавижу! Больно не было, было неприятно, а ещё... ещё я не хотела, чтобы он прикасался ко мне. Каждая встреча как дежавю. Всё по накатанной. Радость встречи, горечь времени, проведённого рядом с ним, и ненависть, которая снова и снова перерождается в чуждое мне чувство. За это и ненавижу...

Телефонный звонок на мобильный во вторник вечером напомнил о том, что пара выходить. Теперь каждый раз Дима ждал меня у подъезда.

— Андрюш, ты побудешь сегодня один? — Улыбнулась я сыну на прощание, хотя как лезвием по сердцу был каждый мой уход.

— Мама, перестань, я уже взрослый. — Каждый раз отвечал он мне и махал рукой на прощание.

Ему тоже хотелось свободы, мой дорогой ещё не знает, что своих желаний нужно бояться.

В тот вечер Марат остался доволен. Тем, что я сделала так, как он хотел. Тем, что нас теперь ничего не разделяло. Он долго смотрел на меня, гладил, ласкал, пытаюсь добиться

эмоций, а я на всё лишь улыбалась. Так, как хотел он. Потом ещё одна встреча и ещё. Кажется, они тянулись вечно, а его ласка становилась всё навязчивее, всё настойчивее. Вскоре он почувствовал, будто что-то не так, но как ни давил, как ни унижал, ничего добиться не смог. Успокоился. А может, просто отложил до более удобного случая. Он ведь у нас стратег. Я приходила и уходила, была то угодной, то неугодной. Иногда купалась в неге, а иногда он банально на мне срывался. Не важно из-за чего, просто я была самой удобной кандидатурой. Точнее, я сразу так думала и только позже поняла, что всё это оттого, что он меня не чувствует, что я сама не чувствую себя. И Марат бесился, из себя выходил, правда, больше ни разу меня не ударил, даже не угрожал, но и за первый раз не особо извинялся. Он мог часами изучать меня взглядом, пока я отводила глаза в сторону. Прикасался ко мне, улыбался, выводя на эмоции и ничего. Я словно замирала на это время, не могла отогреться и на работе. Только рядом с сыном вспоминала себя. И Марат сорвался. Он не кричал, не размахивал кулаками, он просто поступил так же, как и я: никаких эмоций, механический процесс. Секс. Не было ни взглядов, ни прикосновений. Он мог вызвать меня в свой кабинет в банке и отыметь, пока за дверью суежилась секретарь или когда его ожидает толпа служащих. Марат пытался вывести меня из того ступора, в котором я находилась, пряталась, словно в коконе, но тщетно. Казалось, я и сама себя оттуда не могу достать... или не хочу.

Он лежал на постели и курил. Х-м. Мне кажется, что засыпая, я перед собой вижу именно этот момент своей жизни, так часто он происходит в реальности. Курит, затягиваясь, и пристально рассматривает меня. Я больше не стесняюсь, спокойно смотрю на него в ответ. Если Марат включает музыку, могу даже подыграть, и делаю движения более плавными, совпадающими с ней, только сегодня была слишком уставшей, чтобы хоть как-то отреагировать. Марат с пульта включил музыкальный центр на любимой радиоволне, добавил звук, и по комнате разлился знакомый мне хит DJ Smash и Ridley. Под текст которой Марат загадочно улыбался, а когда начался припев, поразил меня своим вокальным талантом и начал подпевать, раскачивая головой в такт.

— The night is young

And I cant go wrong with you...

Глубоко затянулся, широко улыбнулся, выпустив дым из лёгких и продолжил петь. На долю секунды я засмотрелась на него. После секса бывают такие моменты, когда он забывает о своей ненависти, расслабляется и становится настоящим, таким, каким я его всегда представляла. С тёплым ласкающим взглядом, с блеском в глазах. Только не звериным, а с азартным, простым человеческим блеском, таким, когда у тебя всё в жизни складывается. Но эти моменты слишком коротки, чтобы довериться ему и оттаять.

— Что? — Улыбнулась я в ответ в тот момент, когда его улыбка стала искренней. Теперь я всегда это чувствовала и различала его настроение как метеоролог надвигающуюся грозовую тучу.

Он покачал головой, стал учащённо дышать.

— Ты красивая. — Сказал и глазами сверкнул, а я в краску, наверно, это первый раз, когда он произнёс это слово без издёвки, и я, готовая сгореть изнутри, опустила взгляд.

А когда он тихо рассмеялся, закрыла глаза, осознавая, что снова сделала что-то не так.

— Я тебе удивляюсь, Мариш, банальнейший комплимент, а ты краснеешь как

первокурсница. Не понимаю, как ещё девственницей не оказалась. Не подсказешь?

Он мгновенно разозлился, и о музыке забыл, и о своей улыбке. Я отвернулась, давая понять, что продолжения у разговора не будет, а он теперь не настаивал, знал, что бесполезно.

— Как вам мой английский, Марина Максимовна? — Спросил с издёвкой, губы облизывая.

— У тебя превосходное произношение. — Скупясь на эмоции, ответила я и сухо улыбнулась.

— Ещё бы, Гарвард веников не вяжет.

— Разве ты там учился?

— Нет. Я учился у человека, который учился там. Да, впрочем, неважно.

Казалось, он хочет о чём-то поговорить, только не решается. Марат... и не решается. Даже звучит смешно, не говоря уже о том, как это выглядит.

— Завтра придёшь. — Обрубил он мои мысли жёстким приказом.

— Я не приду.

— Что?! — Тут же вызверился, на кровати подскочил, ко мне приближаясь.

— Мы договаривались на четыре встречи в неделю. Сегодня суббота и я у тебя пятый вечер подряд.

— А я сказал, что ты придёшь ко мне завтра. — Упрямо повторил Марат.

Не притронулся ко мне, хотя косточки на руках, сжимающихся в кулаки, хрустнули. Он обошёл меня стороной, налил себе выпить, повернулся, зная, что наблюдаю за этими движениями. Вот, и правда, немного выпив, Марат успокаивался, а трезвый говорил и поступал особенно жестоко, поэтому я вздохнула с облегчением.

— Я уезжаю на две недели. — Сказал, глядя в пол.

— По делам?

— Вроде того. Мариш, хочешь, со мной поехали, в гостинице поживём, в океане искупнёмся? — Посмотрел с грустной улыбкой, словно заранее знал ответ.

— Я приду завтра. — Ответила сходу.

Он скрипнул зубами, едко улыбаясь, всё так же не глядя на меня.

— Кто бы сомневался.

Подошёл ближе, мазнул своими горькими от табака и алкоголя губами по моей щеке, по губам, проталкивая язык в рот, исследуя его, пытаюсь привлечь моя язык, резко отстранился.

— Можешь не приходить.

— Что-то изменилось?

Он снова рассмеялся. Мне казалось, что, так же, как и я, на грани срыва находятся, еле сдерживается.

— Заметь, красавица, тебя всегда и всё не устраивает. Если нужно придти — не так, не нужно — не то.

— Я просто не понимаю чем ты руководишься при принятии решений.

— В отношении тебя? — Заглянул он в мои глаза, прищуриваясь.

— Хотя бы.

Уходя от нежелательного разговора, поставил на кровать ноут, включил его, а я всё ждала ответа.

— Не поверишь, но когда с тобой рядом, вообще голова отключается. Поступаю импульсивно, необдуманно в принципе. А ты меня только провоцируешь на это.

— Я? Чем, если не секрет.

— Своим поведением. Ты всегда недовольна, всегда и всем. Что бы я ни говорил и что бы ни делал.

— Я просто не понимаю. — Присела я рядом, пытаюсь оторвать его от монитора загрузившегося компьютера.

— И поэтому выводешь меня из себя?

— А мне кажется, что ты только и ждёшь, чтобы я ошиблась, удовольствие получаешь, унижая меня, оскорбляя.

— Слова-то какие. Унижаю я её! Мариш, ты меня ни с кем не перепутала? Учти, если узнаю, что с кем ещё встречаешься, его в асфальт закатаю, тебя к кровати пристегну наручниками и больше не выпущу.

Сказал вроде и в шутку, а я вот и не сомневалась, что так и будет. Одно «но», мне никто кроме него не нужен. И пусть он меня унижает, обижает, ничего с собой поделать не могу, во сне зову по имени и просыпаюсь, обнимая подушку. Не могу без него, с ума схожу, запах родной, голос, заставляющий улыбнуться, взгляд, который ни с чьим не перепутать.

Сигнал оповестил о сообщении и Марат отвлёкся. Потом выглянул, разглядывая меня из-под нахмуренных бровей. Он так смешно хмурился, и губы при этом собирались в кучку, обожаю его такого, поэтому улыбнулась, разглаживая морщинку между бровей.

— Марина, я не понял, — начал он, недоверчиво глядя в монитор, — ты выплачиваешь кредит?

— Какой кредит? — Улыбнулась я, прилегла, соблазняя его обнажившейся в вырезе платья грудью, только когда Марат в работе, он к подобному равнодушен.

— Свой кредит за квартиру. — Нахмурился он ещё больше, и привстал, опираясь на руки.

— Естественно. Что тебя так удивило?

Он вздохнул, потирая уставшие от излучения монитора глаза, знаю ведь, что весь день за ним работает, и всё равно тянется как только свободная минутка выдаётся.

— Я давно погасил твой кредит и ты ничего не должна. Тебе наверно пришло извещение.

— Было такое. — Просто ответила я, так же присаживаясь.

— Тогда в чём проблема?

— Может, в том, что это моя квартира и я сама буду за неё платить?

— То есть ты знала, что ничего не должна и продолжала класть деньги? — Возмутился он и повернул моё лицо в свою сторону.

— Скажем так, я догадывалась, что это не ошибка.

— Почему у меня не спросила?

— С чего бы? Ты мне ясно дал понять мою стоимость. А, судя по вложениям, сильно переоцениваешь. Или мои услуги настолько возросли в цене? Значит, раньше я была дешёвка? — Вспомнила старинный анекдот, а Марат напрягся, не понял.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно! — Всплеснула ладонями, раздражаясь на него.

Попыталась сползти с кровати, но была не в самом выгодном положении, поэтому через секунду оказалась под горячи телом.

— Ты никому и ничего не должна. Поняла? Эти деньги будут на твоей карточке уже завтра и больше чтобы ни единого платежа.

— Ага, а потом ты скажешь, что я снова тебе должна. Боюсь, за всю жизнь не рассчитаюсь, а с такими твоими запросами товарный вид потеряю очень скоро.

— Перестань! — С силой оттолкнулся он от меня.

— А что? Скажешь, ты не знал, что меня обманули твои сотрудники? Сейчас отворачиваешься, а тогда вполне выгодно воспользовался ситуацией.

— Не говори ерунды.

— А что?! — Задохнулась от возмущения я. — Это твоя обычная практика, укладывать в свою постель всех должников банка? Не знала, что ты такой половой гигант.

— Этот разговор окончен и не имеет смысла. Я сказал: ты больше ничего не должна. Точка! — Раскраснелся он, доказывая свою правоту. — Ещё раз увижу твою платёжку, действительно не рассчитаешься! — Пригрозил и выдохся. — Всё, иди, голова от тебя разболелась.

Я плечами пожала, не напоминая о том, что голова болит от ежедневного употребления за воротник.

— Завтра приходить? — Спросила, обращаясь уже к его спине.

— Забудь. — Отмахнулся.

Я и забыла. Спокойно пошла домой. А дома сюрприз: двенадцать ночи, а Андрюша мой не спит, да ещё и не один.

— О-па, а кто это у нас тут? — С прихлопом, волком смотрела на меня Света. — Ну-ка малой, сгребай подарки, иди баиньки, мы с мамой тут посплетничаем.

Андрюша собрал коробки со стола и пола, послушно поплёлся в сторону своей комнаты. У её порога обернулся.

— Мама, тётя Света приехала. — Сказал он мне. Да? Правда? А я и не заметила.

— Давай, садись, я тебе чайку налью. Устала, небось? — Приговаривала, меж тем, Света, весьма многообещающе глядя на меня.

Я безвольно опустилась на стул.

— Не томи, рассказывай. А то по телефону: «ничего нового, да ничего нового...». — И уставилась на меня.

— Я не знаю, что сказать.

— Да? Начни с того, что за кекс тебя привёз. Да так пафосно, старушки, наверно, повторно сидеют, глядя на то, как для тебя, среднестатистической училки, мужики двери распахивают и ручку подают.

— Это водитель.

— Водитель? — Присвистнула она, намазывая мне бутерброд.

И я не сдержалась, поняла, что должна выговориться, поделиться, чтобы не умереть от недостатка внимания и избытка чувств.

— Ты помнишь Марата?

— Это того чеканутого, который к тебе ещё в нашем городе подкатывал, а потом едва не придушил?

— Я много раз тебе говорила, что он меня не душил. — Возразила я, а Света ухмыльнулась.

— Допустим, только ты не отвлекайся. Марат. Помню такого.

— Так вот, так получилось, что я сейчас с ним.

— А как глазки блестят, с каким энтузиазмом ты выдавила из себя эти фразы. Давай подробнее, пока я тебя пытаться не начала.

И я рассказала подробнее, Света ухнула.

— Знаешь, подруга, я, конечно, в курсе, что ты головой стукнутая, но ведь не настолько, чтобы не понимать, что это банальный развод?

— Я понимаю.

— Так, в чём проблема? Пошли его куда подальше! — Махнула она рукой, видимо, указывая направление. Я только усмехнулась.

— Я не могу.

— Скорее, не хочешь.

— И не могу, и не хочу. — Согласилась и опустила плечи, не зная, что ещё сказать.

— Так. Понятно. Ты говорить с ним пробовала?

— О чём? — Сдерживая слёзы всхлипнула я. Света всегда меня понимала с полуслова и то, что даже такими дикими на первый взгляд отношениями дорожу, просекла на раз.

— Как же... люблю-не-могу, женитесь на мне поскорее.

— Не говорила. Он вообще разговоры не переносит. Сразу беситься начинает.

— И что? Всё равно хуже уже быть не может. Давай прикинем. — И мы принялись считать, Света при этом загибала пальцы. — Права голоса ты не имеешь, прибегаешь по первому требованию, ублажаешь по высшему разряду. Выслушиваешь его проблемы, не вещаешь о своих, при этом о тебя спокойненько можно вытереть ноги, а ты от этого только счастлива. Почти жена, только штампа в паспорте не хватает!

— Ты не права.

— Да? В чём?! — Мгновенно загорелась желанием меня научить уму-разуму подруга.

— Ну-у, например, сегодня я узнала, что он погасил кредит за мою квартиру в полном объёме и я ничего не должна.

— Ну-ну. — Скептически скривилась Света. — Ау, подруга, проснись! — Похлопала меня по щеке. — Он владелец банка, у него семь пятниц на неделе. Сегодня не должна, завтра должна втрое больше. Не удивлюсь, если всё изначально именно Маратик твой и подстроил.

— Не он. Там, примерно за полгода до нашей встречи я документы эти подписала. И видеть он меня не хотел. Это я настояла на беседе с владельцем. Так и встретились.

— Тогда я не знаю! — Она развела руками, отхлебнула кофе с коньяком, скривилась. — Что ты собираешься делать, это ведь тоже не жизнь?

— Не знаю, иногда он смягчается, улыбается...

— Марина, я прошу, не делай лицо «дурдом на выгуле». Такая же идиотская улыбочка была как только вы познакомились. Но ладно тогда, он цветочки дарил и зажимал у подъезда. Теперь откуда столько иллюзий?

Я вздохнула, пожимая плечами.

— А ещё сегодня он предложил мне съездить с ним куда-то на две недели.

— Куда-то это куда? — Приподнимая брови и кривя губы, Света пыталась продемонстрировать степень моей наивности.

— Не знаю. Сказал, будем купаться в океане.

— Тогда всё понятно. Свезёт тебя в Эмираты, а там официально оформит рабство и из дому больше не выйдешь. И не смейся, я читала, что многие умники так и делают. Он ещё твой паспорт не просил?

Я от души посмеялась над Светой. Марату не нужны Эмираты, чтобы привязать меня к себе и он это отлично знает.

— Ага, главное, что тебя устраивает. — Подвела итог Света и встала. — Так, второй час ночи. Давай по кроваткам, а завтра обсудим эту темку ещё разок.

— Не хочу больше говорить об этом.

— Не хочет она! — Перекивляла меня подруга. — Я хочу! А теперь вставай, — подталкивала меня в спину, — иди. А утром расскажешь подробности вашей интимной жизни.

Несмотря на то, что виду Света не подавала, я знала, что она всю ночь будет обдумывать ходы для моего отступления. Переживает и боится за меня, просто не хочет подавать виду, что всё плохо, и поддерживает хотя бы морально. Её я люблю, как и она меня.

Всё воскресенье прошло со смехом и со слезами от смеха. Марат так и не позвонил. Вечером я проводила подругу на поезд, а утром отправилась на работу. Потому что этой беды ещё никто не отменял.

На самом деле, работу я любила, только с нынешними событиями была абсолютно не готова отвлекаться ещё и на учеников. Хорошо, что лето и из занятий оставалось только пара факультативов. Да и не то, чтобы пара. Пара пар, а если быть точной, то по два занятия в неделю в четырёх классах, а через неделю первое сентября и мне было чем заняться кроме прямых обязанностей. Директор заседал, предлагая искать спонсоров, своих ему, видите ли, мало. А меня наизнанку выворачивало в прямом и переносном смысле этого слова. А ещё я скучала. Старалась проводить с сыном любую свободную минуту, только бы не думать о том, что и как там делает Марат... без меня. А ещё, кажется я больна и по мне действительно дурдом плачет. Первые дни и ночи не спала, мне его не хватало, а потом втянулась и не заметила как две недели пролетели, третья. А потом он всё же позвонил, когда я уже не ждала и привыкла к своему обычному ритму жизни. Обычному до него. Хотя, теперь это слово было не самым подходящим. Незнакомый номер настойчиво добивался моего внимания. Отвечать я не спешила, готовилась к родительскому собранию. Учебный год только начался, а все косяки уже успели всплыть, да и дети стали совсем не дети, об этом, собственно, и хотела поговорить. Не выдержала, когда после третьего сброса настойчивый незнакомец не успокоился и ответила.

— Я слушаю. — Мой голос звенел злостью, которой последнее время накопилось слишком много, видимо, не было выброса отрицательных эмоций и я уже склонялась к мысли, что слухи о том, что несемейные преподаватели и учителя «трахают мозг» своим ученикам и студентам, правда.

— И я этому очень рад. — Раздалось на том конце трубки и мои губы невольно растянулись в улыбке. — Что? Больше сказать нечего?

— Я думала, ты про меня забыл. — Прошептала, так как от волнения дыхание спёрло.

— Даже не знаю, чего в твоём высказывании больше, счастья или, наоборот, тебя это огорчило.

— Ты приехал? — Заплетающимся языком лепетала я, пытаюсь пальцами сломать карандаш и у меня это практически получилось, только палец неожиданно соскользнул и я поранилась о его острие. Неудачница.

— Приехал. Безумно соскучился. А ещё очень хочу тебя увидеть. Сейчас.

Только от его придыхания на последнем слове между ног стало влажно, а челюсть свело от давления. Боясь, что моё взволнованное сопение осведомит о том, как же соскучилась я, отвела трубку от лица.

— У меня через час родительское собрание.

— Красавица, ты знаешь значение слова сейчас? — Теперь звенел уже его голос и всё благодущие растворилось.

— Я освобожусь часам к трём.

— Хорошая моя, три недели без секса... Я сдохну до трёх часов.

— Я не могу отменить собрание. — Судорожно шептала в трубку, то ли его, то ли себя успокаивая. — Тридцать человек отменили свои дела, чтобы сегодня прийти. Пожалуйста.

— Марин, если ты не скажешь «да», я сам приеду и чем всё закончится ты можешь догадаться.

— Я не могу, не могу, пожалуйста.

Марат тихо рассмеялся.

— А мне нравится как ты просишь. Твой голос дрожит, и, я практически уверен, что глаза прикрыты. — Я открыла глаза, чтобы убедиться, что он не видит меня, что в кабинете никого нет. — Через десять минут я буду у твоей гимназии и если не выйдешь ты, то зайду я. Поняла меня?

— Пожалуйста...

— Да, красавица, ты будешь просить меня, я тебе обещаю.

Марат отключился, а я всё ещё сжимала телефон, не зная, что делать. Взбудораженная, возбуждённая, сидела, ритмично сжимая бёдра, как последняя сучка возбуждаясь от его голоса и от его обещаний. Знаю ведь, что эта встреча ничем хорошим не закончится и всё равно жду её, хочу его увидеть.

А тем временем родители начали прибывать на собрание. Все, без исключения, представители высших слоёв населения, элита нашего города, а мои ученики, в кого пальцем не ткни, то в политики собираются, то в дипломаты и, я уверена, с такими возможностями их мечтам суждено исполниться. Уже сейчас далеко не детская хватка.

Оговоренные с Маратом десять минут давно истекли, но его не было и я уже хотела вздохнуть с облегчением, когда все собрались, и дверь вдруг скрипнула. Я в ужасе повернулась к неприятному звуку и вымученно улыбнулась директору, который стоял в дверях. Снова обратила внимание на собравшихся и открыла рот для массового приветствия, как директор меня перебил, а некоторые из родителей-мужчин, приветливо кивнули в его сторону, чего раньше особо не практиковалось.

— Марина Максимовна, минуту вашего внимания, если можно. — Отвлёк меня он и перед глазами стояло двое мужчин. Я даже понять ничего не успела, как директор меня в сторонку отвёл, под локоть придерживая. — Хочу вам представить нашего нового спонсора от администрации города, Марата Игнатьевича Юрченко.

Марат сиял как медный самовар, директор — как рубль юбилейный, а я, словно ежа проглотила, таращилась на них двоих.

— Ну, что же вы, Марина Максимовна, не пугайте меня. Вот, вручаю в ваши нежные ручки, прошу не обижать. Марат Игнатьевич желает ознакомиться с потребностями гимназии. Со мной и с Фаиной Феликсовной уже пообщался, а сейчас хотел бы видеть кого-нибудь из представителей коллектива. Так сказать, глас народа. На данные момент никого из учителей нет, поэтому прошу не отказывать во внимании.

— Извините, но у меня собрание...

— Пятнадцать минут ничего не решат. — Буркнул недовольный Марат и посмотрел на меня исподлобья.

Глава 10

Директор тут же напрягся, уловив изменения в настроении денежного мешка, и сжал мой локоть сильнее.

— Действительно, общее представление, не более того.

И меня буквально силой затолкали в подсобку или так называемый вспомогательный кабинет, в котором стоял мой стол для индивидуальной работы, стопки тетрадей и планов, а за спиной, упираясь нехилым таким стояком в мою попу, давился от смеха Марат.

— Ну, что, Марина Максимовна, ознакомите меня с потребностями... желательно личными и самыми сокровенными. — Упираясь в мои ягодицы с каждым разом всё сильнее, шептал Марат, ласкал ухо языком, прикусывал кожу на шее, руками мял грудь. Не заботясь о сохранности моего внешнего вида.

Подталкивая меня своими бёдрами, направлял ближе к столу, мы обошли его со стороны, отворачиваясь спиной к окну. В тот же момент меня жёстко наклонили, улаживая грудью на стол. Я даже понять ничего не успела, пикнуть, возразить, как узкая юбка была задрана до пояса, трусики сдвинуты в сторону и два пальца проникли, растягивая изнутри.

— Марат. — Прохрипела я, потому что голос пропал, а откашляться боялась.

— Слушаю тебя, моя хорошая девочка.

— Марат, ты не закрыл дверь... — Таращилась я на приоткрытую учительскую комнату.

— О, да, и, судя по тому, как внутри стало влажно, тебя это заводит. — Ухмыльнулся он, облизал губы, я кожей чувствовала каждое его малейшее телодвижение.

Движения внутри меня стали резче, ритмичнее, а через несколько секунд я услышала, как опускается бегунок молнии брюк, тихий шорох одежды и ладонь, прикрывающая мой рот, сдерживающий вскрик-всхлип от резкого наполнения. Дальше ритмичные проникновения участились, а все мои силы уходили на то, чтобы сдерживать стоны, которые больше походили на тихий скулёр. Слишком много его было для меня, да после такого перерыва, а Марат не дал время привыкнуть, сам стонал сквозь зубы.

— Пожалуйста, сейчас кто-нибудь войдёт...

Просилась я, а он только усиливал напор.

— Детка, почему твой стол так скрипит? Надеюсь, я первый его опробовал? — Попробовал пошутить он, и тут же меня же за это и наказал, кусая за шею, а в ответ на тихое шипение, с силой сжал бёдра.

— Марат...

— Да, проси меня. Никогда не думал, что тихий женский голос... твой голос, может так возбуждать, а как услышал это твоё «пожалуйста», понял, что приеду и трахну прямо здесь. Соскучился. — Тянул он, переводя дыхание. — Я умирал без тебя, задыхался. — Тёрся носом о мой затылок.

Накрыл своими ладонями мои, помогая сдерживать натиск, внизу живота неприятно тянуло, он словно насквозь меня пронзал.

— Ты ведь хорошо себя вела?

Его тон резко изменился, переходя от тихого и ласкового в угрожающий, рычащий. Я сжалась, понимая, что всё по-прежнему и его благодушие лишь следствие долгой разлуки,

Марат это почувствовал и тут же успокоил меня тихим рокочущим смехом.

— Не волнуйся, я чувствую, что ты тоже скучала. — Мазнул губами по шее, прикусил мочку уха. — Надеюсь ты понимаешь, что я не мог оставить тебя одну?

Я непонимающе посмотрела на него, выворачивая шею, понять пыталась, шутит он или нет. Не шутил.

— Ай-я-яй, красавица, как плохо ты обо мне думаешь. Я оберегаю всё, что принадлежит мне, а ты для меня как смерть Кащеева.

— Спрятана в яйце? — Огрызнулась я, за что тут же получила более значительный, болевой по ощущениям толчок, мой протестующий стон, как и прежде, сдержала широкая ладонь, прикрывающая рот.

— Глупая. — Тут же потянул, лаская голосом, хрипло рассмеялся, задыхаясь. — Ты — самое дорогое, что у меня есть.

Но осмыслить эти слова Марат не позволил, ускорился, толчки усилились, одна ладонь плотнее прикрыла рот, пальцы другой надавили на клитор, настойчиво массируя чувствительное место, провели по складкам. Он сильнее прижал меня к столу, навалившись всем весом. Синие звёзды перед глазами яркими вспышками предупреждали о скором оргазме, а увеличившийся по объёму член, говорил о скором оргазме партнёра. Кончили мы практически одновременно и завершающими толчками Марат удерживал меня от падения, подталкивая вперёд, так как руки уже безвольным грузом распластались по столу, как и я сама. Придержав бёдра ещё несколько секунд, он осторожно вышел.

— Нормально? Стоишь? — Уточнил на всякий случай. Я не была уверена, но всё же кивнула.

Отойдя на шаг назад, Марат всё ещё смотрел на меня, слабую, с по-прежнему дрожащими после сильного напряжения ногами и поджимающимися ягодицами. Вернулся, обнял, прижимаясь к моей спине.

— Всё, всё, моя хорошая. Тише, всё хорошо. — Несколько раз поцеловал в макушку. Повернул к себе моё лицо и губами нашёл губы, вознаграждая за желанную реакцию, за желанную дрожь. — Тише, тише, нам пора.

Он напомнил об этом и я словно ото сна отошла, дёрнулась в его руках.

— Полежи ещё, Мариш, — шептал заботливо, — не обижаешься? Я не сдержался, в тебя кончил. Салфетки где?

Я плохо соображала, оттого и молчала, глядя на него. А Марат обошёл стол, его брюки были по-прежнему расстёгнуты, не успевший опасть член заставил меня покраснеть. И дело не в том, что я вся такая недотрога, только понимание того, чем я только что занималась на своём рабочем столе, с открытыми дверями, за которыми находятся тридцать человек, да ещё и мой начальник...

— Твоя сумка?

Я посмотрела на аксессуар в его руках, кивнула, но до конца уверена не была, голова совсем не хотела думать, понимать. Из сумки он извлёк упаковку влажных салфеток, протянул мне её, себе оставил несколько штук. Кое-как разогнувшись, я привела себя в порядок, обтянула юбку, застегнула пуговицы на блузке, которые разошлись под напором любовника, подтянула чулки. Взглядом в зеркале наткнулась на чёрные глаза Марата и замерла: он снова в ярости. Сглотнув, взяла себя в руки, поправила причёску, из сумки достала помаду и подкрасила губы, иногда поглядывая на его глаза, которые становились всё темнее.

— Удобная вещь чулки. — Изрёк он, обдумав произошедшее, я никак не отреагировала, только взглянула мельком, он на это пакостно улыбнулся. — Пришёл, нагнул... А если бы это был не я, так же улеглась бы?

С напряжённой спиной, я не решалась повернуться.

— Нет, я понимаю... — Чиркнула зажигалка, по кабинету разнёсся запах дорогого табака. — Слабая женщина, что ты можешь ответить сильному мужику, но всё же?

— Марат, не кури, я прошу тебя.

— Ответишь?

— Пора идти, пожалуйста. — Безвольно повторяла я раз за разом одно и то же слово.

— Или раздвигать ноги для тебя нормально? Со мной ты тоже быстро согласилась.

Я резко обернулась к нему от переполняющего меня гнева, губы тряслись, руки сжимались в кулаки, не знаю, что сделать хотела, всё равно было, только бы он замолчал. Неужели, и правда, так обо мне думает? Никогда, никогда бы я не совершила той ошибки, что в детстве. Да, жизнь дороже чести, но нужно бороться. Только это я уже много позже поняла, когда повзрослела, а с ним... С ним сама хотела. Неужели он не чувствует?

— Марина Максимовна, дорогая, вот вы где? — Забасил вошедший в двери мужчина, один из родителей, его я и не ждала, слишком важный человек для таких мероприятий. И вздрогнула, и испугалась, смотрела на него в упор, не решаясь сказать и слова, всё ещё в мыслях была далеко. — Я, можно сказать, к вам пришёл, получить свою порцию эстетического удовольствия, а вы прячетесь.

Он широко развёл руки, приветствуя меня как родную, Марат скривился, подозревая во всех смертных грехах, они пока друг друга не видели.

— Эдуард Валентинович... Не ожидала...

— Я так и понял. Ничего. Рассказывайте всё, что я пропустил.

— Да, собственно, ничего...

Уловив запах табака, Эдуард Валентинович Нечаев повернулся, увидел Марата и так застыл.

— Юрченко, ты ли это? Каким судьбами? — А потом посмотрел на меня, широко улыбнулся, понимающе кивнул. — Тоже на сладенькое потянуло? Так, это ты зря. В очередь, Юрченко.

Марат собрался мгновенно, мне на долю секунды показалась, что будет драка.

— М-марат Игнатьевич по поручению районной администрации, — заикаясь, вступилась я, а Нечаев только расхохотался.

— Марат по чьему-то поручению? Мариночка, не смешите. Вы знаете хотя бы, кто стоит перед вами?

Я могла только стоять и ресницами хлопать. Марат бесился, я это видела, думаю, заметил это и Нечаев, видно, они давно знакомы.

— Начаев, а ты не в курсе, что, прежде чем войти, нужно постучать?

— А я вам помешал? Так позволь поставить в известность, что я в эти двери не стучусь, они сами передо мной открываются. — Перешёл на серьёзный тон Нечаев, а я уже и покраснеть успела и побледнеть, от последних-то слов. Думаю, Марат понял это так, как хотел.

— Очень за тебя рад. — Он скрестил руки на груди. — Не знаю, чем здесь обычно занимаешься ты, а я работаю.

— Что ты делаешь? — Фыркнул мужчина и отмахнулся. — Офис в гимназию

перевозил? Не много ли берёшь на себя? Марин, он, небось, и поприставать успел? — Я глаза вытаращила, стою, уже ни вздохнуть, ни моргнуть не могу, рот не открывается. — Так, вы ему не верьте, он только себя любит.

— Эдуард Валентинович, вы...

— Да ладно, не оправдывайтесь. Я всё прощу. — Махнул на меня рукой, а я не понимала, что за жуткий, не смешной розыгрыш.

Посмотрела на Марата — а он спокоен как удав. Ещё пару месяцев назад я бы тоже успокоилась, а сейчас... сейчас знаю, что он просто отложил разбор полётов до удобного случая, того самого, при котором нам уже никто мешать не будет.

— Не слишком ли борзо ты тут базаришь, Нечаев? — Вдруг ухмыльнулся Марат и я уже понимала, НАСКОЛЬКО близко они знакомы.

Дело в том, что Нечаев, как бы сказать, славился как бывший бандит, не знаю, вор в законе или кто, одним словом уважаемый человек. Видимо, о Марате я ещё многого не знаю.

— Есть, что предъявить? — Не растерялся тот и так же стеной стал перед ним.

— Мужчины, мужчины, давайте определимся сразу: мы все здесь собрались по долгу службы, — засуетилась я на удивление писклявым голосом, становясь между ними. — Эдуард Валентинович, собрание ещё не начиналось, директор попросил меня уделить немного внимания нашему новому спонсору...

Я вдруг засомневалась, правильно ли поняла и сказала, но Марат удовлетворённо кивнул.

— Мариночка, да я ничего такого в виду не имел. Только вы помните, что обещали мне. — Нечаев подмигнул, а я сквозь землю готова была провалиться.

— Марина Максимовна будет моей невесткой. — С гордостью пояснил он уже для Марата и я глаза руками закрыла, словно так могла уберечься от грома и молний в его взгляде.

— Смотрите, смотрите, — потянул он меня за локоть, предлагая на Марата всё же взглянуть. — Какой тяжёлый мыслительный процесс отобразился на лице. Расслабься ты, Юрченко, у меня два сына, если ты забыл. И Мариночку я присмотрел для старшего, хотя... — Выдохнул, поглаживая себя по груди, — Мишке уже четырнадцать, а он как заведённый английский учит, только бы Марине Максимовне угодить, вот, думаю, не порадует ли он меня на старости лет? А, Марина, не порадует?

— Вы с ума сошли?! — Возмутилась я, очередной раз ощутив прилив краски к лицу.

— А что? Он у меня вон, какой акселерат вымахал, через год уже бриться будет, а через два тёлочку в квартиру водить. В кого только такой?... — Потянул задумчиво, а я мысленно кивнула, действительно, в кого: подумаешь, сам ростом за два метра и в двери боком входит...

— Мне пора. — Кивнул Марат, устав выслушивать эти плоские шутки, но пометку для меня сделал. — Марина Максимовна? — Посмотрел вопросительно, а я растерялась.

— Идёмте, пора и собрание начинать. — Наконец, сообразила я, что пора их двоих отсюда выводить.

Марат шёл сзади, и я взгляд его на своём затылке ощущала. Господи, дай мне сил пережить этот день. Как только в класс вышли, все на нас обернулись, а у меня чувство такое, словно они знают, что только что там было, словно каждый мой вздох, каждый стон слышали. Не знаю, как удалось не сбежать, а с каменным лицом пройти и на своё место сесть. Директора я сменила, с Маратом вежливо попрощалась, и, секунд через десять,

сообщение на телефон получила.

— Извините. — Улыбнулась классу. Открыла, а там: «В шесть жду у себя». Чёрт! Ещё раз вымученно улыбнулась и повторно извинилась, только тогда смогла провести собрание.

За полчаса выдохлась так, точно весь день не присаживалась. В кабинет вернулась, а там табаком всё провоняло, и окурок затушен о мою пудреницу, которая из косметички выпала и на столе лежала. Теперь я и сама себе рот закрывала, чтобы не взвыть. А на часах начало пятого, даже домой заехать не успеваю, чтобы переодеться. Быстро собралась, в сумку всё со стола сгребла и выскочила из школы, пока не одумалась, пока страх меня не пересилил.

Через час стояла под до боли знакомой дверью, нажала на звонок и глаза закрыла, хотя бы не так страшно. Марат открыл практически сразу, а меня ледяным холодом обдало от его взгляда. Ни слова не сказал, войти позволил, дверь потом на все замки закрыл.

— Проходи, располагайся. Вечер будет долгим, как я понимаю. — Бросил мне в спину, а пока я туфли снимала, мимо прошёл, плечом задевая. Да так задел, что я едва в гардеробный шкаф не влетела. Медленно пошла за ним следом.

Марат сел в кресло, мне присесть не предложил, закурил. Был трезв, я уже и без запаха это различить могла. Перемялась с ноги на ногу, потом в кресло напротив опустилась. Голова резко закружилась, звёзды перед глазами и только его взгляд видно чётко.

— Рассказывай. — Милостиво разрешил, а у меня язык к нёбу прилип, и выдохнуть не могу.

— Мне нечего тебе сказать. — Ответила я на удивление твёрдо, а Марат хмыкнул на это заявление.

— Я чего-то о тебе не знаю?

— Что?

— Ну, Нечаев, допустим, трепло ещё то, его в расчёт не беру. Кто ещё?

Я покачала головой, правда, не знала, что говорить, да и не хотелось. Единственным желанием было глаза закрыть, лечь, и не двигаться. Я даже немного набок наклонилась, к спинке прижимаясь, и на подлокотник опиралась. Марат этот жест воспринял по-своему и с места вскочил, ко мне приближаясь.

— Я с тобой разговариваю, Марина! Какого х** он к тебе приходил! На место его поставить не можешь?! Он так всем треплет, что имеет тебя когда хочет? — Схватил меня за волосы, сотрясая, коленом между ног упёрся, надавливая. У меня слёзы из глаз брызжут, а слов нет.

— Он не говорил так. — Всхлипнула жалко.

— Не так? А как тогда? Или ты не знаешь, что он имел в виду? Отвечай! — Отшвырнул меня так, что голова о спинку кресла ударилась. Перед глазами всё кругом. Видела ещё, как Марат замахнулся, лицо руками прикрывала, но удара не последовало.

Пока я от истерики отошла, он уже удобно у моих ног пристроился, по коленям гладил, успокаивая, а я от слёз заикалась и задыхалась. Меня всю трясло.

— Всё? Успокоилась? А теперь говори. — Повторил спокойно, словно и не кричал минуту назад, смотрит мне в глаза и ни единой слезинке не верит, я чувствую.

— Мне нечего сказать.

— Нечего? Значит, вопрос сколько имели тебя в той подсобке, остаётся открытым? — Спросил тихим угрожающим голосом, медленно поднялся, упираясь руками в подлокотники. Навис надо мной, угрожающе головой покачивая. — Мариш, не дури, всё равно ведь всё мне

расскажешь.

— Я не понимаю, что ты от меня хочешь. — Прошептала в его ухо, которое сейчас было напротив моих губ.

— Кто? — Проговорил он на ухо мне, губами к нему прижимаясь, а у меня мурашки по телу от угрозы в голосе. — Когда? Сколько? Кто первый, кто последний?

— Зачем? — Я с ужасом понимала, что с Маратом что-то не так. Его руки с подлокотников переползали на мои предплечья, настойчиво сжимая их.

— Знать хочу, сколько прошли через тебя.

— Я не буду с тобой это обсуждать.

— Хм... не будешь? Уверена? — Широко улыбнулся, прижимаясь губами к моим губам, прикусил нижнюю, оттянул, посмотрел в глаза. — А мы это сейчас проверим.

В ту же секунду за голову меня схватил, сжимая одной рукой затылок, другой шею, на себя рванул, с кресла поднимая, а я неосознанно сопротивляться стала. Как последний раз, словно от этого жизнь моя зависит. Не помню как и что получилось, но между ног его ударила, руки вокруг моей шеи тогда сами собой разомкнулись, и я смогла бежать. Куда и зачем, а особенно, есть ли в этом смысл, не знала, не было времени об этом думать, только бы подальше отсюда, в этот конкретный момент. Замки один за одним раскрывала, дверь распахнула и по лестнице вниз шагнула, ощущая под босыми ногами ледяной бетон, покрытый дорогой плиткой.

Только побег закончился очень быстро. Одной рукой обхватив меня вокруг талии, Марат назад потянул, поднял так, что ногами пола не касалась. Пока я бессмысленно брыкалась и вертелась в его руках, вяло отбивался, да и мои удары, приходящиеся в основном по ногам, чуть ниже колена и по руке, которая держала поперёк живота, особого вреда не причиняли. Нёс наверх, в спальню. Там швырнул на кровать, довольно грубо, но другого, собственно, я бы и не поняла. В прикроватной тумбочке быстро нашёл наручники, увидев которые, отбиваться я стала куда активнее, чем прежде, только Марат был здоровее и сильнее физически, да и цель у него была вполне конкретная, а я, как преграда, особого веса не имела. Безотказным мужским приёмом, развёл мои ноги в стороны, разводя их по своим бокам, теперь я и вовсе не могла сопротивляться. Руки вывернул так, что боль пронзила всё тело от кончиков пальцев, вдоль позвоночника до самых пяток, и я взвыла. Не могла шевельнуться, даже замерла, чтобы меня хоть немного отпустило, только зря, уже через несколько секунд поняла, что ладони онемели и кончики пальцев побелели от болевого приёма. Марат, удерживая ноги, сел сверху, придавливая рёбра, и ничего человеческого в глазах в этот момент я не увидела. Дикий зверь. Опасный, непредсказуемый, впрочем, как и всегда со мной. Я вяло подбрасывала ноги вверх, не знаю для чего, наверно, по инерции. Разум уже понимает, что всё тщетно, а тело не получило соответствующий импульс. В деревне у бабушки я видела, как курица, которой голову отрубили, может ещё два круга по двору сделать, так и я сейчас. От страха слёзы потекли ещё сильнее и что он собирался делать, я уже не видела, только бесцельно повторяла его имя, прося не трогать меня. Марат же молчал, сосредоточено производил какие-то действия. Рванул блузку на груди, а меня как током ударило, всё та же боль от рук задевала каждую способную к жизни и раздражению нервную клетку. Как сквозь сон я слышала мелодию, она казалась мне отдалённо знакомой, но где слышала её прежде, естественно не поняла, только дышать в один момент стало легче — Марат привстал, доставая что-то из заднего кармана джинсов. А дальше... дальше его голос, весёлый, но немного недовольный тем, что прервали, не дали завершить начатое. Он

разговаривал по телефону.

— Да, да, привет. Нет, не бегая, так... — Рассмеялся, глядя на меня. — Да, немного занят.

Что говорил его собеседник я не слышала, но то, что голос мужской, уверена, он разговаривал с другом и то, что тот говорил, заставляло Марата напрягаться.

— Да, познакомился, Гриш, честное слово, немного не вовремя... — Пытался отделаться Марат. Но его всё время перебивали. Хорошо поставленным голосом мужчина уговаривал о встрече.

— Нет, не нужно...

— Да, привет Люд. — Он вздохнул, а в трубке послышался звонкий женский голос, весьма довольный. Выслушав, Марат снова и снова вздыхал. Немного неловко и смущённо, что ли, улыбался, пытаюсь эту улыбку сдерживать.

— Да, сейчас со мной. Нет, трубку дать не могу, — засмеялся, — да. Я жадный, она только для меня.

Значит, они обо мне говорили. Пыталась проморгаться от режущей глаза туши, смешанной со слезами — ничего не получалось.

— Хорошо, всё, хорошо, договорились, через час мы у вас. Что? Нет, не раньше, — нервно повёл губами, — да, у нас ещё есть дела, да. До встречи.

Закончив разговор, Марат отбросил трубку в сторону и посмотрел на меня. Словно удивляясь делу своих рук, изменился в лице, в глазах отобразилась тревога.

— Марина? Марина, посмотри на меня. — Говорил чётко и совершенно спокойно. Хотя я не понимала, чего ещё он хочет, и так глаз не сводила. — Послушай меня внимательно и кивни, если поняла. — Я поспешно кивнула, боль от шеи уходила в каждый участок тела и я простонала, по крайней мере, издала похожий на стон звук, а Марат терпеливо выдохнул, видимо, сделала я это не вовремя. — Послушай, сейчас я расстегну наручники, ты приведёшь себя в порядок и мы поедem к моим друзьям. Ты будешь вести себя там как моя девушка, всем улыбаться и о том, что сейчас произошло, мы оба благополучно забудем. Согласна?

Наверно я кивнула несколько раз, а может, моя голова вообще не останавливалась, только бы он не передумал, потому что Марат склонился надо мной и взял лицо обеими руками.

— Успокойся, прошу тебя, всё хорошо будет. — Повторил внушительно, а у меня снова слёзы потекли, наверно от облегчения.

Потом он слез с меня, заглянул в тумбочку, а я внимательно следила за каждым движением. Не найдя чего-то нужного, выругался, посмотрел поверх моей головы и выругался снова, плотно сжал зубы, метнулся к гардеробной комнате, оттуда шёл намного быстрее. Когда ко мне приблизился, в руках был маленький ключик. От наручников — вспомнила я и посмотрела туда, где он суеился. А дальше... дальше то ли от болевого шока, то ли от шока в принципе, насколько неестественно были выгнуты мои запястья, перед глазами всё поплыло.

Пришла в себя от резкого неприятного запаха — нашатырь. Ваткой, пропитанной этим раствором, Марат растирал мои виски, подбородок, переносицу. Руки горели, когда получилось посмотреть на ладони, поняла, что Марат их массирует, втирая какую-то жгучую мазь. Поднял меня, отвёл в ванную, включил горячую воду, помог раздеться и толкнул под упругие струи. Дальше снова небольшой провал в памяти, опомнилась я только когда Марат поднимал меня с сидения душевой кабины, я плакала, не могла остановиться. Мне было

страшно. Он быстро завернул вокруг огромное полотенце, на руках донёс до кровати.

— Посмотри на меня, Марина. Посмотри на меня! — И сам повернул лицо в свою сторону, вытер набежавшие слёзы, поймал плавающий взгляд. — Этого больше никогда не повторится, ты поняла меня? Я больше так не сделаю. Ты мне веришь?

Верила ли я ему? Нет! И он видел это в моих глазах.

— Повтори.

— Что? — Прошептала чужим, охрипшим от крика голосом.

— Повтори: ты больше ко мне не притронешься, я тебе верю.

— Ты... т-ты б-больше... — Не выдержала, сорвалась. Закричала. — Да, да! Я верю тебе! — Орала я изо всех сил, а Марат меня к своей груди прижал и успокаивающе по волосам гладил.

А потом... так странно... ощущать на себе его заботу. Он помог высушить и уложить волосы при помощи фена, растёр всё тело ароматным кремом, когда на груди неприятно зажгло, я посмотрела туда и снова затряслась — царапина от ключицы до подмышечной впадины «украшала» тело.

— Тише. Тише! — Он взял моё лицо в руки, отворачивая от царапины. — Марина, я ничего тебе не сделал. Случайно зацепил браслетом часов. Слышишь меня? Это произошло случайно.

— Да. — Кивнула я и взгляд сам собой пополз к этой царапине, но Марат не позволил, удерживая за подбородок, укрыл меня полотенцем, принёс сумочку, достал из неё косметичку и немного растерянно глянул на меня.

Уверенности на тот момент не было ни в чём, а когда своими трясущимися руками, я попыталась взять пудру, Марат меня остановил.

— Так, давай... ты скажи мне, что делать, я сделаю. Хорошо? Хорошо! — Сам же и кивнул утвердительно, принялся за работу.

Он чертыхался, возмущённо пыхтел, но очень старался. Естественно, не применял ни карандаш для глаз, ни тени. Всё по минимуму: пудра румяна, тушь для ресниц, помада. Подвёл брови, своей работой остался доволен, мило мне улыбнулся.

— Ты самая красивая. — Наверно, хотел сказать, что красоту эту трудно испортить, но я не поверила, потребовала зеркало и, действительно, выглядела вполне прилично. Не понимала своей реакции. Это был шок. Я поддавалась на его эмоции, словно забывая о произошедшем.

Когда взглядом попыталась найти свою одежду, Марат понял сразу, и опять же, немного смущённо пробормотал что-то вроде «Я сейчас» и зашёл в гардеробную комнату. Вернулся оттуда с фирменными пакетами в руках, неловко улыбаясь.

— У меня была свободная минутка, я в магазин заглянул... думаю, тебе подойдёт.

Догадываясь, что я его не понимаю, кивнул, и сам стал просматривать содержимое. Вскоре на постели рядом со мной оказались несколько наборов белья, пара платьев, с закрытой грудью, видимо всё остальное не для сегодняшнего моего внешнего вида, а остальное Марат предпочёл не показывать. Помог одеться.

На удивление, всё подошло идеально, даже полнота груди, хотя я и сама полмагазина перемеряю, прежде чем выбрать. Тёмно-синее, практически чёрное платье, с изысканным замысловатым узором линии благородного молочного оттенка, длиной до середины колена и рукавом три четверти, чем-то напомнило мне то самое платье, в котором я впервые пришла к нему. Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала, настолько нереально выглядела,

даже бледность кожи могла сойти за аристократическую. К платью подошли и мои чёрные туфли, в которых я была на работе. Следы от наручников на левой руке прикрыла браслетом часов, который спустила максимально низко и затянула ремешок, фиксируя его на месте. На правой виднелся ярко-красный след.

— Не расстраивайся, сейчас всё будет. — Кивнул Марат, спустился на первый этаж, принёс оттуда красивую коробочку.

— Я давно купил, только повода не было... — Лишние слова он почувствовал так же остро как и я, поэтому просто открыл эту самую коробочку, извлёк оттуда браслет и помог застегнуть на правом запястье.

— Очень красиво. — Подняла я на него взгляд, Марат сдавленно улыбнулся.

— Сейчас я оденусь и поедem. Подождёшь?

Я кивнула, а пока его не было, руку с браслетом к лицу подвела. Большие камни глубокого синего цвета, с россыпью мелких белых вокруг, белый металл. Идеально сочеталось с моим сегодняшним платьем, только никакие украшения не греют душу, когда там пусто. Набрала сына на телефоне, он у меня на быстром наборе, поэтому дрожь в руках не помешала, уточнила, всё ли в порядке, Андрей сказал, что могу гулять до полуночи, мой малыш...

— Я готов. Идём.

Не дав мне оценить его внешний вид, Марат быстро подтолкнул в спину, придерживал за талию, пока спускались с лестницы, а когда оказались в скромной по размерам прихожей, меня снова затрясло. От его близости, от замкнутого пространства, Марат среагировал мгновенно, вытолкнул меня обратно в гостиную, подвёл к открытому окну, заставляя дышать.

— Вдох, выдох, давай, давай, не стесняйся, дыши. Глубже!

Когда тряска прекратилась, от окна мы отошли, а Марат задумался, глядя на моё состояние. Прищурился, оценивая что-то в уме, ушёл на кухню, вернулся с пузырьком таблеток. Вытряс на свою ладонь две, налил стакан воды.

— Выпей.

— Я не принимаю таблетки. — Отказалась неуверенно.

— Сейчас нужно. Выпей.

И я послушалась, а, собственно, что ещё мне оставалось, если тут же перед глазами предстала картинка, как он толкает эти таблетки мне в рот? Получилось весьма правдоподобно. Через минуту сознание, как и картинка перед глазами, странно поплыло, только тогда Марат потянул меня за руку обратно в прихожую. Туфли на ноги обул, обулся сам, а потом мы на лифте спустились вниз. В машине меня немного отпустило, и, глянув на себя в зеркало, спрятанное в козырьке, отметив расширенные зрачки, я поняла, что это был какой-то лёгкий наркотик.

— Значит, такой меня видеть хочешь? Под кайфом? — Развязно улыбнулась, чувствуя прилив смелости и бодрости.

— Тебе просто нужно немного расслабиться. — Холодно и равнодушно пояснил Марат.

— А вдруг мне понравится? — Хлопнула я ладонью по приборной панели, он улыбнулся.

— Не понравится. А если и потянет, то ты их нигде не достанешь.

— И на всё-то у тебя ответ есть!

— К сожалению не на всё.

— Останови машину. Я хочу тебя. — Заявила громко, Марат действительно

остановился, но только на светофоре.

Он взял меня за подбородок, чувствительно, даже немного жёстко, внимательно посмотрел в глаза.

— Не переигрывай. Я знаю их эффект. А если действительно хочешь меня, придётся потерпеть. Мы часа на два, потом сама решишь, куда тебя везти.

Я смотрела на него в ответ, на его решительность и уверенность и, чёрт его возьми, я готова была его простить! Или это чудо-таблетки?

Глава 11

Когда мы остановились едва ли не в соседнем дворе, я вдруг подумала, что Марат передумал, но не тут-то было: мы, оказывается, приехали. Всего-то семь минут и на месте. Типичный дом богачей, с охраной, с камерами видеонаблюдения. Мы шли, держась за руки, попутно кивая охране и редким соседям. Поднялись на пятый этаж, выбрали самую приличную дверь, туда и позвонили. Мысли у меня немного путались, но если поднапрячься, то их вполне можно было выстроить в правильную логическую цепочку. Дверь открыл мужчина, симпатичный, в очках с тонкой оправой, по возрасту, ровесник самого Марата, по телосложению, немного стройнее, более подтянутый.

— Ну, привет. — Улыбнулся он, пожал Марату руку и посмотрел на меня. — Вот, значит, какая она, чистая и светлая любовь, которую ты даже от нас скрываешь.

— Это Марина. — Кивнул на такое неоднозначное приветствие Марат и протолкнул хозяина в квартиру, бесцеремонно занял жилплощадь и сбросил пиджак.

— Красавица. — Пожал плечами мужчина, посмотрел на меня немного скептически, а потом мысленно рукой на все предрассудки махнул. — Очень приятно, Гриша.

И так же руку протянул, только уже мне, как равной, очень приятно. Правда, даже при всём желании пожать её не могла, руки ходуном ходили, я их за спину прятала. Марат Гришу по ладони этой хлопнул. Смеясь, что-то сказал. Пока мы знакомились, из комнаты выглянула невысокая женщина, красивая, ухоженная, явно борющаяся с полнотой из последних сил, но удачно. Она улыбнулась намного радушнее, чем Григорий и едва ли не обниматься полезла.

— Какая красавица. Марат, ты в своём репертуаре: для тебя если ниже метра семидесяти пяти, то уже и не женщина. — Обратилась она для начала к Марату, а потом и ко мне подошла. — Людмила, очень приятно, что мы, наконец-то, добились и выяснили, кто украл нашего дорогого и незаменимого на долгие три месяца.

— Очень приятно, Марина. — Скромно отозвалась я на Марата оглядываясь, его поддержки требуя.

От хозяев веяло теплотой и радушием, Марат сред них тоже изменился, словно вся его ершистость сгладилась, волчий оскал превратился в обворожительную улыбку. Он шутил, он смеялся, он отвечал на шутки, в общем, вёл себя обратно пропорционально нашим с ним взаимоотношениям.

— Мариночка, а кем ты работаешь? — Не унималась хозяйка вечера, которая за полчаса общения уже знала как давно мы познакомились, где и при каких обстоятельствах. Естественно, официальную версию.

— Я работаю учителем иностранного языка в гимназии иностранных языков и права. — Уверенно ответила я, чем удивила хозяев, они даже между собой переглянулись.

— То есть у вас юридическое образование? — Уточнил Гриша.

— Да, у меня второе высшее по основам авторского права, но профильным предметом я

всё же считаю иностранные языки.

Хозяева замолчали снова.

— Марат, ты стал на путь праведника? Что же, я тебя понимаю, с таким-то тылом... — Одобрительно кивнул Гоша, а Люда рассмеялась.

— Мариночка, ты уж извини, мы немного в шоке. Представляешь, за столько лет кроме моделей, фотомоделей, и актрис, Марат и не приводил никого, поэтому сейчас и реакция такая. Даже не спрашиваю, как ты его обаяла. Уверена, он просто пал к твоим ногам.

— А мне кажется, что Марина лишь благосклонно принимает ухаживания этого дикаря. Какая здравомыслящая женщина станет всерьёз на него рассчитывать? — Вдруг заявил Гриша и похлопал друга по плечу.

— И то правда, не завидую я тебе, Марина. Жуткий собственник, скряга и старый пень!

— Эй, друзья! Вы друзья или кто? Сейчас Марину мне запугаете, что я делать буду? — Притворно рассмеялся Марат, а я улыбалась как безмозглая кукла.

— Вернёшься к разгульной жизни.

— А потом состаришься и умрёшь в полном одиночестве.

— И никто кроме старых друзей не придёт к тебе на могилку... — С сожалением констатировал Гриша, и едва ли не подавился от собственного смеха. — На самом деле, Марина, тебе несказанно повезло и это самый надёжный человек, которого я только знаю.

— Ты ещё скажи, что самый постоянный и самый верный. — Скривилась Люда и потянула моё внимание на себя. — Не верь этим болтунам, кого хочешь окрутят и на любовь разведут. Здесь быка за рога брать нужно, ты, я вижу, девушка с характером, всего-то три месяца вместе, а он уже нигде не шляется. Знаешь, я ведь юрист, специализируюсь в области семейного права и в этом разбираюсь. Если ты его сейчас приструнила, значит, и потом от тебя никуда не денется.

— Ты ещё посоветуй ребёнку ему родить. — Скептически скривился Гриша.

— И посоветую. — Возмутилась Люда, мне подмигивая. — Это они только прикидываются, что детей не хотят или не любят. А как только предъявляешь тест на беременность с двумя полосками, хуже нас самих носятся, только бы не случилось чего. У нас, например, два сына, думаешь, Гриша представлял себя отцом? Да никогда! Вот, Марат, ему подстать, а ты только намекни, так он горы свернёт. Да и вообще отношения в семье с появлением детей меняются, родишь — поймёшь.

— У меня есть сын. — Подала голос я и все снова зависли. Гриша смотрел на Марата, Марат на меня, я на Люду.

— У-ух-ты, Марат, даже не знаю, радоваться за тебя или огорчаться. — Тормозя словами и мозгами, пыталась спасти положение Люда. — Ты, Марина, не обижайся, просто он либо окончательно тронулся умом, потому как дети его прежде только пугали, либо, наконец, созрел для серьёзных отношений.

— Понятно. — Поджав губы кивнула я. Тоже неловко. — Нет, на самом деле у нас ещё не та стадия отношений, чтобы... чтобы с сыном знакомиться. Мы пока... пока... привыкаем друг к другу, ещё ничего не ясно.

— Да что там думать?! Вон, бедный, слюной весь истёк, на тебя смотрит.

Видимо, Люду муж под столом ногой толкнул, потому как та сразу смолкла и на него злобно посмотрела. Спас положение сигнал о выключении духового шкафа, хозяйка дома занялась ужином, Гриша ей помог.

— Жду вас за стол. — Крикнула она уже с кухни, а меня затрясло.

— Что случилось?

Марат наклонился ближе, так, чтобы нас не услышали, а я продемонстрировала свои дрожащие руки. Он взял их, согревая теплом своих ладоней, лбом к моему лбу прислонился и тихо прошептал:

— Всё хорошо будет. Ты только не волнуйся и на нож уверенней нажимай.

Я кивнула, улыбнуться не получилось. Казалась себе здесь лишней.

— Уже воркуют, голубки, слышишь, Гриша, их ни на секунду оставить нельзя. Что значит начало отношений.

— Уже идём, не галди! — Посмотрел в её сторону Марат, поднялся, но руки мои не отпустил.

Провёл в столовую — просторную светлую комнату с уже накрытым для ужина столом.

— Вина только не пей, — напомнил мне, — иначе утром узнаешь, что такое реальная головная боль.

Помог присесть за стол, собирался устроиться рядом, но Люда его оттолкнула и совершенно по-детски влетела за Выбранное Маратом место.

— Я первая, я первая, я первая! — Задорно прокричала, вызывая улыбки.

Разлили вино, разложили по тарелкам мясо, гарнир. Все принялись за трапезу, я, как и было условлено, вино проигнорировала и это не осталось незамеченным. Люда улыбнулась.

— Что, Мариночка, Марат и на тебя влияет?

— В смысле? — Не поняла я, задержав дыхание, как делала всякий раз, как слышала обращение в свою сторону.

— Я имею в виду, здоровый образ жизни. Никакого алкоголя, не есть после шести. Я смотрю. Ты ешь и мучаешься, на него глядя, словно извиняешься.

Не знаю, как я сдержалась и не покраснела. Действительно на него постоянно смотрю, в желании получить хотя бы на эмоциональном уровне какую-нибудь поддержку, когда руки особенно заходятся в дрожь.

— Не замечала... — Пробормотала, выдавая извинительную улыбку.

— Да ладно, ни для кого не секрет, что Марат не любит пьющих женщин. Сам не пьёт и другим не позволяет. Такой вот офигенно правильный. — Люда показательно повела бровями, демонстрируя, как же она устала от этого ханжества. — И самое смешное, что курит как паровоз, а не пьёт. И где только логика? — Спросила уже сама у себя, а я мысленно хмыкнула. Не пьёт он, как же, не в стельку, конечно, но пара стаканов чего-нибудь покрепче всегда в его вечернем рационе присутствует.

Где-то через час, поняла, что таблетка и её эффект начали меня отпускать, паника вернулась. Я взглядом искала пути отступления, руки стали дрожать сильнее, постоянно испытывала нехватку кислорода. Марат посмотрел на меня более обеспокоенно, он-то знает, что и зачем давал мне и, видимо, понял, что я отхожу, а значит, ужин пора заканчивать. Я спрятала руки под стол, непринуждённую беседу вести не получалось. Казалось, все смотрят только на меня, нервничала от этого ещё больше. Губы постоянно облизывала, салфетку на коленях перебирала, чтобы пальцы хоть чем-то занять.

— Люда, Гриш, наверно, мы пойдём. Марина сегодня устала, и...

— Вот ещё! Я такой торт испекла, а ты идти собрался. Гриш, займи этого зануду, мы с Мариной стол для десерта сервируем.

Мы дружно встали. Нет, дружно, это, конечно, сказано образно. Люда подскочила и потянула меня на кухню. Двери там предусмотрительно прикрыла, достала из холодильника

огромный торт, ножом аккуратно его разделила на равные куски. А потом... потом ей надоело изображать бурную деятельность и она повернулась ко мне лицом.

— Мариш, будь другом, достань тарелки.

Кивком головы указала нужную тумбу, я вполне спокойно принялась за дело, а когда повернулась к ней, наткнулась на пытливый взгляд, улыбнулась, только Люда не ответила.

— Марин, извини, что спрашиваю, но... у тебя всё нормально?

— В смысле? — Задыхаясь, уточнила я, мысленно искала пятый угол, не знала куда глаза деть, только чтобы не выдать себя.

— В смысле с Маратом. — Я вымученно улыбнулась. А она пояснила. — Ты не подумай, я не хочу вмешиваться, просто... — Она заломила пальцы, сама на секунду отвернулась, слова подбирала. — Он человек непростой и... в общем, женщин у него было немало, но каждая при этом счастьем светилась, что подцепила такого крутого мэна, и сама типо вся такая крутая становилась и так далее... Только ты не очень-то похожа на счастливую женщину.

— Я...

Покачала головой отрицательно, сказать-то нечего, а в голове тормозная жидкость закипает.

— Я понимаю, у него вкусы специфические, ты не в счёт, — предупредила сразу, — там модели и актрисульки, мозгов с гулькин нос, ты, совсем другое дело, может, в том и проблема...

— Всё в порядке. — Наконец, нашла я нужные слова, да и сказала так поспешно, что Люда едва нож не выронила.

— Да я вижу... Я к чему всё это сказала... Ты обращайся, если что. Да, мы не подруги, но я вижу, что ты отличный человек, а Марат... Он очень сложный, требовательный. Со своими заморочками, которым частенько нет объяснения...

— Не стоит беспокоиться, всё действительно хорошо.

— Да? — Она закусил губу, оглянулась по сторонам, вспомнила, наконец, чем, собственно, мы здесь занимаемся и взялась раскладывать торт. — Красивый браслет. — Кивнула с мою сторону и я машинально схватила за правое запястье.

— Да. Очень красивый. Марат подарил.

— Даже так?

— В смысле?

— Ну, как сказать, Марат не дарит девушкам подарки.

Такое чувство было, что меня на вранье поймали. Не дарит он, как же, целый гардероб накупил. Я снова потёрла браслет, словно оберегая его от чужих взглядов и повторила упрямо.

— А мне подарил.

Люда как-то странно посмотрела, а потом приблизилась и шепнула.

— Честно говоря, я не совсем в курсе, Марат Гришкин друг, а я так... В общем история такая: была у Марата нашего какая-то фифа, вся из себя, Гришка говорил, он тогда даже дела забросил, с ней носился, а она вроде как по левому борту его провела, не оценила и всё такое. У него тогда мужская гордость выиграла, ты понимаешь, люблю-не-могу, а закончилось ничем, и Марат для себя решил, что женщины — это расходный материал. С тех пор, Гриша рассказывал, ни одного цветочка, ни одного листочка. Ни-ко-му! Знаешь, многие его подружки хвост пушили, губы раскатывали: богатый мужик, всё такое, а потом ни с чем

и уходили.

— Я ничего об этом не знаю.

— Тебе-то откуда, когда это было-то. Ты извини, что я так посмотрела, правда, не подумала, что это Марат мог подарить такую красоту. — Тут она резко подпрыгнула и с азартом в глазах продолжила. — А я сразу Грише своему так и сказала: Марат влюбился! Никому тебя не показывает, ни с кем не знакомит. Сколько я его уговаривала сегодня тебя привести? Согласился только когда ультиматум поставила: или мы к вам, или вы к нам.

Она довольно улыбалась, радуясь своему разоблачению, а я в полную апатию входила. Мне не до смеха и ужимок, не хочу всё это выслушивать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И вообще, он так смотрит на тебя, — она сжала кулаки и прямо затряслась от описываемого восторга, — вот, даже не дышит, когда ты говоришь, а глаза адским пламенем блестят, наверно, наедине с ума сходит от твоего присутствия.

Он последней фразы меня буквально затрясло, отвернулась, надеялась дух перевести, а тут Люда меня за плечо тронула, я и не выдержала. Старалась тихим плачем перетерпеть, но от этого вышло только хуже и получился жуткий сдавленный вой от которого я и сама испугалась ещё сильнее.

— Марин, Марин, я что-то не то сказала? — Тормошила меня Люда, уже отчётливо понимая: что-то не так и она оказалась права. — Марина, это Марат, это он тебя довёл, Марина?! — Она попыталась мои ладони от лица оторвать, а когда это получилось, в дверях я увидела Марата, дрожь только усилилась. Люда проследила за моим взглядом.

— Марат, что у вас происходит?!

— Одних нас оставь.

— Вот ещё! Она боится тебя. — Стала между нами Люда и скрестила руки на груди.

— Ерунды не говори!

— Я ещё в своём доме, и ты здесь не командуй!

— Что вы так долго, девчон...

Рядом с Маратом в дверях застыл и Гриша. Только решение он принял быстро и бесповоротно, практически силой вывел сопротивляющуюся жену, а Марат дверь прикрыл. Несколько секунд постоял, посмотрел на меня со стороны, а я не могла успокоиться, хотела, но не могла, не него смотреть не решалась. Услышала тихие приближающиеся шаги, сжалась, ожидая прикосновения, а Марат голову мою к своему плечу прижал, на затылок надавил, не позволяя отстраняться, макушку подбородком прижал.

— Дорогая, мы о чём с тобой договаривались? — Спросил устрашающе-равнодушным тоном. И здесь, я осознавала, не столько он пытался меня запугать, сколько я сама себя запугивала.

— Прости, прости, прости... — Выла, обнимая его с боков, гладила по спине, а Марат и растерялся от такой ласки. Голову мою в руки взял и назад запрокинул, так, чтобы я лицо его видела.

— Всё хорошо, я не злюсь на тебя, только успокаивайся и приведи себя в порядок. Договорились?

Я головой покачала.

— Не могу, Марат, давай уйдём.

— Мы уйдём, не волнуйся, только у тебя есть пять минут придумать достойное оправдание своему поведению. Слева от тебя дверь, она ведёт в коридор, напротив дверь в

ванную комнату. Умойся, мы ждём тебя в столовой. Да?

— Я... я не могу.

— Можешь, дорогая, ты всё у меня можешь. Только без истерики.

— Я не могу, мне стыдно, давай просто извинимся и уйдём.

— Нам не из-за чего извиняться. Всё хорошо. Давай, ждут только нас.

Марат оставил меня одну, а я, кое-как справившись с волнением постаралась в себя прийти. Попыталась вспомнить, куда мне нужно идти, и только в ванной, глядя в зеркало, успокоилась. Умылась, лицо полотенцем вытерла, оценила критическим взглядом покрасневшие глаза, распухший нос. Красавица, нечего сказать! В столовую вернулась другим человеком, даже смогла улыбнуться.

— Извините, что напугала. — Выдохнула, а как продолжить не знаю.

— Марин, если мы с Гришей можем помочь... — С нажимом в голосе и с косым взглядом на Марата снова предложила свою помощь Люда.

— Спасибо, только это немного личное, я не хотела бы распространяться. Марат уже занимается моим вопросом, это в его силах.

— Надеюсь, ничего серьёзного? — С беспокойством в голосе уточнил Гриша.

— Я справлюсь. — Улыбнулся Марат, но не то, чтобы он кого-то успокоил. — Люда, Гриша, вы не очень обидитесь, если мы сейчас уйдём?

Я даже рискнула, к Марату со спины подошла, за плечи его взяла и немного помассировала. Так и знала — напряжён.

— Ребят, ну, вы чего? Подумаешь, всплакнула, Марина, оставайтесь, торт очень вкусный.

— Нет, спасибо, честно говоря... нет настроения. В следующий раз, хорошо?

Марат поддержал меня, встал и за руку к себе притянул, приобнимая.

— Ладно вам, не последний раз видимся. Марина действительно сегодня перенервничала, не хотела никуда выходить, я уговорил.

— Ну, тогда до следующего раза? — Растерянно оглянулась на мужа Люда.

— Да, надеюсь, он будет очень скоро.

Пауза затянулась и Гриша встал к нам третьим.

— Я провожу.

Вышли мы быстро, я бы сказала, молниеносно. Марат молчал, но я чувствовала, что высказаться хочет очень. Держится только для того, чтобы меня ещё больше не напугать. В машину сесть помог, а когда с места сдвинулись, нервно закурил, сбрасывая пепел прямо в приоткрытое окно. На меня не смотрел, а на руке, которой руль держал, костяшки побелели.

— Не кури, пожалуйста. — На грани слышимости прошептала я, неприятное чувство, слово меня укачивает, как во время морской прогулки, подкатило к горлу.

Марат затушил сигарету, зло вдалбливая окурок в пепельницу, на меня посмотрел косо, снова промолчал. Теперь он не курил, только легче не становилось, побагровела от приступа тошноты.

— Останови машину, мне дышать нечем.

— Дышать нечем?! — Не выдержал он и крикнул. — Что ты вытворяешь, Марина?! Я тебя как человека просил, спокойно пересидеть. Потерпеть несколько часов. Тебе же нужно себя проявить, да?!

— Я же говорила, что не специально. — С мгновенно подступившими слезами принялась оправдываться я, но Марат не слушал, он уже из себя выходил от злости.

— Не специально? А как это называется? Чего тебе не хватает? Всё отдать готов, только чтобы пару раз поулыбалась рядом со мной. Но ты у нас нежная! Ты у нас королева красоты! Так? Скажи мне, так?

На перекрёстке мелькнул красный, Марат резко затормозил, вынужденно прерывая зрительный контакт, от которого я первая увернуться просто не могла. От такого маневра в глазах потемнело и я, недолго думая, из машины выскочила и на обочине стала. Бежать не собиралась, хотелось отдышаться, и слёзы льются, губы трясутся, а внутри словно буря, которую я не контролирую. Не сразу поняла, что произошло, когда меня резко в сторону повело — Марат выскочил следом, за руку дёрнул и не отпустил, больно удерживая.

— Сядь в машину. — Прорычал мне в лицо.

— Не могу. — Выла я не в силах вырваться, меня изнутри пополам скручивает, а он не даёт опомниться, встряхивает, пытаюсь привести в чувства.

— Я сказал садись в машину! — Прокричал, и голос его утонул в череде длинных гудков — мы застопорили перекрёсток.

Выругавшись на водителей, которые тут же объезд нашли, Марат вниманием ко мне вернулся.

— Не могу, не могу! Марат, пожалуйста, не трогай меня! Мне плохо, я задыхаюсь, я не сплю по ночам, я похудела на шесть килограмм, пожалуйста...

Я судорожно вырывалась, истерика началась неожиданно, только сил не хватило и уже через несколько секунд я на колени упала перед ним, только сильный захват не дал на землю опуститься. Церемониться Марат не стал, за руки меня схватил, к машине подтащил и со злостью на заднее сидение машины затолкал. Наверно, я отключилась, потому что дальше не помнила ничего, только нестерпимые, удушающие приступы тошноты, а в себя я пришла от грубых похлопываний по щёкам.

— Вставай, приехали. — Проговорил Марат равнодушно.

Я по сторонам огляделась, и не соображала ничего, словно сонная из машины вышла, едва не упала. Он поддержал. Потом поперёд себя до квартиры довёл. В сумочке покопавшись, ключи от двери нашёл, сам замок открыл, ключи обратно бросил, а меня в коридор толкнул и дверь с обратной стороны захлопнул. Я под стеной присела, а потом в туалет помчалась. Меня всё-таки вырвало.

— Чёртовы таблетки! — Рыдая, вытирала я холодной водой своё лицо, хотелось упасть и больше никогда не вставать, даже ледяная плитка ванной комнаты не казалась препятствием.

Прямо в одежде в душевую кабинку вошла и холодную воду врубила, долго в себя прийти не могла. Голова раскалывалась, а внутри пусто. После мокрые тряпки с себя стянула и прямо тут, на полу бросила, в халат свой завернулась и, добредя до постели, рухнула.

Глава 12

Проснулась утром, точнее, я думала, что утро, а на самом деле уже три часа дня было, звонил мобильный телефон. Не разглядев номер вызывающего абонента, ответила.

— Марина Максимовна, это Дима. Марат Игнатьевич просил вас приехать.

Было так муторно, что я даже губы не с первого раза разлепила.

— Скажи, что я умерла.

— Он уже предупредил об этом, сказал везти в любом состоянии.

— Я не поеду.

Дима вздохнул, наверняка мысленно выругался на нас с Маратом.

— Марина, нужно ехать. Он сегодня и так не в себе. Громит всё, бесится.

— А-а, — с досады я даже рассмеялась, — то есть ты хочешь, чтобы он меня использовал вместо боксёрской груши?

— Тебя он не тронет. Это точно.

— А когда мы на «ты» перейти успели? — Взвилась я, отыгрываясь на Диме, словно он виноват в чём-то.

— Извините, я...

— Скажи ему, что я не приеду. Ни-ког-да!

Трубку бросила, лицом в подушку уткнулась и снова плакала. Я весь день прорыдала, сын в комнату мою заходить боялся, завтрак принёс, а мне не до того: ни до сына, ни до завтрака. Вставать не хотела и только когда Андрей сказал, что пришёл какой-то дядя, сползла с кровати. В дверях стоял Дима. Не улыбался, смотрел побитой собакой.

— Я за вами. — Сообщил прискорбно и я поняла, что не отвертеться. В следующий раз Марат и сам приехать может.

— Подожди десять минут, я переоденусь.

И дверь перед ним захлопнула. Натянула первое, что попало под руку, какие-то джинсы и свитер, не красилась, специально, пусть полюбуется, во что меня за эти месяцы превратил. Может, и его отвернёт? Нацепила очки, чтобы соседей не пугать, сына в щёку поцеловала. В машине Дима на меня не смотрел, вёл сосредоточенно и только когда на место прибыли посоветовал шефа не злить. А мне уже всё равно, я устала бояться, устала ждать его милости, я хочу отдохнуть. Просто небольшая передышка, так, чтобы знать, что завтра ничего не случится. В дверь звонила долго и настойчиво, уже уходить думала, когда дверной замок щёлкнул. Я отступилась немного, чтобы Марат меня не зашиб, а вот он едва не вывалился, настолько был пьян.

— Пришла всё-таки. — Вяло ухмыльнулся, глядя на меня пустым взглядом, а я наоборот, вмиг протрезвела. Таким Марата ещё не видела. И все свои мысли тут же растеряла, за ним пошла.

Не знаю, что он по словам Димы крушил, но квартира была в полном порядке. Марат пьяной походкой пытался уверенно шагать, на лестницу посмотрел, но правильно решил, что не осилит и на диван рухнул, обо мне вспомнил.

— Ты бледная. — Прищурился он и потянул с сочувствием. — Как чувствуешь себя?

— Так же, как и выгляжу.

— Ты вчера правду говорила, да?

— О чём ты?

— Что ночами не спишь?

Я присела рядом, почему-то сейчас страшно не было, почему-то было его жаль. Именно в эту секунду поняла, что ему тоже хреново, только по каким-то своим причинам.

— У тебя что-то случилось? — Перевела разговор я, а Марат понял это и усмехнулся.

— Случилось! — Кивнул, да силы не рассчитал, шею потянул и тут же её рукой потёр. — Красавица одна меня не любит.

— А разве ты даёшь возможность вести себя иначе?

— Мне плохо без тебя, Мариш. — Сказал он, а в словах ни тени сарказма или иронии, у меня сердце сжалось.

— Я здесь.

— А мне казалось, что ты больше никогда не придёшь.

Я руку протянула, а он лицом о неё потёрся, нехотя отпустил.

— Что ты? Разве я могу?..

— Можешь. Ты всё можешь.

Закрыв глаза, провёл раскрытой ладонью по уставшему лицу, надавливая, растягивая кожу, посмотрел на меня мутным взглядом и улёгся удобнее.

— Побудь со мной. Совсем недолго. Я прошу тебя.

Он глаза закрыл, а я рядом присела, по голове его погладила. Мягкая, блуждающая улыбка разошлась по его лицу. Марат ладонь мою перехватил, к губам своим поднёс и поцеловал.

— С тобой хорошо. Не уходи от меня.

— Я рядом. — Прошептала, лицом к его плечу прислоняясь. Вот она, та передышка, с которой я просила. Минута слабости, когда я могу позаботиться о нём, побыть рядом с ним собой.

Марат уснул практически сразу, а мне ничего другого не оставалось, как молча встать и уйти. Одёрнула себя, не позволяя касаться его тела, его кожи, не смогу остановиться — останусь. А этого я уже не хочу. Наши отношения, что бы ими не двигало, что бы их не создавало, фатальны для нас обоих. Разрушают изнутри. Мы не можем вместе и, рано или поздно, это закончится. Для кого-то раньше, а для кого-то позже. Ушла я тихо, положив на журнальный столик красивый браслет, который, по стечению не самых понятных обстоятельств, вчера вечером оказался на моей руке. Дима не удивился скорому появлению, по крайней мере, не выразил это удивление ни словом, ни жестом, отвёз домой и только там, в своей крохотной квартирке, которая сейчас больше напоминала клетку, стало невыносимо больно. Слез в этот раз не было, были мысли, переполняющие меня, мысли страшные, неприятные, разрушающие. Чтобы как-то отвлечься, начала с небольшой уборки, моя комната, ванная, зал, до комнаты Андрея в это вечер я не добралась.

Марат проснулся с, на удивление, лёгким сердцем. Давно так не высыпался. Наверно, как раз с того момента, как Марина впервые появилась в его офисе. Всё пошло наперекосяк. Не было работы, не было цели, не было друзей. Только она и он, словно маньяк, преследовавший её. Ни единая попытка приблизиться, просто поговорить, не увенчалась успехом, или срывался он сам, или срывалась Марина. Не мог объяснить своего поведения, рядом с ней нет правильного и неправильного, обдуманных и необдуманных поступков. Всё

как во сне, спонтанно, слово за слово. А то, что случилось два дня назад... этому просто нет объяснений. Он одержим. Вчера пригласил её в последний раз, только для того, чтобы отпустить. Напился вусмерть, чтобы не наговорить гадостей, чтобы мозг не мог контролировать его тело. Чтобы даже при большом желании, он не смог к ней прикоснуться. Она не пришла. «Скажи, что я умерла» — он слышал их с Димой разговор. В своей ревности дошёл до абсурда, никому не доверял. И сам умереть хотел в тот момент. Перед глазами как картинки мелькали образы его красавицы. Она напугана, она плачет, а он выкручивает ей руки, чтобы подавить то сопротивление, чтобы сломить её. Всё, что началось несколько месяцев назад как игра, затягивается удавкой вокруг шеи.

Не собирался он продолжать их отношения, хотел её, просто хотел, чтобы подчинилась, чтобы смирилась, а потом снова и снова, с большим азартом желал встречи с ней. Каждый день обещал сам себе, что это последний раз, что сегодня он увидит её и отпустит. Но не получалось. Подсел на её улыбку, на её стоны, даже на её боль. Для чего? Да просто для того, чтобы была рядом с ним. Не важно как, не важно где, главное, чтобы с ним. Иногда Марина играла, решалась на ответный шаг, сама его целовала, сама обнимала, а Марат бесился, что делает это вынужденно. Нужно, чтобы она хотела, чтобы с ума сходила от разлуки, чтобы на стенку лезла. Да просто для того, чтобы она поняла, как важна ему, чтобы он тоже был ей важен! Но ничего не вышло. Головой он всё это понимал, а как приходил момент принять решение, пасовал. А вчера, вчера она пришла. Сначала думал, что сон, и только еле уловимый запах на руках говорил о реальности видения. Она пришла, осталась, значит, что-то есть. Пришло время поговорить.

Принял душ, гладко выбрился, оделся и набрал номер телефона. Один раз, второй, третий. Марина не отвечала. Решил, что на работе и тут же туда отправился. Звонил раз за разом, но результат оставался неизменен. Скорость, с которой ехал Дима, казалась черепашней, несколько раз прикрикнув, добился нужного эффекта. Только вот в гимназии развели руками, утверждая, что Марину Максимовну не видели с субботы. Ехать к ней домой или нет в обсуждение на повестке дня не поднималось. Точного адреса Марат, разумеется, не помнил, уточнил у Димы номер квартиры. Поднялся на нужный этаж, позвонив, услышав тихий шорох под дверью с той стороны, постучал кулаком в дверь, громогласно объявляя:

— Марина, открой, надо поговорить!

За дверью затихли, кричать и далее, не было смысла, только хотел начать уговаривать, чтобы открыла, как внутренние замки щёлкнули, дверь приоткрылась, а на пороге показался мальчик лет десяти. Марат опешил, отступил на шаг, на всякий случай посмотрел, правильно ли выбрал дверь, с тем ли номером, оказалось, что всё верно. В голову влезла мысль, что Дима мог ошибиться, хотел уже уходить, чтобы уточнить, но на всякий случай спросил.

— Мальчик, а это квартира Соловьёвых?

— Да. — Кивнул мальчуган, Марат, было, обрадовался непонятно чему, а потом его радость сменилась смутным подозрением.

— А ты кто?

— Я Андрей. А ты?

— А я Марат. Слуша й, Андрей, я правильно понимаю, ты сын Марины Соловьёвой? — Не веря в абсурдное предположение уточнил.

— Правильно. — Невозмутимо кивнул мальчик, при этом не отступал от порога и не впускал непрошенного гостя в дом.

— А сколько же тебе лет? — Ухмыльнулся Марат, понимая, что это какая-то шутка.

— Десять. — Просто ответил мальчик и Марат заторможенно кивнул, что-то соображая. Только не складывалось у него ничего.

Глядя на мальчика, медленно достал телефон из внутреннего кармана лёгкой куртки, набрал номер начальника охраны банка, который и собирал информацию на Марину. О том, что есть сын, он сказал, а подробности Марата не особо интересовали, только злили больше, особенно понимание того, что от кого-то она даже родить захотела, а тот её бросил, а с ним... в общем, не волновало.

— Степаныч, я тут по такому вопросу...

— Слушаю тебя, Марат Игнатьевич.

— Помнишь, сводочку мне собирал на гражданку Соловьёву?

— Не помню, но сейчас на месте, могу посмотреть.

— Посмотри, будь добр.

Самое интересное, что пока Марат уточнял какие-то свои вопросы, мальчик всё время смотрел на него, топчась на пороге, переступая с ноги на ногу, хотя мог бы давно закрыть дверь, и не мёрзнуть.

— Марат, ещё здесь?

— Здесь, здесь. Говори.

— Что интересует?

— Там ты говорил, сын у неё. Год рождения не подскажешь?

— Так, — потянул охранник, — Соловьёв Андрей Максимыч. Есть такой. Две тысячи четвёртого года рождения. Ещё что-нибудь?

— Нет, спасибо.

Теперь и сам Марат внимательно изучал мальчишку, одаривая того взаимным, полным интереса и непонимания взглядом. Так бы наверно и смотрел, если бы сын Марины не начал разговор первым.

— А ты тот самый Марат из-за которого мама всё время плачет?

Сердце ухнуло вниз. Наверно, только когда ты услышишь это вот так, от стороннего лица, понимание приходит. Не думал он о том, что Марина плачет, что из-за него, что это может видеть её ребёнок. С трудом вздохнув от такой прямолинейности маленького человечка, однобоко улыбнулся.

— Наверно, тот самый.

— Заходи.

Мальчик отступился, а Марат прошёл в прихожую. Осмотрелся и вдруг подумал, что он влез в чужую налаженную жизнь вот так, без спроса. Влез туда, где его не ждали. У неё есть сын. ВЗРОСЛЫЙ сын. Может, и мужчина был, возлюбленный, ещё кто, а тут он... Не по себе стало. В маленькой светлой квартире тепло и уютно, несмотря на осеннюю сырость за окном. Пока разглядывал, не замечал испытывающего взгляда детских глаз.

— Обувь снимай, мама вчера полы мыла. — Буркнул мальчишка и Марат опомнился. Кивнул, тут же на тумбу присел и разулся.

Прошёл в гостиную, чувствовал себя ещё более неловко, чем прежде. Снова оглянулся.

— А ты что, дома один?

— Один.

— Не понял. А почему мне дверь открыл? Мама не учила, что незнакомым дядям открывать нельзя?

— Учила. Только я узнал тебя.

— Как, интересно? — Хмыкнул Марат и вскинул брови, стараясь завести парнишку в тупик, улыбнулся, когда тот замялся.

— Я видел тебя. — Сказал тот чуть погодя.

— Меня? Где?

— Возле нашего подъезда. Обычно ты долго стоял, войти не решался, с цветами ещё...

Марат судорожно вдохнул.

— Ты на той же машине приезжал, на которой маму обычно увозили.

— Наблюдательный мальчик.

— Меня Андрей зовут.

— Хорошо. Андрей.

Нервно оглядевшись по сторонам, Марат решительно сел на диван, подтянул штанины на коленях, локтями в них упёрся. Ладони сложил лодочкой и приставил к губам, глянул на Андрея иначе, не как на неразумного ребёнка.

— Допустим, всё это так. И всё же. Почему ты один? Где Марина?

— Мама заболела.

Марат изменился в лице, ироническая улыбка исчезла.

— Где она?

— Вчера на скорой увезли, я не знаю куда именно. Она телефон забыла. Ты можешь узнать?

Марат промолчал. Он даже не думал, он просто впал в ступор. А Андрей смотрел на него полными надежды глазами и именно сейчас он был ребёнком, маленьким маминым сыном.

— Конечно. — Ответил сдавленным голосом, прокашлялся. — Только я не понял, ты один здесь? Давно?

— Маму вчера увезли.

Марат вдохнул воздух полной грудью, расправляясь в плечах, приобретая вид уверенного, сильного человека. Минута слабости прошла.

— Я тёте Свете позвонил, она приехать обещала.

— Какая ещё тётя?

— Мамина подруга. Она в другом городе живёт, приедет вечером.

— Хорошо. Сейчас.

Марат набрал на своём телефоне номер, нахмурился.

— Лев Григорьевич, добрый день. — Произнёс несколько задумчиво, но сразу же его голос приобрёл привычную твёрдость. — Помощь твоя нужна. Вчера вечером на скорой забрали женщину. Соловьёва Марина Максимовна. Проспект Мира 26, квартира девятнадцать. Нет, точного времени нет. Что? Сколько ждать? Хорошо, как освободишься, я жду твоего звонка. — Посмотрел на Андрея, а тот уже на месте сидеть не может, губу кусает, руки гнёт. — Сейчас всё узнаем. — Кивнул решительно и успокаивающе улыбнулся.

Посидев минуту в тишине, Марат вспомнил, какой вопрос его волновал и внимательно на Андрея посмотрел, прикидывая, что к чему.

— Так значит, тебе десять лет, говоришь?

— Через пять месяцев будет одиннадцать.

— А ты с мамой давно тут живёшь?

— Нет, только год. До этого мы квартиру в другом доме снимали. А сейчас мама нашу построила.

— Допустим, а ты всегда в этом городе жил?

— Нет, мы от бабушки сюда переехали. Жили там, где сейчас тётя Света. Только я там больше не был никогда. А почему ты спрашиваешь?

— Не знаю...

Марат, и правда, не знал, к чему эти вопросы. Просто не верил до конца и всё. Сто вариантов в голове прокрутил, вплоть до того, что это приёмный ребёнок или, и вообще, младший брат, но никакой ясности ответы Андрея не давали. Говорили лишь о том, что о Марине он не знал ровным счётом ничего. Разумеется, кроме того, что хотел узнать.

— Мы с твоей мамой давно знакомы были. Вы тогда ещё жили у бабушки, как я понимаю. Только о тебе я ничего не знал.

— Я о тебе тоже. — Вроде как успокоил его Андрей и Марат ухмыльнулся.

Смотрел на него, смотрел, примечал схожие с Мариной черты... Сколько ей было тогда?.. Сейчас двадцать шесть, значит, когда родила, пятнадцать или шестнадцать... Вот тебе и девочка-красавица, божий одуванчик. Не дав мыслям пойти и дальше, в руках завибрировал телефон. Андрей заёрзал на месте, а потом и вообще встал.

— Слушаю.

Около минуты Марат просто молчал, потом сильно сжал челюсти и медленно выдохнул, вместе с воздухом выпуская из себя всё то, что сейчас сказать хотел.

— Я понял тебя. — Прохрипел, устало провёл руками по глазам.

Андрею улыбнулся, только улыбка эта быстро с лица сползла. Встал, потрепал мальчика по волосам.

— Давай так решим: ты остаёшься и ждёшь тётю Свету, да?

— А ты?

— А я съезжу к маме.

— Я тоже к маме хочу.

Топнул он ногой и стал на шаг ближе к порогу.

— Не сейчас. — Рыкнул Марат, забывая кто перед ним и даже не подумал смягчиться после.

Вышел из квартиры не оглядываясь, громко хлопнул дверью. Сбежал по лестнице, мысленно вспоминая все ругательства, которые только знал. Сел в машину, губы поджал.

— Дима, давай во вторую городскую больницу.

— Что-то случилось?

Марат так посмотрел, что все вопросы отпали сами собой.

— Понял. — Быстро кивнул тот и сорвался с места.

Ехали быстро. Но долго. Казалось, бесконечно долго, практически вечность. Маточное кровотечение. Именно с таким диагнозом увезли Марину в тот вечер. Только Лев Григорьевич не был бы самим собой, если бы не вытащил всю информацию. При поступлении в больницу диагноз был несколько откорректирован: беременность одиннадцать недель, угроза прерывания, маточное кровотечение.

Она ничего не сказала, когда пришла к нему после того разговора, когда он предупредил, что презервативов больше не будет. Она ни словом не обмолвилась, когда он кончал в неё. Не сказала... Но Марат был уверен, что Марина прежде всего позаботится о себе. Это естественно. Это нормально. А теперь она беременна от него. Зачем? Случайность? Очередная случайность. Смотрел в окно, а за ним, словно блики, мелькали здания, витрины магазинов, деревья в парке... Она сделала это специально!

— Марат, ты знаешь, что делаешь мне больно?.. — Спросила она несколько недель назад.

Отвернувшись к нему спиной, длинные светлые волосы рассыпались по узкой спине, настолько красиво, что даже прикоснуться боялся, казалось, что она, точно бабочка, упорхнёт, оставив только воспоминание об этом мгновении.

— Да. — Ответил он тогда. Он действительно знал, только не мог иначе.

— Я ненавижу тебя за это...

— Я знаю.

— Я хочу, чтобы тебе было так же больно.

Он тогда рассмеялся над её наивностью. Она делала ему больно каждый раз, когда смотрела, каждый раз, когда отворачивалась. Когда говорила и когда молчала. Только красавица об этом даже не догадывалась.

— Всё в твоих руках, Мариш... — Ответил он тогда, схватил её, к себе прижимая, и поцеловал.

— Всё в твоих руках...

— Что вы говорите, Марат Игнатьевич?

— Я говорю, долго едешь! — Рыкнул, сорвался.

Она сделала это специально! Чтобы потом избавиться от ребёнка! А она могла знать? Догадываться о том, что он хочет детей? От неё? С ней? Бред!

Глава 13

Бред или нет, а накрутил Марат себя вполне реально. Узнать всю информацию в приёмном покое, даже не являясь родственником пациентки, помогло природное обаяние и, куда же без них, без заветных красненьких бумажек. Этаж, палата. Теперь его не остановили бы ни предупредительные оклики охранника, ни толпа таких охранников. Он хотел видеть её лично. И он знал, что если есть хоть один шанс сохранить беременность, он им воспользуется. Даже против её воли. В отделение патологии беременности прошёл под громкие вопли постовой акушерки, под её предостережение и предупреждение, что посторонним вход воспрещён. Видел только двери перед собой. Много дверей, цифры на них, нужна была палата сорок пять. Широкими шагами измеряя расстояние от одной двери до другой, наконец, нашёл нужную. Рванул дверь на себя и был немного дезориентирован от яркого света, прищурился, присмотрелся, Марины среди присутствующих женщин не видел. Общая палата на шесть мест, обшарпанные стены и низкие, давящие на сознание потолки. В висках пульсировало от перенапряжения, когда хвост длинных светлых волос показался из-под пышного капюшона халата. Внутри всё задрожало от бешенства, крайняя кровать у окна, вопящая под правой рукой медсестра и абсолютно недвижимая, не реагирующая на раздражители женщина. Марина. Сделав ещё несколько шагов, Марат остановился аккуратно напротив её кровати. Стоял и не мог ни вернуться назад, ни подойти ближе. Она лежала на одном боку, колени подтянуты в груди, глаза закрыты. Подумал, что спит, но заметил едва уловимое, практически призрачное движение её руки, которая натягивала одеяло выше, словно девушка пыталась спрятаться от него.

— Марина...

Голос получился грубый, а тон практически приказной, он и не хотел такого эффекта, только себя уже не контролировал. Марина открыла глаза, но голову не повернула, пришлось

сделать шаг в сторону, чтобы заслонить свет, который падал на её лицо. Медленно повернувшись к нему лицом, девушка посмотрела ясным жалостливым взглядом, Марат даже не понял, как его воспринимать, да и не успел понять этого, глаза тут же закрылись, а из-под длинных густых ресниц покатались слёзы. Одна за другой. Не переставая.

— Я так понимаю, молодой человек, вы к пациентке Соловьёвой?

Усилием воли Марат оторвал взгляд от слёз на бледных щеках, перевёл его чуть в сторону и увидел перед собой невысокого, толстоватого, с узкими усиками над верхней губой, мужчину. Тот смотрел на него твёрдым взглядом, и не думал его отводить, даже когда Марат опомнился и ответил мужчине не менее уверенным взглядом.

— Я всё ещё жду ответа. — Напомнил врач и Марат высоко задрал голову.

Уголки его губ были опущены книзу, что делало лицо более жёстким и угрожающим, недобрый прищур на глазах, ровное, размеренное дыхание. Широкие плечи распрямились, а упрямо сжатые губы чуть приоткрылись.

— Вы её лечащий врач? — Спросил чуть надменно, только мужчину это не смутило.

— Да. А так же, заведующий отделением, Евгений Васильевич Логинов. Если у вас есть ко мне вопросы, я готов дать на них ответ. Только не здесь.

— Есть разница?

— Мы с вами в палате, где женщины лежат после операций, а вы в грязной обуви и без халата. Пройдёмте! — Негромко, но достаточно настойчиво попросил доктор и Марат не смог отказаться. Здесь уже был главный — и это не он.

Молча следуя за заведующим, сверлил его затылок. Плавные, но чёткие движения выдавали во враче силу и уверенность в своих словах, действиях, поступках. Разговор будет на равных и Марата это более, чем устраивало. Они обязательно смогут найти общий язык. Небольшой светлый кабинет, стол, кресло, напротив пара стульев для посетителей. Тут же ему предложили сесть.

— Кофе?

— Считаете, я пришёл сюда, чтобы пить кофе?

— Нет, но двумя минутами наш с вами разговор не закончится, а вести беседу «на сухую», не имеет смысла.

Нехотя Марат кивнул, откинулся в кресле, немного вытянул вперёд ноги, сложил руки на животе, переплетая пальцы и принимая позу «Хозяин жизни слушает». Через пару минут ароматный напиток уже распускал вокруг себя влажный горячий пар, а врач внимательно посмотрел на Марата.

— Итак, молодой человек, с чем вы пришли?

— Меня зовут Марат Игнатьевич Юрченко, я председатель правления «Гарант Инвест Банк-а», — для лучшего понимания, Марат и визитку свою под нос заведующему подсунул, тот её изучил, — Марина моя девушка, я бы хотел узнать о её состоянии.

— Что же, Марат Игнатьевич, — хмыкнул врач, — я поделюсь с вами такой информацией, но не потому что вы председатель правления и всё такое, хотя, я понимаю, что вы хотели этим сказать, а лишь потому, что Марина Максимовна разрешила давать вам эту информацию. Знаете, ведь, мы всегда спрашиваем, кому и что говорить?

Марат кивнул, но был удивлён такой её предусмотрительностью, хотя, она, скорее всего, понимала, что едва ли удастся избежать его информированности.

— Итак, пациентка Соловьёва, — врач подвинул к себе медицинскую карту, просмотрел некоторые страницы, — одиннадцать-двенадцать недель беременности, отслойка плаценты,

субхориальная гематома, жалобы на обильные кровянистые выделения и тянущую боль внизу живота. Что вы хотели сказать по этому поводу, Марат Игнатьевич?

— Лишь то, что я об этом не знал. Марина сказала... то есть мы договорились, что она выберет подходящий для себя метод контрацепции и я, в принципе, не был готов к подобному известию... Только... — Решительно глянув на врача исподлобья, Марат сам себе кивнул. — Вы должны сохранить беременность любым способом. Это ведь ещё возможно? Любые деньги, любые условия, любые лекарства, только Марина должна родить. Как вы будете её уговаривать для меня значения не имеет, важен результат.

— Х-м, знаете, а ведь Соловьёва уверена, что вы будете против.

— Против чего?

— Не далее как вчера, она заявила, что будет сохранять беременность, что бы вы не предлагали. Между собой разобраться не пробовали, молодые люди? — Скривился Логинов, изображая улыбку.

— То есть?

— То есть об аборте речи не идёт в принципе. Несмотря на ситуацию...

— Какую ситуацию?

— Ну, как же, в полости матки находится внутриматочная спираль.

— Как? Разве такое возможно? То есть, она действительно... А беременность? Это не опасно? Объясните, я ничего не понимаю! — Марат раздражённо вскинул руки и тут же пересел поближе, врач улыбнулся.

— Такое возможно при некоторых аномалиях развития матки.

— Аномалии?

— Не стоит пугаться этого слова. — Врач подтянул к себе лист белой бумаги, взял в руки карандаш, изобразил что-то странное и не совсем понятное. Указал на одну картинку. — Вот такой вид имеет обычная матка. — Ткнул карандашом в другой рисунок. — А такой вид имеет матка Соловьёвой. Называется она «двурогая». При этом спираль, стала в одной её части, а плодное яйцо прикрепилось в другой.

— Это опасно для Марины? Если да, то...

— Это не опасно.

— А для ребёнка? — Чуть тише уточнил Марат. Само по себе слово «ребёнок»... это что-то неземное, невесомое, воздушное и очень нежное.

— Для ребёнка тоже. Плод будет спокойно развиваться в своей части матки.

— Хорошо. — Марат кивнул немного неуверенно. — Если опасности нет, то... то беременность вы сохраните, так?

— Не всё так просто. Спираль это не самое страшное. Сейчас меня беспокоит отслойка и её величина в частности.

— Что это такое?

— Это значит, что плодное яйцо отслоилось от стенки матки и на этом участке ему не поступает питание, так же велика вероятность самопроизвольного аборта.

На скулах заиграли желваки, кулаки сжались.

— Значит, вы сделаете всё возможное, чтобы этого не произошло. — Тон, не терпящий возражений.

— Да, конечно, но меня беспокоит эмоциональное состояние пациентки.

— У нас были некоторые проблемы, в плане отношений. — Согласился Марат, понимая, что любая мелочь важна. — Марина тогда ещё у врача наблюдалась, там с циклом

не всё в порядке, но мы принимали витамины, я контролировал... Скажите, а она знала о своей беременности?

— Вы правы, не знала. Хотя это выглядит по крайней мере глупо, в её-то возрасте... и не знать... Но нерегулярный цикл и надежды на спираль вполне это оправдывают.

— Значит, она не догадывалась... — Проговорил сам себе.

— Допустим, но есть ещё кое-что, что я не могу исправить, — врач посмотрел прямо в глаза, — ваши отношения. Я давно практикую и кое-что в этом понимаю. Особенно меня беспокоят причины отслойки. Гормональный фон в норме, а вот синяки на её запястьях, на бёдрах, сомнительного происхождения ссадина на груди, да и сам факт того, как пациентка настроена бороться за беременность. Бороться с вами, уважаемый... Всё это кое о чём говорит.

— Это была случайность. — Невозмутимо заметил Марат, однако уголки губ угрожающе поползли вниз. — Мы просто не поняли друг друга.

— Вполне это допускаю. Только ещё одна такая случайность и сохранять там будет нечего. Это вы хорошо понимаете?

— Более чем.

— Вот и замечательно. Ко мне ещё какие-нибудь вопросы имеются?

— Чем я могу помочь?

— Если вы намекаете на спонсорскую помощь, то состояние отделения вы видели сами, а если на помощь в вашем конкретном случае, то... Хорошо подумайте, прежде чем снова ворвётесь в палату. Стрессы сейчас Соловьёвой на пользу не пойдут. Объясните ей, что беременности, как и ей самой, ничего не угрожает, только не ставьте перед фактом, как меня сейчас, что ребёнок должен родиться. Эмоциональное спокойствие беременной женщины, это добрая половина дела. Так что всё в ваших руках, а что зависит от нас, мы выполним.

— Спасибо.

— Идите, Марат Игнатьевич, только обдумайте, что вы скажете, прежде чем...

— Я понял, спасибо. Сегодня вечером от меня придёт человек, вы сможете обсудить с ним необходимую помощь. И ещё. Я бы хотел отдельную палату.

— Двухместная. Больше ничего предложить не могу.

— До свидания.

— Удачи вам.

С тех пор, как ушёл Марат, я даже пошевелиться боялась. Сердце бешено стучит, как у кролика, и глаза открывать боюсь, вдруг он сейчас стоит напротив с таким же выражением лица. С обвинением в глазах, с угрозой. Каждый раз вздрагиваю, когда дверь скрипнет.

— Марина, это твой приходил, что ли?

Я обернулась на голос, женщина напротив грызла зелёное яблоко и с азартом смотрела на меня.

— Да.

— Представительный такой. Я сначала испугалась, когда он ворвался, а потом рассмотрела, ничего такой, бизнесом наверно занимается. Где подцепила?

— В банке.

— Везёт. А мой, автомеханик. Если что и приносит домой, так это мазуту. Зарплаты как не было так и нет, только ему на водку и хватает.

— Чего тогда рожать решила, если всё так плохо? — Вмешалась ещё одна за моей спиной.

— А, дура наверно. Верю в то, что он поумнеет, ответственность почувствует, а если и нет, то хоть бы и для себя.

— А у тебя дети есть?

Воцарилось молчание. Я обернулась, женщина смотрела на меня.

— Вы это мне?

— Тебе, а кому ж ещё. Мы здесь уже недели по две, между собой наговорились. Так что?

— Есть.

— Мальчик, девочка?

— Сын.

— Не от этого хахаля, да?

Несмотря на внутреннее раздражение, которое назревало, я себя сдерживала.

— Не от Марата. — Ответила, скрипя зубами, соседки по палате это почувствовали, но не утомонились.

— А мне показалось, что он порвать тебя готов, вот, прям, на клочки порвать! — Давилась слюной та, первая, которая со мной заговорила, даже голову в плечи втянула, так ей нравилось наблюдать за чужой жизнью.

— Так, может. детей не хочет.

— А зачем таким дети? Им главное, чтобы ноги вовремя раздвигала, для того и выбирают. Помоложе и покрасивше. На сколько, лет на десять, наверно, старше тебя будет? Выглядит ничего, не «Ах!», но такой, мужественный. А дети... пусть ещё благодарна будет, что с чужим отпрыском взял. Ты смотри, как скажет, так и делай. А-то красоты твоей на всех не хватит, а кому ты нужна будешь с двумя спиногрызами? Как решит, так и соглашайся.

— Я буду нужна своим детям. — Гордо и, отчасти, упрямо, ответила я.

В палате снова замолчали, я уже думала, что кривляются между собой, жестами меня обсуждая, но было всё равно. Только одеяло повыше натянула, так, чтобы даже не слышать ничего.

— Марин, к тебе.

Я не обернулась, я дышать перестала. Знала, что никто кроме Марата не мог прийти. Глаза закрыла, ведь могу притвориться спящей. Просто сделаю вид, что сплю и он уйдёт! Слышала, как медленно переступает по полу, как склоняется и что-то кладёт мне на тумбочку, присаживается на корточки у больничной койки и против своей воли, сильнее веки сжимала, выдавая себя с головой. Вздрыгнула всем телом, когда тёплые пальцы коснулись щеки. Слезы прорвались сквозь ресницы.

— Мариш, — позвал он меня тихо и тут же губами ко лбу прижался, по волосам гладил, успокаивающе, — пожалуйста, успокойся, всё хорошо. — Убеждал меня, а от страха уже всё тело колотилось, я боялась подать голос.

— Открой глазки, ну... хорошая моя...

Аккуратными движениями, Марат сам стирал мои слёзы, а их всё больше.

— Детка, я, конечно, слышал, что беременные женщины эмоциональны, но не настолько же.

Он мягко улыбнулся и этот голос, эта улыбка, которую я не видела, а только

чувствовала... они как бальзам на душу и я пересилила свой страх, открыла глаза. Первое, что увидела перед собой — это букет цветов. Разных, красочных, похожих на полевые. Судорожно вздохнула, пытаясь сообразить, что к чему, но ничего не выходило.

— Я подумал, вдруг тебя тошнит. Продавец сказала, что они практически не пахнут, но очень красивые, правда?

Я перевела взгляд на Марата, сквозь пелену ещё не успевших высохнуть слёз, разглядела улыбку. Смотрела на него, пытаясь дыхание выровнять, сглатывала ком, который, то и дело, возвращался на место.

— Ты красавица... — Шире улыбнулся и заложил мне волосы за ухо. — Тебе можно вставать?

— Зачем?

— Я хочу с тобой поговорить. — Прошептал мне в губы, так, чтобы больше никто не услышал.

— Вставать можно. Только голова болит, я...

— Тише, тише, только не нервничай. Скоро тебя переведут в другую палату, там будет спокойнее.

Я всхлипнула, а он снова мою голову к своему плечу прижал, лёгкими касаниями губ к виску прижимался, продолжал гладить волосы.

— Так, кто тут переводится? — Грозным басом проговорила санитарка, Марат поверх меня посмотрел.

— Мы переводимся. — Махнул он ей рукой и кивнул. — Надо встать, сама сможешь?

— Смогу. — Отозвалась я неуверенно, перед глазами всё плыло, но Марат не стал дожидаться разрешения. Ловким движениями поднял меня, помог обуться, за ладони немного потянул на себя и за талию обнял, прижимая кончики пальцев к моему животу. Так бережно, как никогда прежде.

— Не нужно, я сама.

Он улыбнулся, позволяя мне такую сомнительную самостоятельность, передал букет, в который я с удовольствием опустила лицо. Неправду сказала продавец: они пахнут мёдом. Пахнут свободой и простором. Не смогла сдержать улыбку, прижимаясь к такой красоте. Санитарка сгребла моё постельное, Марат подхватил один пакет и ещё какие-то, наверно, сам принёс, пропустил меня вперёд. Новая палата была в разы лучше предыдущей, с отдельным душем и туалетом, и соседка культурная и спокойная, тихо поднялась при нашем появлении, с улыбкой посоветовала устроиваться и на коридор вышла, чтобы не мешать. Санитарка суетила, застилала постель. Не передо мной, конечно, суетила, перед Маратом, наверняка тот всему отделению уже премию пообещал и голову оторвать, если что не так, как он сказал будет. Я пока пребывала в счастливом неведении. Когда мы остались вдвоём, улыбка с его лица сползла и я снова запаниковала.

— Марин, ты только выслушай меня спокойно, хорошо?

Несмотря на то, что согласилась и в подтверждении этого кивнула, чувствовала, что вот-вот расплачусь. Снова.

— Мариш, когда я сказал, что мне всё равно, ты же помнишь тот разговор...

Я посмотрела на него внимательно, а Марат слов не находил, запинаясь на каждом.

— Какой разговор?

— Я сказал, что мне всё равно, что ты будешь делать, и какие таблетки пить, только...

— Я поняла тебя. И что? — Спросила строго. Сама удивилась твёрдости голоса.

— Я так не думаю. То, что я говорил, это неправда. Мне не всё равно и я был уверен, что ты не хочешь от меня детей и, естественно, вместо того, чтобы показать, будто беспокоюсь, как всегда тебя обидел. Мне... для меня очень важно, что ты приняла именно такое решение, что ты хочешь родить, что...

— Ты...

Меня снова затрясло от такого поворота, я мысленно готовилась сказать ему своё твёрдое «нет» и настолько себя в этом убедила, что сейчас слышать его слова просто шок. Он, человек, который сказал, что ему важен процесс, а всё остальное только помехи, теперь заискивающе смотрит в мои глаза и благодарит за то, что я сохранила ребёнка. Полный абсурд.

— Тише, не плач, прошу тебя. Мариш, что не так? Успокойся, хорошая моя, красавица моя. — Приговаривал он, зацеловывая мокрое от слёз лицо.

— Я... я думала ты заставишь меня...

— Нет! Нет, никогда. Слышишь? Мне важно, чтобы ты была счастлива, чтобы у тебя всё было хорошо, чтобы у нас всё было. Понимаешь? Я прошу тебя, всё, что хочешь сделаю, только бы не меняла своего решения.

— Тебе нужен ребёнок? — Догадалась я и посмотрела на него полными страха глазами.

— Да. — Ответил он поспешно, но тут же понял, что я имела в виду и разозлился, изменился в лице. Меня обеими руками за голову схватил, удерживая. — Нет, нет, не так. Наш ребёнок, слышишь? Наш. Ты и я, мы вместе. — Бормотал суетливо, не отпуская взгляда. — Просто позволь мне быть рядом. Рядом с тобой. И весь мир к твоим ногам положу. Только скажи «да». Дай мне шанс.

— Я не понимаю...

— Мариш, я семью хочу. С тобой, с детьми. Я... я, правда, я не знаю, чем заслужил эту возможность, но я всё исправлю, обещаю. Прошное есть, и оно не самое лучшее, но мы можем переступить через него, попробовать продолжить с новой точки отсчёта. С сегодняшнего дня. С этого момента, прошу тебя, подумай. Тебе нужно время, я знаю...

— Марат, что ты говоришь?..

Он вдруг дёрнулся, выпрямился, не было этого просительного тона и выражения лица. Он стал собой.

— Марина, выходи за меня замуж. Я стану лучшим в мире отцом и мужем. Обещаю тебе.

— У меня есть сын. — Напомнила я, чтобы Марат не строил зря иллюзий, но он не удивился, да, он знал, но знать и принять ребёнка это разные вещи. Марат улыбнулся.

— Отличный парень. Мы сегодня познакомились, он переживает. — Вдруг засуетился, похлопал себя по карманам, извлёк из одного телефон. — Я сейчас наберу его, ты ведь хочешь поговорить, так ведь? Андрей, это Марат. Я сейчас с мамой, передаю ей трубочку.

Я смотрела на него и на протянутую в широкой ладони трубку, не решаясь взять её. Марат улыбнулся, терпеливо ожидая моего решения: не просто взять телефон, а верить ему или нет. И я поверила. Я хотела верить. Я надеялась.

С сыном говорили долго, он рассказал обо всём, что случилось за те несколько часов что меня не было рядом, спросил, может ли приехать меня навестить, правда ли то, что у нас будет маленький. А я терялась, не зная, что ответить, смотрела на Марата, на его широкую улыбку и не верила своим глазам. А он, пользуясь моим замешательством, совершенно расслабился и уже уверенно гладил мои колени, расправляя на них подол ночной рубашки.

Когда мы с Андреем наговорились, сказал, что телефон я могу оставить у себя, чтобы не быть в изоляции.

— Марина, мне уже идти пора. Я вечером зайду. Что тебе принести?

— Не знаю... есть кое-что...

Он так внимательно на меня смотрел, каждый вздох ловил, что даже не по себе стало. Я смутилась, как обычно раскраснелась и головой покачала.

— Не стоит. Света должна приехать, я... я скажу ей. Не беспокойся.

Марат лишь снисходительно кивнул.

— Давай договоримся так: или ты пишешь список необходимого, или я иду по магазинам и скупаю всё, что вижу. И тогда, поверь, тебе придётся брать дополнительную палату для гардеробной комнаты.

— Марат...

— Согласись, я дал тебе право выбора. — Он посмотрел на меня, приподняв брови вверх, сдерживал улыбку и я сдалась, усмехнулась.

— Мне не на чем записать...

Развела руками, оглядываясь по сторонам, но Марат не растерялся, достал свой ежедневник и протянул мне вместе с ручкой. Я посмотрела, посомневалась, бояться надоело и, раз уж он разрешает наглеть, вернула ежедневник обратно.

— Марат, это же рабочий блокнот. Здесь записано с кем ты встречаешься и с кем ужинаешь, с кем проводишь многомиллионные переговоры, — глянула я на пару записей, — а мне предлагаешь написать сюда какие прокладки нужно купить?

— Твои прокладки мне сейчас важнее, чем все эти встречи, ужины и переговоры. Пиши.

Толкнул раскрытый на центральной странице ежедневник обратно в руки, а я только из вредности написала.

— Марат, там ещё мой лечащий врач говорил лекарства какие-то нужно купить, но я рецепт не брала, всё равно денег с собой не было, думала Света...

— Да, я уже всё купил. Там, в синем пакете сверху. Отдельно лежит. — Согласился он. Ежедневник просмотрел, что я там написала, нахмурился, встал. Посмотрел на меня, слишком долго, я даже халат на груди поправила от неловкости, а Марат к губам моим наклонился и прижался нерешительно. Потом лицо за подбородок приподнял, поглаживая большим пальцем губы.

— В телефоне вбит мой номер, Андрей и подружка твоя, Света. Я сам сыну твоему позвонил, обрадовал, ты уж извини. На всякий случай записал номер приёмной. Иногда на переговорах телефон приходится отключать, ты скажи, что Марина Соловьёва звонит и тебя сразу же соединят. Я предупредил. Если что, набирай меня в любое время.

Ещё раз склонился и поцеловал, на этот раз настойчивее, засасывая мою нижнюю губу, лаская её языком. Оторвался и затуманенным взглядом посмотрел.

— Буду к восьми. Не скучай.

Глядя на закрытую дверь больничной палаты, я думала, думала, только так и не поняла, чем для меня закончится эта опека, этот счастливый участливый взгляд и его хорошее настроение.

Около семи часов приехала Света. Без Андрея, что уже само по себе странно, только не успела я вопрос сформулировать, как она сама с расспросами бросилась. Что, как и почему. И желательно всё в подробностях. Долго щупала мой живот, крутила, вертела меня, высматривая под разным углом, а потом заявила:

— Подруга, а ты точно беременна?

— О-о, эксперт Светлана Будина сомневается? — Поддела я её, заставляя разозлиться, но мне, как беременной, всё сходило с рук. Не нравится мне эта тенденция.

— Нет, ну, сама посуди, — она принялась загибать пальцы, — тебя не тошнит, голова не кружится, вес ты не набираешь и обжорством не страдаешь. Все бы так беременели!

— Да, как-то не до того было... — Замяла я тему и тут же спрятала руки под одеяло, но Свету не проведёшь.

— Если ты пытаешься утаить свои синяки, то напрасно, я уже всё видела и жду от тебя отчёта. Марин, он избивает тебя, да?

— Не совсем так.

— Ага, или совсем не так. — Криво улыбнулась она и подсела ближе.

— Я не хотела тебя сразу расстраивать, но раз уж ты знаешь, что твой Марат усердно готовится на роль лучшего папы в мире, то поясню: Он Андрея к себе забрал.

— Что значит забрал?! — Подскочила я и тут же за телефоном потянулась.

— Да не спеши ты так. — Одёрнула меня подруга и телефон на место положила. — В общем, я приехала, то, сё, пироги, конфеты. Звонок в дверь — я открыла. Вот, сразу его узнала, совсем не изменился, только вширь раздался, всё же не с подносом бегают. Так вот, он тоже меня по имени назвал, я уж испугалась, что запомнил, но нет, просто Андрей твой сказал, что скоро буду. Суть в том, что Марат заявил, что, мол, мальчик будет жить с ним пока ты не выйдешь из больницы, и не примешь другого решения. Я в позу. Никуда ребёнка отдавать не собираюсь, а он наступает, не только своим авторитетом давит на меня, но и вполне ощутимой физической силой. Сумку огромную на пол ухнул, улыбнулся Андрею и сказал вещи собирать. Причём не приказал, как мне, например, а именно сказал, попросил. Андрюха и рад стараться, видимо, этот прохвост ему уже всего наобещал. Я снова перед ним, конечно, как клоп на ладони, не угроза, только воняю, а он и заявляет, что если у меня есть такое желание, то я могу переезжать вместе с Андреем и за отдельную плату присматривать за ним.

Рассказывала очень эмоционально, размахивая руками и активно гримасничая, натурально возмущалась, а под конец и вовсе запыхтела.

— И что тебя возмутило больше всего? — Засмеялась я, а она прищурилась.

— Больше всего меня возмущает сейчас ты, Марина. Я тут рассказываю, что подозрительный тип увозит твоего сына в неизвестном направлении и неизвестно что собирается с ним делать, а ты смеёшься надо мной!

— Не над тобой, Светуль, — погладила я её по плечу, но Света отмахнулась.

— Нет, я что чужая, что ли? Деньги он мне предлагает?! Да у меня отпуск и я только рада, что проведу его с вами. Уже планировала Андрея на море свозить, сейчас там уже не так жарко, но купаться вполне возможно, — начала она мечтать, — а тут, здрасте, приехали! Вот, и как это называется? Зачем ты меня вообще вызывала?

— Свет, я не знала, что у Марата будет такая реакция. — Попыталась оправдаться я, но, видимо, зря.

— Интересно! А какая у него должна была быть реакция? Сам ребёнка заделал, а потом в кусты? Он, конечно, гад последний, сексуальный маньяк и, — покосилась на мои необдуманно высунутые из-под одеяла запястья, — возможно, садист, но от своего ребёнка кто отказывается?

— Но мы этого не планировали.

— Ага, понятно. Мы планировали бесплатное удовольствие получать!

— Не такое уж и бесплатное.

В палату заглянула моя соседка, взяла что-то из вещей, к ней тоже муж приехал, но она с ним на улице разговаривала, и тут же убежала, а мне вдруг стыдно стадо, что она могла услышать.

— Ты про квартиру что ли?

— Хотя бы. Сама бы я ещё несколько лет выплачивала кредит.

— Не волнуйся, — «успокоила» Света, — эти несколько лет ты отработаешь в его постели.

— Не знаю...

Я отвернулась к окну, задумалась над его сегодняшними словами, закусила губу, не зная, что сказать вечером. Уверена, он спросит.

— Марина, я чего-то не знаю?

Переходя на передний план, Света преградила доступ моему взгляду на улицу.

— Марат сегодня предложение мне сделал.

Она как стояла, так и замерла с открытым ртом. Потом медленно, не дыша, опустилась рядом со мной на кровать, осмотрела сверху вниз и выдохнула.

— Ты с ума сошла? Сама ведь знаешь, что он бесится из-за того, что ты ему тогда отказала. Наиграется и бросит, так ещё и детей отберёт. Ты головой подумала?

— Тише. — Толкнула её в плечо. — Не кричи. Он здесь всех купил. Акушерка ко мне раз пятнадцать за два часа прибежала, спросила как я и что я.

— Но теперь ты от него беременна, он ведь тебя точно не отпустит.

— Свет, что за паника? Я не собираюсь никуда бежать. Я... — Покачала головой, поджав губы. — Я просто не знаю, как мне себя вести с ним, что говорить и что делать. И вопрос не в том, чтобы подстраиваться под него, а как раз в том, о чём ты и говорила. Надолго ли его хватит?

— Мама!

Андрей вбежал в комнату и повис на моей шее.

— Тише, тише, маму задушишь!

Марат мне широко улыбнулся, так широко, что мороз по коже. Как при первой встрече, когда между нами не было этого непонимания. Видимо, предложив переступить через прошлое и начать сначала, он сделал это буквально. Поставил на подоконник четыре огромных пакета и я подумала, что он всё же скупил в магазине всё, что видит.

— Марат, знаете, а я решила принять ваше предложение. — Заявила Света высоко задрав подбородок, Марат этот жест проигнорировал.

— Какое именно?

— Нет, нет, не то, в котором вы просили не вмешиваться. Я согласна жить в вашем доме и присматривать за Андреем.

— Отлично. — Пожал он плечами, словно перспектива жить с язвой-подружкой в одной квартире его не пугала.

— Только не подумайте, что мне нужны ваши деньги. Я делаю это исключительно ради Марины.

— Всем бы таких подруг, честное слово. — Съязвил он, а Света надулась.

Марат прислонился к подоконнику, с улыбкой посмотрел на меня, более строго на Свету и Андрея. Губами пожевал, а потом в ладоши хлопнул, так, словно гениальная идея

появилась.

— Так, Андрея, я там видел буфет внизу ещё работает. Сходи купи мороженного всем.

Свет. — Кивнул он Свете, указывая взглядом на Андрея.

— Марат, тебе какое?

— Миндальное, если есть.

— Пошли. — Кисло улыбнулась Андрею Света, прекрасно понимающая, что их обоих просто хотят спихнуть по-хитрому, я же, немного привстала, садясь более уверенно, прижалась к стене.

Марат плотнее закрыл дверь и присел рядом на кровать, коснулся щеки.

— Румянец появился... красавица. Это Света хорошо на тебя влияет?

— Нет, вы все. Спасибо, что Андрея привёз.

— Да ладно.

— А что это за решение у тебя созрело? Андрея к себе взять?

Марат ничуть не смутился, даже наоборот, удивился моему вопросу.

— Ну-у... в том, что ты здесь, в большинстве своём, моя вина, да и... я очень надеюсь, что ты примешь моё предложение и... зачем оттягивать неизбежное. Не так ли? — Оживился на вопросе, хотя до этого слова давались не очень легко. Он во мне сомневался. Да и правильно, я и сама в себе сомневалась. Только когда он рядом, уверена в принятом решении.

— Марат, — я сама взяла его за руки, точнее, легко кончиков пальцев коснулась, приподнимая, а он отреагировал мгновенно, обхватил мою ладонь и крепко сжал. Я выдавила из себя улыбку. — Я тоже хочу попробовать начать сначала. Ты... ты хороший, я уверена, и всё правильно, и... Я очень хочу, чтобы у нас была семья. Крепкая и дружная. Честно, не знаю, что стоит за твоими решениями, но... но ты мне нравишься, я хочу, чтобы у нас всё получилось.

— Я люблю тебя. — Серьёзно заявил Марат в ответ на мою путанную речь. — Вот и всё, что стоит за этими решениями. И ты меня полюбишь, я уверен.

Немного напугал своим тоном, но я постаралась не подать виду. Через десять секунд на пальце было заранее подготовленное кольцо, как в лучших традициях американского кино. А потом вернулись Света с Андреем и поговорить нам не удалось.

Глава 14

Шли дни, а Марат ничуть не менялся. Терпел все мои капризы и нервные расстройства, утешал, когда результаты лечения не удовлетворяли, поддерживал, когда мне это требовалось. Приезжал почти каждый день, заваливая холодильник продуктами. Так много всего, что и аппетит пропадает от изобилия. Помню, когда была Андреем беременна и кроме упрёков матери ничего не слышала, мечтала о таком, чтобы за мной ухаживали, чтобы заботились. Потом это забылось, настали трудовые будни матери-одиночки. Мне казалось, что такого в моей жизни никогда не случится. И вот, человек, от которого я ожидала нежности меньше всего, носится со мной, как с писанной торбой, пылинки сдувает.

Прошло три недели, прежде, чем моё состояние приблизилось к норме, когда я смогла спать спокойно, только головная боль пришла откуда не звали. С утра понедельника, как только стали известны результаты последних анализов и УЗ-исследование показало приближение к норме, врач сообщил, что меня выписывают. И одно дело когда Марат навещает, другое же, когда он будет рядом. Понятно, что работает, что часто допоздна задерживается, но ночует он дома, а здесь... За всё время, пока я лежала в больнице, он ни разу не намекнул на супружеские обязанности и всё такое. Понятно, я беременна, у меня проблемы, но сейчас-то их нет. Он целовал, нежно, ненавязчиво, когда приходил и когда уходил, а теперь... я даже не знаю, в одной ли постели мы будем спать?

— Марина, я не пойму, вас это известие радует или огорчает? — Уточнил Евгений Васильевич с ироничной улыбкой.

— Ещё не знаю.

— Надеюсь, к вечеру, когда Марат Игнатьевич приедет, вы определитесь со своим мнением. А пока мои рекомендации: не нервничать, не прыгать, не бегать. Соблюдать диету, режим труда и отдыха. Принимать все необходимые препараты, которые указаны в выписном листе, обязательно стать на учёт. Вы должны понимать, что лечение — не панацея, нужно себя беречь, чтобы не доводить дело до больницы. Ваше состояние удовлетворительное, но никаких гарантий я дать не могу. Отслойка — это отслойка. Гормональный фон у вас неопределённо скачет, может возникнуть и повторная проблема. Так что, мы надеемся на лучшее, но готовимся к худшему. Правильно?

— Да, Евгений Васильевич.

— Ну? Что смотришь, ни жива, ни мертва? — Улыбнулся он. — Запугал, да?

— Немного. — Честно призналась я. — Спасибо вам за всё.

— Не болейте. До свидания.

— До свидания.

Заветной минуты, когда Марат заберёт меня, я ждала с некоторой паникой, с некоторым нетерпением. И к моменту его приезда окончательно запуталась в ощущениях. Только Марат всё правильно понял.

— Волнуешься? — Спросил, прижимая к себе.

— Если честно, то немного.

— Я волнуюсь больше, только никому об этом не говори. — Рассмеялся он.

За рулём был неизменный Дима, он поздравил меня с выздоровлением, хотя, я не была

уверена, что знает, чем я, собственно говоря, болела. Осторожно, практически крадучись, отвёз нас в квартиру Марата, помог с вещами. А дальше, дальше я потерялась. Андрей был ещё в школе, Света бегала по магазинам, а Марат, судя по всему, никуда не спешил. Предложил специальный чай для беременных, поухаживал, щекотливых тем не касался. Я сама приступила к неминуемому разговору.

— Марат, — начала осторожно, — между нами что-то изменилось?

Он как ото сна очнулся и на меня посмотрел немного растерянным взглядом.

— Имеешь в виду что-то конкретное?

— Да. Наши отношения.

— Если ты снова хочешь поговорить о контракте... — Раздражённо начал он, видимо, не раз поднимал эту тему в диалоге с самим собой.

— Я не о том.

— Не о том? О чём тогда?

Я отставила чашку с горячим напитком в сторону, Марат сделал то же самое, внимательно смотрел, а мне под этим взглядом становилось жарко.

— Наверно, ты хочешь спросить, хочу ли я тебя так же как раньше или нет?

Что тут скажешь, покраснела мгновенно, проклиная себя за то, что начала этот разговор, но... да! Я об этом думала. Об этом и не только, и мне, как и любой женщине, хотелось внимания. Его внимания. Демонстрации его сексуального влечения. К сожалению, работая в гимназии, много раз сталкивалась с такими случаями, когда мужчины отворачивались от жён, получив желанного наследника. Марат тоже вёл себя отстранённо и холодно, не переступал черту дозволенного, которую сам же для себя и начертил. А я просто хотела секса. Чёрт! Как озабоченная какая-то, честное слово. Но до того дошло, что даже во сне я приближалась к оргазму, только никак не могла получить желаемого.

Пока краснела и бледнела, Марат обошёл стол, стал за моей спиной, склонился и коснулся губами шеи.

— Я хочу тебя даже больше, чем раньше. — Прошептал, с болью в голосе, с надрывом. Провёл влажную дорожку языком по изгибу шеи, до самой ключицы.

Стоит ли говорить, что от этой незатейливой ласки меня подбрасывало от желания?

— Раньше ты была моей любовницей. — Продолжил ещё тише, так, что я уже не понимала, слышу ли его голос, или просто читаю мысли и только дыхание, лёгкой прохладой лежащее на ту влажную дорожку, заставляло меня держаться. — Теперь ты моя женщина, моя любимая... моя будущая жена. И я хочу тебя...

Я плыла от его слов, тонула в них, чувствовала незнакомую прежде эйфорию, когда дыхания не хватало, а он всего лишь, едва ощутимо, водил кончиками пальцев по моим бокам, вверх и вниз, дразня, заманивая. Откинула голову назад, полностью полагаясь на его силу, не хотела отвечать, хотела только получать его ласку, его нежность, впитывала её в себя как губка. А когда он накрыл мои губы своими, почувствовала резкий, болезненный выброс влаги. Как доказательство моего желания, простонала в голос, а он продолжал целовать, не настойчиво, только губами, когда мне уже хотелось большего. Одной рукой ласкал шею, выставленную именно для его пальцев, другой, обвив меня сбоку, пробирался под юбку, а я не стеснялась своих ощущений, мне нравилось то, что он делает, поэтому совершенно бесстыдно разводила ноги в стороны, немного приподнимая таз, пропуская его глубже. И Марат рычал, понимая, чего я хочу и что сейчас ему позволяю. Пальцы скользнули под трусики, сдвинув их в сторону, секунда на размышления и вот, он уже ворвался в мой рот

языком, настойчиво, грубо, удерживая той рукой, которая до этого ласкала шею, за подбородок. Надежно, только я не вырывалась, мне даже эта его грубость нравилась, словно специально для меня припрятанная, я хотела, чтобы он только со мной был таким. Пальцами он аккуратно раздвигал все складочки, разминая, массируя, а я чувствовала, как там всё набухает от его действий, двигалась навстречу, требуя большего. Только этого большего он мне не давал, настойчиво избегая возбуждённого органа, и внутрь не продвигался, лишь обещая.

— Народ, кто дома?! — Донеслось из прихожей и Марат словно окаменел, нависая надо мной.

— Я когда-нибудь придушу твою подружку. — Прорычал мне на ухо, руку из трусиков вытащил, юбку сам расправил.

Я расстроено вздохнула, толкая его локтем в живот, Марат же, продолжая начатую мной игру, резко к шее прислонился, то ли кусая, то ли целуя кожу. Как клюнул, и тут же отстранился, упираясь в стол руками по обеим сторонам от меня.

— Вот вы где спрятались, голубки. — Пропела она, уже явно понимая, чему помешала, но едва ли чувствовала угрызения совести. Нагло уселась на стул, который до этого был отодвинут для Марата, отхлебнула чай из его чашки (ЕГО чашки, даже я её никогда не касалась).

— Мне пора. — С нескрываемым раздражением проговорил он, прислонился к моей спине свои стоящим членом, намекая на то, чего я лишилась, чуть толкнулся вперёд. — Удачно посплетничать.

— И тебе не скучать, Марат Игнатьевич. — Не удержалась от укола Света и даже помахала ему ручкой на прощание.

А когда услышала, как хлопнула входная дверь, плотоядно улыбнулась, губы трубочкой свернула.

— Ну, а теперь рассказывай, что я пропустила.

— К моему глубочайшему сожалению, ничего.

— Ой, да ладно, я сегодня уезжаю, кувыркайтесь теперь, хоть второй этаж проломите. Только помните, что здесь дети.

— Света, ты язва! — Хлопнула я ладонью по столу и засмеялась.

— Нет, просто соскучилась по своему Анатолию. — С намёком повысила она тональность голоса. — Так что поеду догуливать отпуск. Кстати, насчёт «пост сдал — пост принял». Предупреждаю сразу: домработница здесь мегера ещё та, заочно тебя ненавидит, так что ты даже не удивляйся.

— А у Марата есть домработница? — Ступила я, что Света и показала мне жестом.

— А ты думала он сам здесь всё вылизывает? Как же!

— Чем я заслужила, если не секрет её «пламенную любовь»?

— А ничем. Вот представь: убирает она, убирает, пыль протрёт, посуду помоешь, одежду в чистку отнесёт. А появляемся мы: я и Андрей. Я тыкаю её носом в пыль под кроватью, такое чувство, что в гостевые комнаты она и не заглядывала никогда, там даже паук завёлся. Я его Тимошкой называла, пока не нашла веник. А Андрей, как ребёнок, и вовсе внешний раздражитель. Мусорит много, убирает мало. Да что я рассказываю, будто ты сына своего не знаешь?! — Всплеснула руками подруга и подтянула к себе мою чашку с чаем.

— Андрей очень аккуратный ребёнок. — Возразила я, а Света поддакнула.

— Да, но он, всё же, ребёнок, а не ангел, и по воздуху не летает. Вот ей и прибавилось

работёнки. Марат ей, кстати, нехило отстёгивает, ты в своей гимназии меньше зарабатывала.

— Допустим, но чтобы ненавидеть...

— Ой, я тебя умоляю... понаехали, сирые и убогие, короче, туго тебе с ней придётся. Но! Предупреждён, значит, вооружён! Так что держись. Димка, водитель ваш, сейчас Андрея из школы привезёт. Марат домой раньше одиннадцати носа не кажет, отдыхай.

— А ты?

— А я, — отмахнулась Света, — у меня поезд через три часа. Чемоданы собраны, подарки куплены, деньги потрачены. Не буду вам мешать.

Она тут же ручкой махнула что-то невообразимое, со стула соскочила, а потом в дверях остановилась.

— Давай, что ли, вещи помогу разобрать, а то у меня такое чувство было, когда я в коридоре оказалась, что ты не из больницы, а из Турции приехала. Столько чемоданов.

— Да уж, Марат, конечно, перестарался. — Улыбнулась я. — Пошли разбирать.

Вместе мы потеснили Марата в его гардеробной, развешивая купленные им же пижамы на любой вкус и цвет, халатики и маечки. В гардеробе преобладали трикотажные платья, которые ни на что мне не давили, но всё со вкусом и очень красивое. Даже брючки под будущий животик купил, позаботился.

— Марина, а что ты оденешь сегодня ночью? — Взбрело Свете в голову, и сразу же очутилось на языке.

— В смысле, что одену? Выбор, как видишь, есть.

— Да, но здесь нет ничего сексуального, или Марат любит пай-девочек? — Она покрутила перед своей выдающейся грудью розовую маечку с веером леденцов на палочке. Моё приобретение, стоит признать, только прежде мне было не от кого её скрывать, что хотела, то и носила. Теперь же, придётся всё пересмотреть.

Майку из её цепких рук я вырвала, смяла и бросила в дальний угол, не задумываясь о том, что туда может забраться вездесущая и ужасная домработница. Живот у меня уже прилично выпирал и, действительно, ничего из старого гардероба одеть я не могла, поэтому растерялась.

— Да брось ты париться, голышом будет надёжно и практично!

Я показала Свете язык, она же, швырнула в меня очередной вещью. Потом Света уехала. Потом Андрей пришёл из школы. Мы вдвоём соскучились и весь вечер разговаривали. Не важно о чём. Да, наверно, и ни о чём конкретном. Просто о том, что каждый пропустил из жизни другого. Странно, но я разговариваю с сыном как с равным мне по опыту, по возрасту, по восприятию мира. Чувствую, через десять лет, так же свободно будем обсуждать его и мою личную жизнь. Спать Андрей согласился уже ближе к одиннадцати, тем более завтра у него только третий урок, а вот Марата всё не было. Не появился он и к двенадцати. Я не помню как уснула, помню только как меня бережно переложили на постель в спальне, глаз раскрыть не было желания, матрац рядом прогнулся, а когда утром я проснулась, снова была одна. Обалдеть! Жизнь удалась!

На следующий вечер повторилось то же самое, даже в воскресенье я была одна. Мы с Андреем посетили аквапарк, где я разумно отсиживалась в стороне, забежали в кафе-мороженое, прошлись по магазинам. Для меня, честно признаться, приличная нагрузка после нескольких недель практически постельного режима, но я справлюсь. На самом деле, готова была делать что угодно, только бы не возвращаться в квартиру, где всегда одна. Гуляя по городу, заметила Марата, сидящего в ресторане. Даже удивительно, что я смогла его

разглядеть: за дальним столиком, в компании двоих мужчин и трёх женщин. Что-то смутно походящее на деловой ужин, блондинка справа очень настойчиво прижималась к нему, улыбалась, судя по кривляниям, пыталась заигрывать. Через десять минут решила сообщить сыну, что сегодня мы будем ночевать в нашей квартире, потому что до неё добираться ближе. Андрей не спорит, но видит, что моё настроение не улучшается. Спать легли быстро, а я даже под душ не захотела идти, на меня напала апатия беременной. А ещё я его ненавижу. Опять.

Проснувшись от настойчивого стука в дверь, специально звонок отключила, чтобы Андрей не проснулся, а если размышлять здраво, то ночью его и из пушки не разбудить, поэтому совершенно спокойно, в полной темноте пробралась к коридору. Не глядя в глазок, открыла дверь. Марат в ярости. Марат в бешенстве. Смотрит на меня и постепенно успокаивается, он всё понял, глаза закрыл на секунду, чтобы дух перевести, а потом устало улыбнулся и зашёл в квартиру. Снял обувь, аккуратно поставив ботинки на обувную полку, пальто повесил на вешалку и закрыл шкаф. Я молча наблюдала. Прошёл в мою спальню, разделся, лёг на правую половину кровати, прекрасно понимая по разостланному краю покрывала, что там спала я, а после невозмутимо похлопал по месту рядом с собой и улыбнулся. Действительно, зачем слова, если всё можно сказать жестами. Я обижена, но три часа ночи берут своё и выяснение отношений мы оставляем на завтра, если я, конечно, словлю его с утра. Демонстративно отвернулась к противоположной стене, но Марат не был бы собой, если бы отступил просто так. Он приткнулся ко мне сзади, губами потянул за волосы, рукой прижал к себе ещё плотнее, так, что я ощутила его каменный стояк и вздрогнула.

— Надеюсь, ты понимаешь, что сама меня спровоцировала? — Спрашивает тихо, но я вздрагиваю снова и снова, теперь от возбуждения, хотя и знаю, что ничего не будет.

— А сейчас давай спать.

Я недовольно поёрзала, отодвигая его бёдра дальше, но Марат намерено сильно прижимался ими ко мне в ответ.

— Просто ты должна понимать, почему я стараюсь избегать общения с тобой хотя бы некоторое время, но если женщина просит...

Продолжение его слов, хотя, вполне возможно, его и не было, потерялось в тягучем поцелуе. А после он тихо уткнулся носом в мою шею, путаясь лицом в волосах и мирно засопел, просто отключился, а я мучилась. Я его тоже хотела.

Утром ЕСТЕСТВЕННО Марата рядом не обнаружила. Выругалась мысленно и частичн вслух, но уже через минуту поняла, что он затерялся на просторах моей малометражной кухни. Точнее, кухня у меня нормальная, но когда в ней стоит Марат, она кажется просто крохотной.

— Неужели тебе не нужно на работу? — Теряя по ходу радость от его присутствия, хотя знаю, что рада, пробубнила я. Мне его не хватало.

— Надо. Но для тебя я готов сделать некоторое послабление в трудовом графике.

— Ух ты! Неужели я стою таких жертв? — Притворно удивилась, осознанно его провоцируя. Взяла с тарелки только что сжаренный комом блин, хотя он уже далеко не первый, свернув его трубочкой макнула в налитое в пиалу сгущённое молоко, откусила и закатила глаза. Наверно для того, чтобы они не вылезли из орбит. Ужас!

— Марина, прекрати, я уже начинаю бояться за твоё здоровье. — Посмеялся Марат, видимо он уже свои блины попробовал. — Согласен, у тебя получается это значительно

лучше, но... — Посмотрел на меня, криво улыбнулся и первым отвёл взгляд. — Нам нужно поговорить.

— Правда? Так думаешь? — Не знаю, почему, но сейчас напоминаю себе стерву, правда, сделать ничего не могу. Руки на груди скрестила. Обиженную строю!

— Я разговаривал с твоим врачом и он не рекомендовал...

Слова в горле застряли, когда я дёрнула за поясok халата. Сбросила сам халат на пол и переступила через него с глупым выражением «Упс!» на лице. Прикусила губу, ожидая его шага, провоцировала.

— Марина, что ты делаешь? — Старался он сдержать себя, но я-то вижу, что взгляд направлен отнюдь не на мои очи, а на вздыбленные от внезапной резкой прохлады соски.

Вместо ответа, сдвинула бретельки купленной вчера мега сексуальной ночной сорочки на края плеч. Слегка повела ими и сорочка у моих ног, соскользнула, на секунду придержавшись на бёдрах.

— Прекрати. — Уже взволнованно дышит, а я знаю, какое влияние имею. Не раз наблюдала, как он возбуждается, глядя на моё тело. Кажется, кто-то говорил, что сейчас хочет меня ещё сильнее?

— А ты останови меня. — Бросаю с вызовом, но у Марата железная выдержка. Он хищно улыбается, старается принять расслабленную позу, только вот... гхм-гхм... что-то такое твёрдое и упругое подпирает ремень брюк.

— А я не хочу. — Я выгнула бровь, демонстрируя удивление, он улыбнулся. — Не хочу тебя останавливать.

— И?

Спрятав ладони в карманах брюк, он сжал их в кулаки, подошёл ко мне вплотную. Стал практически на одном уровне, плечом к плечу, чуть наклонился к моему уху.

— Оргазм.

— Секс. — Задирала я подбородок.

— Один оргазм и это не торги.

— Я не торгуюсь, я диктую единственное неоспоримое условие. — Не смотрю на него, но улыбаюсь, мне нравится этот разговор и эта игра. Определённо.

— Соглашаешься на мои условия и секса ты больше не захочешь.

— Так уверен в себе? — Не выдержала и всё-таки повернулась к нему лицом. Ой, зря. Я на всё согласна.

Мне уже не нужен ответ и он это понимает, достаёт одну руку из кармана и несколько небрежно, словно нехотя, проводит костяшками пальцев по моему плечу. А мне хочется простонать даже от этого невинного движения. Только оно не невинное, оно порочное, такое же, как и его взгляд сейчас. Помню, знаю этот взгляд. Семь лет назад, когда я устояла. Только теперь мне это не нужно и я иду за ним.

Как заворожённая смотрю на резкие, точные движения. Расслабить узел галстука, стянуть его, расстегнуть пару пуговиц сверху, ослабить ремень брюк. Приглашающим жестом предлагает мне присесть на край кровати. Я повинуюсь, потому что ничего другого сейчас и не хочу. Как только присела, Марат мягко толкнул меня дальше и я упала. Перед глазами всё плывёт от наслаждения. Но умом, который никак не желает отключаться, понимаю, что это даже не прикосновение, это только его дыхание на моей коже. Не замечаю, как он сбрасывает рубашку и наши тела соприкасаются, а между ними проходят единичные электрические разряды. Не в буквальном смысле, нет, это в моей голове, словно

магия, которой наши отношения были лишены прежде. Но я до сих пор и не уловила, что служит для него катализатором. Просто наслаждаюсь, ловлю его, вбиваю в память. Его движения нежные, местами настойчивые, твёрдые пальцы задевают соски, поглаживают грудь, я прогибаюсь, подставляясь под руки. Но это неосознанно, это моё тело хочет так. Я знаю, что он стоит на коленях между моих ног, и это срывает крышу, неужели покорился? Или он хочет покорить меня? Всё ещё не понял, что давно его?

Тёплые губы покрывают поцелуями грудь, живот, внутреннюю поверхность бедра. Мне пагубно стыдно и бесстыдно-желаемо одновременно. Я плавлюсь, я таю, я растворяюсь в его ласке.

— Я могу быть нежным, если меня хорошо попросить. — Шепчет мне, но я его не слышу, просто знаю, что он сказал это. Подставляюсь под поцелуи, а потом вспоминаю, что у меня есть руки, есть ноги, что я ещё существую и попробовала прижать его к себе. Властно, так, как никогда прежде не решалась. Марат мягко смеётся в ответ на мою дерзость, и его смех растекается по венам волной дрожи и нетерпения, я приподнимаю бёдра, предлагая продолжить начатое, и он понимает, знает, о чём я прошу. И то, что я именно прошу, как он и хотел. Снимает трусики, проводит большим пальцем вдоль складок, углубляясь книзу, он тоже дрожит, только не хочет показать этого. Вводит палец внутрь, а я вся сжимаюсь, большего не нужно, я на грани. Он повторяет свои движения, теперь начиная чуть выше, едва задевая клитор и я вздрагиваю от случайного прикосновения, тянусь к нему, только не успеваю уловить, разочарованный стон, как награда для него.

— Скажи, что я был прав.

— Я всё равно получу своё. — Твержу упрямо, хотя да, он прав, мне не нужно большего, только лишь знать, что это он, что он рядом, и что он весь мой, для меня.

В наказание он проводит по клитору ногтем, раздражая, разрезая моё желание, выпуская его наружу и я, не стесняюсь, приподнимаюсь, пытаюсь найти его руку. Натыкаюсь на пальцы, трюсь о них, пытаюсь настроиться, но он не позволяет.

— Ты прав. — Шепчу виновато.

В ту же секунду получаю награду: мягкое, нежное прикосновение, даже не сразу поняла что это, просто простонала, двигаясь желаемому навстречу. Движение повторилось, но теперь более настойчиво, я свела колени, пытаюсь унять дрожь в ногах, Марат жёстко раздвинул их ещё шире.

— Я хочу видеть это. — Словно приказ.

И я повинуюсь, разводя ноги шире, соглашаясь во всём. В меня проникают два пальца, поглаживая изнутри. Вскоре поглаживания превращаются в ритмичные движения, которые совпадают с сокращениями моих мышц, голова мечется по простыням, я задыхаюсь, не получая желанной разрядки, а Марат все силы из меня выжимает. Стоны смешиваются с тихим хрипами, заменяющими дыхание. Ритм ускоряется, на клиторе смыкаются тёплые губы, я теряюсь в ощущениях, но точно знаю, что они мне нравятся, не могу себя контролировать и двигаю бёдрами активнее. Марату это не нравится, и тогда он подвёл руку под моей поясницей, прижимая к себе, не давая дёрнуться, отодвинуться, не позволяя мышцам расслабиться. Перед глазами расплываются синие звёзды, губы трясутся, и я чувствую укус, несильный, но достаточный для моего вскрика и финального рывка. Ещё несколько секунд он удерживает меня в таком же положении, продляя ощущения, а я остановиться не могу, чувствую, как мышцы сокращаются. Когда открыла глаза, Марат внимательно смотрел на меня, лежал сбоку, опираясь на один локоть, чуть нависал, а я

обняла его за шею, прижимаясь ещё ближе. Больше он меня не пугает, я хочу клетку из его чувств, ревность, любовь, желание защитить. И ключ от этой клетки доверяю ему. Мне он больше не нужен.

— Ты очень чувствительная. Тебя нельзя баловать.

— Будешь держать в строгости? — Понятливо киваю.

— Какое-то время. — Серьёзно согласился он, а я улыбаюсь, знаю, как его соблазнить.

— Мне пора.

Воспользовавшись моим замешательством, встал, я вздрогнула и подскочила вслед за Маратом, смотрю в глаза.

— Правда, на работу нужно.

— А если я попрошу, чтобы ты остался?

— Я всё равно уйду.

Кажется, это мы уже проходили...

— А ты знаешь, почему я пришла вчера сюда? — Злюсь за свою слабость, мне не хватает защиты от его взгляда и я бегу на кухню. Возвращаюсь оттуда уже с халатом. Нервными движениями завязываю пояс.

Он смотрит. Он ждёт продолжения.

— Потому что я видела тебя в ресторане. И мне не понравилось то, что там было.

— Что-то конкретное? — Довольно грубо спрашивает он, словно я не в своё дело лезу, но меня понесло.

— Женщина, которая сидела справа от тебя.

— Вот как? — Не могу понять, что он имеет в виду, что чувствует. — Хочешь предъявить на меня права? — Смотрит вызывающе. Поза напряжённая, стоит полубоком, словно в боксе, отражая нападение.

— Можешь считать, что я уже это сделала. И если сегодня ты явишься позже шести, я за себя не отвечаю.

— И что же ты сделаешь? — Нагло улыбается, ему нравится эта игра... а мне уже нет.

Голова закружилась, но я устояла и взгляд его выдержала.

— Я просто перестану верить в тебя.

Мне показалось или он вздохнул с облегчением? Подошёл ко мне, легко касаясь лица, кончиками пальцев придерживая подбородок.

— Марина, я тебя хочу, понимаешь? Думал, отпустит, пройдёт, забудется, но ты, извини за сравнение, — он усмехнулся, — как рассол после перепоя: тебя всегда мало. И я сейчас иду на работу не потому, что мне там что-то нужно, а потому, что не могу тебя отпустить. А это сделать необходимо. И ещё. Я рад, что ты не стала мне угрожать, ты сильная, я знаю. То, что сказала, дороже всех признаний на свете. И я твой. Уже очень давно. Веришь?

— Я не хочу, чтобы она приближалась к тебе.

— Кто ещё?

— И кто-либо ещё. — Выдала обиженно, а он рассмеялся.

— С такими темпами ты начнёшь ревновать меня к мужчинам. — Чмокнул в губы. — Надеюсь, ты одумаешься и сегодня я увижу тебя дома. — Улыбается мне.

— Значит, я буду дома.

Глава 15

Когда Марат ушёл, я вдруг подумала, что он ведь остался без оргазма. Подумала и решила, что я тоже должна ему. Андрея разбудила, отправила в школу. Выбрала платье,

такое, чтобы скрывало моё положение, высокий каблук, ожерелье, опять же, для отвлечения взглядов от живота, макияж вызывающий, причёска... причёска вызывающая к немедленному действию. Да. Именно так. Слегка растрёпанные, распущенные волосы, как после бурного секса. Марат поймёт, он любит, когда мои волосы лежат именно так, помню, просил расчёсываться в последний момент. Ему нравилась сама мысль того, что мы только что занимались сексом. Странно, конечно, но мне нравится в нём абсолютно всё. На входе меня не признали, хотя прежде, не дожидаясь момента, когда я пройду, перешёптывались, что пришла подстилка шефа. Именно так и говорили, особенно их оскорблял мой вид примерной училки. Сегодня же, с яркой помадой на губах, призывной улыбкой, которую я репетировала для Марата, улыгнулись в ответ. Не признала во мне бывшей любовницы своего начальника и секретарь. Неужели счастливые глаза делают человека неузнаваемым? Заметив, как я прямым ходом направляюсь к кабинету Юрченко М. И., секретарь подскочила, но не успела, только крикнула, что там важное совещание. Дверь я открыла и увидела действительно, важное совещание: блондинка трясла перед Маратом грудью, которая вот-вот и вывалится из бюстгальтера, выглядывающего из глубокого, непозволительно глубокого разреза блузки. Это была она — женщина, с которой я видела его в ресторане, а ещё, по совместительству, женщина, к которой я впервые обратилась в этот банк по поводу просроченного платежа. Имени её, конечно же, не запомнила, а вот миленькую москву вполне. Теперь эту улыбку хотелось стереть с её лица.

Заметив меня, отнюдь не миленьким голосом, явно недовольная моим внезапным появлением, блондинка проговорила:

— Девушка, у нас совещание. Вы по какому вопросу?

Марат подозрительно молчал, будто испытывал меня. А я, игнорируя замечание, обратилась напрямую к нему.

— Как я вижу, господин Юрченко не учёл мои замечания?

Проследовала к его столу, наклонилась вперёд, упираясь ладонями в столешницу, посмотрела прямо в глаза. В них забава.

— Ольга Петровна, вы свободны.

— Ты забыл добавить «навсегда».

Блондинка посмотрела на меня с подозрительной догадливостью, Марат усмехнулся.

— Ольга Петровна прекрасный специалист.

— Даже боюсь подумать, в чём заключается её профессионализм.

— Ольга Петровна, вы можете идти. — Чуть громче и не так добродушно как мне, напомнил ей Марат и она сорвалась с места.

— И что это значит? — Откинулся на кресле, смакуя мою тихую ярость.

— Лишь то, что тебе нравится моя настойчивость. Ты хочешь, чтобы я закатила скандал?

— А ты на это способна? — Усмехается, но не в обиду.

— Знаешь, когда смотрю как она трётся рядом с тобой, то да, думаю, способна. Хотя, прежде за мной этого не наблюдалось. — Задумалась я над своими словами, а Марат улыбнулся шире, вышел из-за стола и к моей спине прижался.

— Ты права. Мне нравится. — Проговорил довольно. — А ты пришла только для того, чтобы проверить меня?

— Нет. — Вспомнила я о цели визита, развернулась в его руках, посмотрела в смеющиеся глаза и покраснела.

— Я хотел, чтобы ты пришла. — Прошептал он, понимая. — Но сейчас, правда, очень занят. Потерпишь, пока доберусь домой?

— Нет. — Округлила я глаза.

— Значит, будешь скучать.

Я провела рукой по его паху, Марат напрягся и прошипел от наступающего возбуждения. Мгновенная реакция.

— Не сейчас.

Но я уже расстёгивала его ширинку, оттянула резинку трусов, высвобождая возбуждённый орган. Не знаю, беременность ли это на меня так влияет или вседозволенность, которой я пользуюсь последние несколько дней, но у меня буквально слюнки потекли от вида возбуждённого члена. Никогда не было страсти к оральным ласкам, более того, такой вариант я пробовала всего раз, в познавательных целях, и, скажу честно, мне не понравилось. А теперь... то ли я забыла, каково это, то ли дело в мужчине, который сейчас стоит напротив, но мне нравится то, что предстоит сделать вечером.

Дразнящим движением указательного пальца я провела от влажной головки до самого основания, балдея от того, как напрягаясь от распирающего его прилива крови, член, тянется к моим рукам, ближе к наслаждению. Марат всё это время стоял недвижимо.

— Ты знаешь, что я хочу? — Обдал он горячим дрожащим дыханием моё ухо.

— Я знаю чего хочу я.

— Сделай это.

И толкнулся бёдрами вперёд, только я его движение бессовестно проигнорировала.

— Ну, уж нет. Теперь я точно знаю, что ты будешь спешить домой.

Моя рука скользнула глубже, пальцами я нащупала яички и немного сжала их.

— И убедительно советую не растерять свой арсенал по дороге.

— Будешь проверять? — Хмыкнул уверенно.

— Надеюсь на твою сознательность. — Откровенно облизнулась я. Не только потому, что подразнить хотела, правда, появилось именно такое желание, непроизвольно, и сама возбудилась.

Марат поджал губы и расстроено вздохнул.

— Я, так понимаю, ласки мне сейчас не обломиться?

— Нет. — Довольная произведённым эффектом, цокнула я языком.

— Тогда, с твоего позволения, — демонстративно отодвинув мои руки от своего хозяйства, Марат с трудом, кривясь от ощущения дискомфорта, но запихнул всё под нижнее бельё, вжикнул бегунком молнии вверх. — Пришла, раздражила... А я уже не мальчик, — ворчал он, — когда станет поздно, локти кусать будешь.

— Да, да, только уже будет поздно. Я поняла тебя.

Попыталась обойти Марата со стороны. Но он удержал за запястье. Немного агрессивно, но агрессию свою тут же загладил, лаская нежную кожу большим пальцем.

— Домой сейчас?

— Сначала Андрея встречу, у него всего два урока. Отвезу в бассейн, потом домой.

— Хорошо. Диму возьми с собой. Позвони, он должен быть где-то недалеко.

Марат уже принял деловой вид, возбуждение немного спало и позволило ему присесть.

— И ждать тебя?

— Мы договаривались на шесть?

— На шесть.

— Я буду к шести.

Я обрадовалась и его реакции, и своей маленькой победе. Послала воздушный поцелуй на прощание и из кабинета вышла, а там меня поджидала фурия Ольга Петровна.

— Ты кто такая? — Донеслось из-за спины, когда я уже стояла на пороге приёмной.

Я голову в пол-оборота повернула, боковым зрением видела, что она стоит и смотрит на меня. Наверняка удавить готова. Но ответом не удостоила. Кичиться своим, как бы так сказать... шатким положением, не хочу. Мы с Маратом ещё и сами не уверены, чем всё это может закончиться и что получится в итоге, но пока всё хорошо. И чем дольше это продлится, тем лучше. Но не для посторонних глаз.

А уже дома меня ждал сюрприз. Нельзя его назвать приятным. В общем, я лично смогла убедиться, как можно заочно возненавидеть человека. Домработница, которая мне не представилась, но успела нахамить, ничуть не стесняясь в выражениях, объяснила кто здесь кто, и какие права имеет. Настроение у меня было лучше некуда, поэтому на все её выпады я отвечала равнодушной, немного идиотской улыбкой. Понятное дело, она не предложила мне поесть, хотя для хозяина готовила обед из трёх блюд, но мы не гордые и к прислуге не приученные. Аппетит особо не радовал, поэтому обошлась чаем. Да и просто подступиться к плите не получилось, едва ли не с боем отвоёвывала место для чайника. -К-н-и-г-о-л-ю-б-.-н-е-т- И только значительно позже заметила, как она достаёт из заглазника электрический. Но мне всё равно, я мило улыбаюсь, меня сейчас больше беспокоит момент, когда Марат вернётся домой. Желание желанием, но одно дело момент и другое дело ожидание этого самого момента. И, с течением времени, отчётливо начинала понимать, что всё, что я делала, несколько неприлично и не совсем позволительно, тем более, проявлять свои чувства так открыто, демонстративно. Да, Марату понравилось, никто не спорит, только ведь дело ещё и во мне, и ближе к вечеру я ловила себя на мысли, что начинаю краснеть от воспоминания сегодняшней встречи, да и утра тоже.

Краснеть и думать, думать и краснеть, мне помешала женщина с пылесосом.

— Послушайте, — вежливо обратилась я, — понимаю, и, частично даже оправдываю вашу неприязнь ко мне, но не нужно так уж демонстрировать это.

Вместо ответа, женщин только увеличила мощность пылесоса, чем заглушила мой голос. Такой игнор с её стороны показался верхом неприличия и я решилась на поступок. Выдернула шнур из розетки и зажала его в кулак.

— Нравится вам это или нет, но я буду здесь жить. И это не моё решение. Поэтому давайте хотя бы попробуем найти общий язык и не мешать друг другу. Сейчас вы, в частности, мне мешаете.

Женщина посмотрела на меня свысока и показательно хмыкнула. Сдула со лба пышную чёлку, что выглядело как предупреждение перед мордобоем, подбоченилась.

— А кто ты такая, чтобы я с тобой общий язык искала? Знаешь, сколько таких умных здесь перебивало? С каждой ласы точить, язык сотрётся.

— Не нужно мне тыкать. И выйдите из моей комнаты.

За чем последовал короткий ответ:

— А с чего ты взяла, что она твоя?

Я даже растерялась от такой наглости. С одной стороны, да, я не знаю какими правами и полномочиями обладаю конкретно в этом доме, с другой... с другой я получила официальное предложение выйти замуж и кольцо тому в подтверждение. На всякий случай, убедившись, что кольцо на месте, посмотрела на неё увереннее.

— Предлагаю сделать выбор: или мы с вами мирно сосуществуем, или здесь остаётся только одна из нас.

— Я даже знаю кто! — Заржала женщина и я ужаснулась: каким образом Марат продержал её столько лет?

Взяла со столика мобильный телефон, чтобы набрать Марата, а эта женщина руку мою перехватила и каким-то НКВД-шным захватом телефон этот выкрутила, швырнула на диван. Может, это его учитель по выкручиванию рук?..

Нет, не то, чтобы я испугалась, но... но, да, я испугалась. Это, по крайней мере странно, такая реакция.

— Ты что думаешь, лярва, если со своим приплодом сюда пришла, значит и удержишься надолго? Не того полёта птичка. И рот свой при мне прикрывай, если не хочешь, чтобы я его тебе прикрыла.

Я промолчала, да и что тут скажешь, слов у меня просто не было. Вышла из комнаты, но униженной и обделённой себя не чувствовала. Просто позвонила с другого аппарата, который стоял внизу. Марат ответил практически сразу, был весьма воодушевлён и весьма благосклонен.

— Слушаю. — Сказал необычайно мягко и трепетно. Я всё время думала, а разве мужчины могут так разговаривать? Оказалось, могут.

— Марат, — на секунду я усомнилась в том, что чаша весов упадёт на мою сторону, но смахнула эту мысль как наваждение, — Марат, мы с твоей домработницей не сошлись характерами. Точнее говоря, не сошлись вообще, я... я не знаю, это... это надо как-то решать.

— Не сошлись? Забавно звучит. — Хмыкнул он, чем поднял уровень моих сомнений до потолка. — Я буду через десять минут дома, во всём разберусь. Дождёшься?

— Постараюсь. — Как маленький ребёнок жалобно вздохнула я, а он улыбнулся, даже хохотнул. А потом трубку повесил.

Обернувшись, я едва на месте не подпрыгнула: ведьма с пылесосом, имени которой я не знала до сих пор, стояла и смотрела на меня как на врага народа, хотя, для неё я именно таким субъектом и являлась. Не стала дожидаться высказываний, ушла на кухню и не высовывалась оттуда, пока не услышала долгожданного: «Я дома!».

Марату я была рада как никогда, даже о своих стеснениях забыла. На клич вышла и домработница и таким спокойным, на удивление добрым голосом заговорила. Отчиталась, сказала что есть и чего нет, а Марат всё внимательно выслушивал. И только потом, когда она смолкла, головой в мою сторону качнул. Мол, говори, теперь выслушаем и тебя. Как команда собаке, честное слово, обидно до слёз, поэтому я даже в первую секунду отвернулась, а почувствовав теплое прикосновение его пальцев, осмелела.

— Марат, я не хочу, чтобы эта женщина работала в твоём доме.

Сказать «в нашем», язык не повернулся.

— Марат Игнатьевич, я только объяснила правила поведения в вашей квартире. — Оправдала себя домработница, а меня буквально затрясло от злости. Ещё не хватало, чтобы он ей поверил. Правила, ага, туда не ходи, сюда не смотри, здесь не стой, а лучше свали, чтобы глаза мои тебя не видели. И как только Света уживалась с ней столько времени?..

— Извините, что? — Зыркнул Марат, а домработница почему-то назад отступила. — Правила поведения? Вы ничего не путаете?

— Но...

— Говорю первый и последний раз: Марина хозяйка этого дома. Хозяйка! — Выделил специально громко и чётко, чтобы даже до меня дошло. — Она и только она решает, кому и что здесь делать. И сейчас мы дружно слушаем её решение, если вы, конечно же, не против.

Та головой покачала, ещё бы, против она. И посмотрели вдвоём на меня, а я растерялась.

— Ну, давай, говори. Если Татьяна Васильевна извиниться, она остаётся у нас работать?

За талию меня к себе подтянул, подбадривая, но я не из тех, кто терпит такое отношение. И как бы она мне не улыбалась, продолжит ненавидеть и дальше, хотя бы потому, что я теперь здесь главная. Как оказалось...

— Нет, я не хочу, чтобы эта женщина работала здесь. — Повторила своё прежнее высказывание и с каменным лицом глянула на неё. Не узнать. Честно, губы трясутся, глазки слезятся и если бы я лично не видела, как она сплёвывает на пол, демонстрируя своё ко мне отношение, тоже не поверила бы.

— Марина Максимовна, Марат Игнатьевич, я столько лет верой и правдой, да я...

— Видимо, за столько лет, забыли, кто хозяин в этом доме. Вы можете быть свободны, расчёт за последний месяц получите на карточку. Более не задерживаем.

Сказал всё это таким тоном, что у женщины, даже мысли не возникло просить и дальше. Вот я так не умею, да, стараюсь держаться, но вот так, чтобы стать в голосе звенела, это не моё. Я, всё же, учитель, а не бизнесмен, мне можно и слабину дать.

Она не швырнула тряпку, не выключила ногой пылесос, а тихонечко собрала немногочисленный инвентарь, спрятала всё это в специально выделенную комнату, и так же тихо вышла. Я чувствовала себя неловко. Дурацкое чувство постоянной вины. Ещё бы извинилась перед ней! Только об этом забыла, когда взгляд Марата уловила.

— Где Андрей? — Тихо спросил он, улыбаясь. И улыбка эта его, как бы сказать, как дьявольская, только опасности не чувствуется.

— После бассейна у него борьба, потом репетитор по английскому, освободиться часам у восьми. Я уже предупредила Диму, чтобы его забрал.

— Дима в курсе. Просто ты об этом не знаешь. Как дела?

Марат присел на диван, меня к себе подтянул. Провёл рукой по моему боку, задержался на животе, прислушиваясь, рука опустилась по бедру на колено, так там и осталась, а я как под гипнозом наблюдала за этим передвижением. Тоже застыла.

— Чего-то испугалась? Кажется, с утра ты была более раскрепощённой? — Поддел Марат, играя моими пальцами, подтянул их к губам, поцеловал, на мгновение глаза прикрыл, улыбаясь своим мыслям, о которых мне мало что известно, а потом открыл их и, как и не было того романтического настроения. — Что, говоришь, на ужин?

Я ресницами похлопала, пытаюсь перестроиться, а он над этим рассмеялся.

— Идём, — мягко потянул за собой, поднимаясь, — Ты же мне запретила по ресторанам шататься, вот я и остался голодный.

Перехватил пальцы из одной руки в другую, лицом ко мне поворачиваясь, спиной вперёд шёл в сторону кухни. Усадил меня за стол, пока я в блаженной растерянности, погремел кастрюлями и сковородами, что-то куда-то переложил, что-то вставил в микроволновку, нажал на кнопку кофеварки, расставил тарелки и разложил приборы.

— Что не поделили, если не секрет? — Спросил невзначай, а на меня все бывшие чувства нахлынули. И как он так умеет? Сначала усыпит бдительность, а потом возвращает к теме.

Но теперь я готова сказать чётко и по делу.

— Территорию. — Буркнула. — А часто у тебя бывали здесь женщины?

Он усмехнулся и посмотрел, разливая кофе.

— Это она тебе сказала?

— Да. — Едва не облизнулась я, от понимания того, что сейчас для меня приоткроют занавес в святая святых, личную жизнь. На локти опираясь, наклонилась чуть вперёд, а Марат так же наклонился ко мне, выдерживая паузу.

— Брала на понт. — Шепнул он и громко рассмеялся моей растерянности.

— Да ну тебя!

— Нет, а что ты хотела, — продолжал, смеясь, — я не вожу в свой дом кого попало. На то он и дом.

— Как ты вообще с этой интриганкой уживался? Сколько лет она у тебя работает?

— Да уже давно. Ещё у меня на старой квартире была. А насчёт уживался... да никак! Результат её работы меня устраивал, готовит она неплохо, все обязанности выполняет чётко и в срок. Претензий я не имел никогда. При этом мы практически не пересекались. Честно говоря, я живу на работе.

Я улыбнулась подобной откровенности, мне нравилось слушать, как он о себе рассказывает. Захотелось услышать ещё что-нибудь такое, личное. То, о чём я не знаю. Хотя я практически ничего не знаю. Глянула на небрежно закатанные рукава белоснежной рубашки, перед глазами мелькнула татуировка.

— А где ты это сделал?

— Что?

Я кивнула, указывая на рисунок, а он сам на него посмотрел, губы надул, раздумывая.

— В армии. Там все делали. Только я не хотел банальщины, да и простую дату срока службы тоже. А это, смотри, — перевернул её так, если бы такая татуировка была на моём запястье и картинка сразу же изменилась, превращаясь из чего-то абстрактного, в конкретное, имеющее чёткие очертания. Голова змеи, готовой к броску, немного жутко и я тут же поёжилась.

— Не знаю, я бы делала что-нибудь красивое.

— А мне кажется, что лучше со смыслом. — Пожал он плечами.

— Да? И что это означает?

— Конкретно этот рисунок имеет своё особенное значение, змея в целом — мудрость.

— А почему на запястье? Наверно это пугает некоторых твоих партнёров, нет?

— Всякое бывает. — Положил на мою тарелку разогретое мясо, налил сок в стакан. — Ешь. А на запястье, чтобы не забывать, что прежде, чем что-то сделать, нужно подумать. Это и есть мудрость.

— И ты всегда следуешь этому принципу?

— Сперва думать, а потом делать? — Хитро прищурился Марат, а я довольно кивнула. — Стараюсь. Только не всегда желания совпадают с нашей действительностью.

— А что ты хочешь сейчас?

— Сейчас в смысле сейчас? Или сейчас в смысле в ближайшем будущем?

— В ближайшем будущем.

— В делах, особо ничего. Я двигаюсь согласно давно намеченной стратегии, стараюсь от неё не отступать. Семью хочу, тебя рядом. Как думаешь, возможно такое?

— Возможно. А почему я?

— А кто? — Удивился он, губы салфеткой обтёр и посмотрел серьёзно, взглядом заставляя смотреть в ответ.

— Тоже намеченный заранее план?

— Нет, это как раз тот вариант, когда мои желания и мои возможности совпали. Я никогда не скрывал, что ты мне нравишься. А я тебе?

Так неожиданно задал этот вопрос, что я задохнулась потоком воздуха и вдруг закашлялась. Получив законные, положенные три постукивания по спине, отдышалась.

— Временами мне даже кажется, что ты от меня без ума. — С неприкрытой иронией констатировал Марат, губы поджал и, судя по отставленной в сторону, но практически нетронутой порции, аппетит у него отшибло напрочь. — Пойду, поработаю. Если ты не против.

— Против! — Выпрямилась я и нахмурилась. — Мне кажется, или ты обещал мне сегодня немного другое окончание вечера?

— Так он ещё не окончен. — Многозначительно потянул Марат и больше не задерживался. В дверях добавил: — Спасибо, всё было очень вкусно.

Он как в ледяную кадуюшку меня головой окунул своим отказом. На что рассчитывал, что хотел этим сказать? Понимаю, наверно я просто испортила ему настроение, но ведь не специально!

И пока решала, как всё это объяснить, Марат успел и душ принять, и переодеться, и даже приступить, как и планировал, к работе. Только меня такой вариант как-то не устраивал. И я поняла, что значит инстинкт охотника. Добиваться это тебе не выражать своё согласие. И он мне нужен. Сейчас. И нет места стеснению, есть только желание получить обещанное. Не растрачивая себя на мытьё посуды, я тоже приняла душ и тоже переоделась. Не стала выбирать ни костюм розового зайчика, хотя и такой у меня хранился для «особых» случаев, таких, когда никто не видит. Отказалась и от элегантного платья. Согласитесь, в вечернем платье я буду выглядеть как минимум глупо, поэтому предпочла домашний вариант: negligee из лёгкой ткани и халат на плечи, чуть плотнее, так, чтобы мой Юрченко не умер от разрыва сердца как только войду. С полными решимости глазами, босыми ногами, потому как носки отнюдь не возбуждали, я и вошла в кабинет, в который не входила ещё ни разу в жизни. Марат что-то усердно печатал, даже не отвлекаясь на меня.

— Мариш, я сейчас занят, давай...

Когда я без разговоров села на его колени, преграждая обзор компьютера, Марат смолк, поиграл скулами. Только я не поверила, что раздражаю его своим присутствием, скорее, уж кто-то у нас очень злопамятный. И вся внешняя жёсткость приглушалась мягкостью трикотажных брюк непривычного кремового цвета, светлой рубашки-поло. И сколько бы он не хмурился, на меня это не влияло.

— Я работаю. — Терпеливо пояснил он.

— А как же твоё обещание?

— Которое?

— Действительно, — хмыкнула я недовольно, — наобещал столько, что всего и не упомнишь. А я всего лишь о твоих словах.

Стараясь не заострять внимание на беседе, уже поглаживала его плечи и грудь плавными успокаивающими движениями, едва ощутимо касалась оголённой кожи шеи, теребила кончики волос на затылке. Внимательно наблюдала за реакцией, а он смотрел с недоверием, возбуждался. Тут проблем не было, только сопротивлялся эмоционально.

— Марина, — схватил меня за руки, останавливая, — не нужно делать того, чего делать не хочешь. — Проскрипел зубами и отвернулся.

А я не понимаю, почему он меня в чём-то подозревает. Словно всё вернулось на месяц назад, где за любое проявление чувств, реальных чувств, он меня же и наказывал, словно быть в немилости ему проще, чем знать, что его любят. Вместо слов, приблизилась к шее, цепляясь взглядом за венку, которая пульсирует, подтверждая и без того очевидное напряжение. Провела по ней языком, сначала просто подразнить хотела, а потом... не знаю, это действие меня возбудило, заставило прижаться к нему бёдрами сильнее, а Марат только больше напрягся. Ничего, зато простор для изучения его тела увеличился, а прикоснуться к себе сейчас он мне не запретит, я всё-таки его беременная невеста, как-никак. Втянула запах, смесь аромата лосьона после бритья и кожи, его запах. Глаза прикрыла, чувствуя, как сокращаются мышцы внизу живота. Провела носом по шее, задевая мочку уха, тут же её прикусила. Бёдра Марата чуть дёрнулись вверх. Скорее, желая сбросить меня, чем предложение чего-то большего, его пальцы на моих запястьях сжались. Зубы я разжала, но желание усиливалось и во мне просыпался завоеватель. Коснулась губами его шеи сразу под нижней челюстью, поводила языком из стороны в сторону, дразня, спустилась чуть ниже, к впадинке между ключицами, дотронулась языком там, почувствовала прилив влаги, когда его кадык дёрнулся.

— Не нравлюсь? — Спросила тихо, но он расслышал, медленно повернулся ко мне, глаза нашёл. — Я хочу тебя. — Заявила тут же и о возбуждённый пах потёрлась.

— Рано пока, малыш, ты же знаешь...

— Рано что? — Повернула я голову набок, наблюдая, как на него действует мой вопрос.

Руку вниз опустила, чуть сжала выпирающий из-под мягких брюк член, погладила бёдра, задевая пах, ягодицы. Железная выдержка.

— Давай подождём пока выделения прекратятся.

— Давай. — Выдохнула, а сама уже майку его вверх потянула, помогая обнажиться. Он подчинился, но по-прежнему сомневался, сомнение это читалось и в глазах и в немного заторможенных движениях.

Марат поцеловал меня, нежно, скорее, нетерпеливо, точно с самим собой боролся, воздух сквозь зубы втянул.

— Нельзя, слышишь? Нельзя. — Прошипел на выдохе, лбом к моему лбу прижался, больно за затылок удерживая.

— В полицейском отчёте будет сказано, что она его изнасиловала из-за недостатка любви.

— Что? О чём ты говоришь?.. Я хочу тебя.

— Тогда нам больше нечего обсуждать. — Громким шёпотом заявила я, выдыхая ему в губы, тоже теперь его голову удерживала и хотела, чтобы он подчинился, чтобы признал мою власть над собой, хотя бы так, в плане отношений.

Сама поднялась и его за руку потащила из кабинета наверх, в спальню, меня немного подколачивало от предвкушения, Марат плёлся сзади и о его ощущениях сказать не могу ничего конкретного. Только когда на кровать толкнула, констатировала, что возбуждение не спало. Резинку брюк приспустила, обнажилась головка... М-м-м, он без белья и у меня снесло голову. Склонилась над ним, в губы влажно поцеловала, чуть прикусывая нижнюю, касаясь губами раскалённой кожи, опустилась ниже, мазнула языком по впадине пупка, задрожала сильнее, хотелось всего, но взгляд, то и дело, опускался туда, где

сконцентрировано его напряжение. Марат это заметил, а я не сдержалась.

— Ты же не соб...

Слова застряли в горле и превратились в удовлетворённое шипение, когда я вобрала головку в рот, провела языком по уздечке. Тяжёлая ладонь тут же опустилась на мой затылок и за волосы потянула назад. Один мой взгляд в его расширенные зрачки и пальцы разжались, а изо рта полились горловые стоны. И я получала удовольствие от того, что сейчас делаю, упивалась его реакцией, его сбитым от возбуждения дыханием. Как глоток воздуха был его потерянный взгляд, когда мой язык исчезал с горячей плоти. Я играла, я забавлялась, я лизала и покусывала бархатную кожу, только Марат вскоре взвыл. О, да, кто-то любит вести? Ловко отстранив меня от желанного, уложил на спину, теперь сам навис надо мной.

— Я хочу так. — Прохрипел.

Я слюной готова была подавиться, от осознания того, что он хочет. Не просто оральный секс, от трахнет меня в рот. Сейчас. Грубо. А у меня вместо того, чтобы испугаться, бёдра ходуном ходят, и ягодицы сжимаются. Что угодно, только бы унять эту боль внутри, боль, которую рождает желание. Марат стоял на коленях, полностью голый, на загорелой коже проступали капельки пота, а я присела, чтобы быть чуть выше. Прочитав согласие в глазах он сделал первый пробный толчок в мой рот, так ему однозначно нравилось больше, он тут же прошипел от ощущения своей власти. Следующий раз толкнулся сильнее, глубже, я знала, что сдерживает себя, но даже его контроль не спасал меня. Слишком глубоко, я задыхалась, но не понимала, чего хочу больше, чтобы он прекратил или чтобы продолжил. Вскоре его движения ускорились и я не могла сказать точно когда он вошёл, а когда вышел, удерживал меня за голову, чуть сдавливая шею, иногда проталкивая до самой глотки, но мне было хорошо. Потому что с ним. Потому что так, как он хочет. Я вцепилась в его ягодицы, впиваясь в них ногтями, раздирала, понимая, что делаю больно. Через минуту он отстранился и глухо застонал, кончая. Не в меня. Это важно.

Пытаясь отдышаться, гладил мои волосы, всматривался, пытаюсь понять, понравилось ли мне.

— Всё хорошо? — Спросил, потому что я глаза закрыла и легла на кровать.

— Хорошо. Когда с тобой.

— Устала? — Невесомый поцелуй в губы, я вяло отвечаю. Всё онемело.

— Почему ты мне не доверяешь?

— Доверяю...

— Мне нужен ты.

— Я с тобой.

— Не уйдёшь?

— Ты устала... — Ласково улыбнулся Марат и погладил меня по щеке.

Гладил, пока я не провалилась в сон, не помню, что снилось, только было легко и хорошо. А когда проснулась, настал новый день. И новая жизнь.

Мы узнавали друг друга, мы старались угодить, мы смеялись и целовались как школьники. Марат взял несколько дней выходных, чтобы побыть со мной. Прогулки по парку, мороженное и кино на последнем ряду, всего четыре дня. Четыре дня и сказка закончилась.

Глава 16

Я проснулась как от толчка в спину, огляделась по сторонам и поняла, что это всего лишь сон. Страшный. Я летела в пропасть. Липкий холодный пот покрывал лоб, в горле пересохло. Марат спал рядом и видимый страх отступил, но внутренняя неугомонная паника осталась. Я спустилась вниз, набрала стакан воды, решила взять его с собой наверх, проверила Андрея, поправила ему одеяло, как делала в детстве, а как раз когда поднималась наверх, почувствовала внезапную тяжесть. Живот неприятно потянуло, а между ног что-то хлынуло. Первая нелепая мысль была о том, что это могли отойти воды, только у меня и срок не тот, да и... испугалась, голова отказывалась соображать. Пока добралась до ванной и включила свет, кровь густым ручейком спустилась до лодыжки, часть просто капала на пол. Не знаю, как сознание не потеряла, видимо, инстинкт самосохранения сработал, до Марата дошла и толкнула его в плечо.

— Что? — Подхватился он, но так как я и слова вымолвить не могла, так меня колотило, только стук зубов и был слышен, он посмотрел на свет в ванной и на кровавые пятна на полу в этом свете.

Меня уложил, и сразу набрал номер на телефоне. Я не слышала, что говорил и кому, в ушах шумело, так, как бывает, когда прикладываешь морскую раковину, чтобы, якобы, вспомнить шум моря. В следующий раз он подошёл ко мне когда был уже полностью одет, влажными салфетками протёр ноги и успевшую загустеть на них кровь, укутал в одеяло и на руках понёс на улицу. Сам был за рулём, Диму ждать не стал. Приехали мы в тот же медицинский центр, где когда-то проходили обследование. Нас уже ждали. Марат меня даже на каталку не положил, так и понёс на руках, а я... мне казалось, что я молилась. Не знаю молитв, мама не приучила, а мне всё время некогда было в церковь сходить, поэтому сейчас просто просила помощи.

— Обширная отслойка плодного яйца.

— Она и была, понятно, сейчас что делать?! — Тряс он молодого врача, который проводил ультразвуковое исследование. Меня за руку держал, чтобы не паниковала. Но я уже не паниковала. Я уже знала, что это всё.

— Вы меня не поняли, Марат Игнатьевич, — чётко и, по возможности, спокойно ответил врач. — Это не то, что было. Это новое нарушение, только теперь там уже нечего сохранять. Марина Максимовна, я пришлю к вам анестезиолога, так же нужно будет подписать согласие на проведение операции.

— Какое согласие, какой операции?! Ты чего-то не понял?! Или ты спасёшь ребёнка, или рядом ляжешь!

Я думала, Марат действительно его убьёт, но было так пусто, что практически всё равно. Не узнавая свой голос, прошептала: — Я всё подпишу.

Марат присел на край кушетки, нервно улыбнулся, погладил мою ладонь, разглядывая тонкие пальцы.

— Всё хорошо, слышишь? Всё хорошо будет. Не спеши, родная, сейчас профессор приедет. Помнишь, он тебя консультировал? Он бог, он всё сделает, Мариш...

— Не нужно. Не выйдет ничего.

— Тебе больно? — Не слыша меня, суетился он. — Потерпи, родная, — целовал холодные пальцы, — потерпи, сейчас всё хорошо будет. Не волнуйся, только не волнуйся.

Даже улыбнуться удалось, в обмен на эту трогательную заботу.

В три часа ночи меня привезли в палату.

Я не спала. Не получалось спать. Ко мне никого не пускали и только тихие голоса откуда-то издалека коридора оповещали о реальности происходящего. В пять часов пришёл Марат. Уставший, бледный, он ничего не сказал, опустился на кровать рядом со мной, погладил колени, прилёг сзади, прижимаясь носом к волосам, обнял за живот и словно мою боль забирал себе. Так я уснула.

— Марина Максимовна, на укольчик.

Разбудила меня улыбчивая медсестра со шприцем в руках, что-то говорила, пыталась шутить, но ответа не требовала. После неё был врач, он, в основном, расспрашивал, отвечать не хотелось, но я хотя бы попыталась. Потом несколько часов в вакууме. Кто-то принёс пакеты с продуктами и со словами: «Вам передали», растусовал их по палатному холодильнику. Даже телевизор включили на канале о животных. Странное состояние: и не спишь, и не живёшь, в общепринятом смысле этого слова, находишься в каком-то подвешенном состоянии. Марат пришёл около десяти часов вечера, когда я уже и не надеялась его увидеть, хотя мне и сказать-то ему нечего.

— Привет. — Он улыбнулся и попытался мой взгляд поймать, только я этого не хотела, уткнулась носом в подушку, но Марат не ушёл, как мне бы сейчас хотелось, подсел ближе.

— Ты как?

— Отлично. — Ответила без эмоций. Действительно, глупый вопрос.

— Ела что-нибудь? Бледная совсем.

Дотронулся до ледяной руки и обхватил её сильнее, согревая.

— Не хочу.

— А я хочу, чтобы ты поела. Ну? Малыш...

Он немного потормошил меня, но неудачно.

— Это ты продукты передал?

— Да. Не смог зайти, да и не пускали меня. Врач приходил?

— Утром ещё.

— Понятно. Что сказал?

Я тяжело вздохнула. Игра слов, не более того. Мне не хочется его участия, я чувствую себя ущербной. И не сентиментальная вроде, и не наивная, а всё, что касается детей, воспринимаю слишком остро и болезненно.

— Сказал, что матка сокращается хорошо. Стустков нет. Завтра можно на выписку. Ты заberi, то, что принёс, я всё равно ничего не хочу.

— Никакой выписки, Мариш. До пятницы ещё полежишь.

— Сегодня пятница.

— Я знаю. И не унывай, я прошу тебя. Завтра мы с Андреем вместе к тебе придём хочешь?

— Я домой хочу.

— Марина... Лучше пока, чтобы нас врач понаблюдал, согласись. Думаю, можно пригласить психолога.

— Мне не нужен психолог, я переживу. Ты как?

— Что? — Он не ожидал такого вопроса.

— Перенервничал вчера из-за меня. Прости.

Я не выдержала и расплакалась. Мне было больно, и боль эту не унять анальгетиком. Я держалась за Марата, цеплялась за него изо всех сил, только бы не отпускал. Мне укололи успокоительное, но я всё равно не могла уснуть и только когда он согласился остаться ненадолго, как вчера, успокоилась, чувствуя тепло его тела, прижимаясь к нему, ощущая защиту и надёжность.

— Ты не уйдёшь от меня? — Услышала сквозь сон, да, наверно мне это приснилось, но я сказала, что не уйду, я обещала остаться. Не хочу, чтобы его не было рядом. Впервые в жизни, поняла, что могу быть не одна.

Проснувшись от движения рядом, не сразу поняла, кто это, только когда родную улыбку увидела, успокоилась.

— Прости, разбудил. — Виновато признался Марат, коснулся губ, секунду задержался, ловя дыхание.

— Уходишь?

— Да. Не могу остаться, важные переговоры.

— Конечно.

— Ты не расстраивайся. — Придержал меня за подбородок, заметив кислую мину. Ещё раз поцеловал, теперь чуть дольше, с выражением, с чувством, с расстановкой, как говорит Света. — У нас всё ещё будет. Да?

Я плечами пожала неопределённо. Почему-то казалось, что меня по-хитрому спихнут или, что ещё хуже, без ребёнка я ему не нужна и наши отношения вернуться в прежнее русло. Мысли скрывать я не умею. Всё на лице написано и поэтому Марат хмуриться.

— У нас ведь всё как прежде?

— Да.

Только в голосе уверенности ноль и он хмурится сильнее. За обе руки меня взял, к себе прижимает, заставляя себя обнять.

— Не знаю, что ты там себе напридумывала, но я тебя никуда не отпускаю. Уже нанял новую домработницу и предупредил, что у меня очень строгая жена. Она ждёт тебя с нетерпением, чтобы угостить пирогами. Любишь пироги?

— Люблю.

— А я люблю тебя. Всё, убегаяю.

— Ты заберёшь меня сегодня?

Вижу, что он задумался и держу кулачки за то, чтобы согласился.

— Я поговорю с врачом, что можно сделать. Но с уговором: ты больше не плачешь.

Он ушёл, оставив после себя приятное послевкусие. Мужчина. Сильный, серьёзный, взрослый. Бесспорно красив, уверен в себе. Мечта любой женщины и моя, в частности. Только он мне всё ещё не верит. И как это исправить я не знаю.

Вечером уже была дома. Уколы заменили на сильный антибиотик, врачебная консультация в понедельник и я свободна как птица в полёте. Уже на пороге нас с Маратом встретила женщина средних лет, поставила перед собой Андрея, а тот просто светился от счастья.

— Мамочка! — Бросился мне на шею, только Марат посмотрел строго и бурные объятия переросли в спокойный поцелуй в щёку. — А мы тебе с тётей Таней булочку пекли.

— Да, он у вас молодец, так старался. — Подтвердила женщина и я улыбнулась.

— Марина. — Протянула ей руку.

— Татьяна Ивановна, можно тётя Таня. Я у вас в комнате прибрала, постелила. Вы сейчас отдыхать будете?

— Да нет... наверно не буду. Спасибо.

— Тогда давайте за стол, я такого борщца вам наготовила. Пальчики оближешь! — Рассмеялась от неловкости она и ушла на кухню.

— Она хорошая. — Протестовал против моего смутно различимого взгляда Марат.

— Я не сомневаюсь. Так поняла, она ещё и за няньку?

— Андрею нравится. — Возразил.

— Мам, тётя Таня хорошая. Можно она у нас останется?

— Эй, ребята, — я помахала рукой перед их лицами, — кажется, вы и сами поверили в рассказ о том, что я строгая и вредная, и окончательно остервенела.

— Нет, ты хорошая, просто мы хотим, чтобы тётя Таня осталась.

— Да я не против. Чего вы завелись? Пусть остаётся. Сделали из меня монстра, можно подумать... — Продолжала я бубнить, пока по лестнице поднималась наверх, чтобы смыть с себя больничный запах.

Ужин, улыбки, смех, я улыбаюсь, потому что так нужно, я отвечаю на вопросы, потому что так хотят, но я пока не живу. Мне нужно время, чтобы привыкнуть. Марат это чувствует и старается оградить от чего-то заочно волнующего.

— Андрюша очень на папу похож. — Проронила за столом Татьяна Ивановна и все смолкли.

— Да, я на папу похож! — Гордо повторил он, а Марат улыбнулся.

— Ешь! Папин сын.

Я вежливо промолчала. Чтобы отвлечься, потом помогла убирать со стола, Татьяна Ивановна, и правда, была очень милой женщиной, судя по всему, старалась мне понравиться.

— А вы кольцо обручальное не носите. — Сказала как бы невзначай, но меня покорило.

— Мы не женаты.

— А Марат Игнатьевич сказал...

— Марат Игнатьевич обрисовал мою роль в этом доме. Не более того.

— Все мы играем какие-то роли. Но он любит вас. Вы не первые у меня, но чтобы мужчина так переживал, я не видела.

— В смысле?

— Я два дня здесь, так он всё с Андрюшей, с Андрюшей, даже школу пропустить разрешил, только бы занять себя чем-то. А вы приехали и он, наконец, улыбнулся. Если честно, я уж, было, подумала, что нет никакой жены, так он переживал. А вы вот какая.

— Какая?

— Особенная. Вы сдерживаете его.

— Вы его плохо знаете.

— Но я хорошо чувствую. Всё у вас получится, уж поверьте. И детки ещё будут, и радовать вас будут.

— Спасибо. — Получился всхлип. Слезы полились, как только про детей услышала. Не могу, не могу!

Спала ночью плохо, к Марату жалась, в итоге очнулись на его половине кровати. Не особо удивилась, увидев в зеркале не себя: глаза красные, лицо опухшее, нос картошкой. И душ ледяной не помог взбодриться. Не успела халат на голую грудь накинуть, как в дверь

позвонили.

— Я открою. — Послышалось снизу. Да я, в общем-то, и не торопилась.

Андрей что-то радостно повизгивал, видимо, в настольный хоккей играли, я видела это новшество как раз вчера перед ужином, да и сын гордо заявил, как разгромил «папочку». А когда внизу слышались незнакомые голоса, спустилась.

— О, да вы живёте вместе? Поздравляю! Значит, мы вовремя! — Скомандовала Люда, улыбнулась, только улыбка её помрачнела, когда я подошла ближе. Да, знаю, мой внешний вид оставляет желать лучшего, но в такой ситуации, как на зло, покраснеть не получилось, а жаль, румянец был бы как раз кстати.

Когда в комнату вошёл её муж Гриша, я поняла, что выгляжу гораздо хуже, чем думала изначально, потому что он спросил:

— Марат, мы не помешали?

От мужской солидарности, меня на смех пробило. На такой... истеричный смех. Вот люди пошли: «не помешал ли я тебе, мой дорогой друг, свою любовницу воспитывать?!»

— Проходите, — сквозь смех выговорила я, — не помешали. Мы только встали.

Следом за Гришей появился мальчик лет семи, белобрысый такой, пушистик.

— Андрюш, к нам гости, тебе компания тоже есть. — Кликнула я сына и настал момент удивляться гостям ещё разок, только на этот раз они уже были готовы скрыть свои эмоции.

Пока дети занимались в игровой комнате, которая когда-то (до похода Марата в «Детский мир»), была гостевой, мы с Людой накрывали на стол. В воздухе витало напряжение, даже больше двух слов вместе связать не получалось.

— Как у вас дела? — Издалека начала она, нарезая овощи.

— Отлично. — Вяло отозвалась я. Погружаться в подробности, вспоминать, самой не хотелось, а больше и добавить нечего.

— Как Марат? Не обижает?

— Нет. Всё хорошо, спасибо.

Я понимала, что мой внешний вид просто кричит об обратном, поэтому неловко улыбалась на её недоверчивый взгляд.

— Ты ведь помнишь о том, что я тебе говорила? — Уточнила она и я выдохнула, пытаюсь успокоиться. Мне сейчас не хотелось ничего: ни помощи, ни поддержки, ни защиты.

— Да, Люд, спасибо, я всё помню. У нас действительно всё хорошо.

— Да... — Вроде и согласилась она, но без особого энтузиазма. — Ты извини, что я пристаю, просто... ты... так выглядишь.

— Я знаю. Только сейчас у меня не самый лучший момент в жизни.

— Я помню, но...

На кухню вошёл Марат, я вздрогнула от его голоса, а вот Люда, внимательно следившая за моей реакцией, трактовала её по-своему, но в этот раз промолчала.

— Всё хорошо? — Приклеился он ко мне сзади, потёрся носом о шею.

— Да, сейчас всё будет готово. — Я попыталась освободиться от объятий, мне не очень комфортно показывать всё это на людях, но Марат удержал.

— Люд, вино купили? — Спросил, показываясь из-за моего плеча.

— Купили. — Нахмурилась она.

— Давай открою.

С бутылкой и штопором Марат вернулся в гостиную.

— Ты очень изменилась с момента нашей первой встречи.

— Так получилось.

— Он тебя избивает?

Люда уже отставила в сторону свою нарезку, а я с копчёной колбасой как раз закончила, поджала губы, чтобы не высказаться, в сторону отвернулась, посмотрела в окно.

— Люд, я же сказала, что всё в порядке. Я пришла сюда сама, по собственной воле. Мы живём вместе, мой сын, опять же... Что ещё ты хочешь услышать?

— Не знаю... ничего. Только я много раз занималась бракоразводными процессами и видела, что происходит внутри семьи, поверь, далеко не каждая решается признаться, рассказать о насилии, не важно по каким причинам, у каждого они свои. Я видела, что у вас не всё в порядке было, когда вы пришли к нам в первый раз. И Гриша сто раз может повторить, что я фантазёрша, но моего мнения это не изменит. Он тебя шантажирует ребёнком?

— Люда, прекрати. — Сквозь зубы процедила я.

— Я просто хочу помочь.

— У меня всё хорошо!

— Я вижу.

Я потянулась за дополнительными порционными тарелками и широкие рукава соскользнули, обнажая мои исколотые локтевые сгибы. Я задохнулась, понимая, что Люда всё это видит и глаза её округляются, замерла, голову в плечи вжала, а когда повернулась, чтобы объяснить. Она вставила руку вперёд.

— Молчи. Ничего не говори больше. Я сама всё скажу.

Выглянула из кухни, пока я губу прикусила, чтобы не расплакаться, видимо, жестом Марата подозвала, потому что её голоса я не слышала, а Марат подошёл с явно читаемым на лице вопросом, следом за ним и Гриша вошёл. Чёрт, только массовой терапии мне тут не хватало! Марат улыбнулся мне и подмигнул, а потом понял, что что-то не так, на Люду взгляд перевёл.

— Что ты с ней сделал?

— Люда, прекрати! — На тон ниже, чем говорит обычно, пробормотал Гриша и даже попытался оттащить жену в сторону, удерживая за локоть, только не вышло, та сбросила его руку, как назойливую муху.

— Что прекрати, Гриш, что? Только не говори, что ты не видишь! За месяц, а может и меньше, из красивой цветущей женщины Марина превратилась в бледную, худую, и забитую. Что ты с ней сделал, я тебя спрашиваю? — Снова обратилась она к Марату, тот на меня смотрел.

— И не нужно сейчас говорить, что у неё проблемы в жизни. Ты, при желании, можешь решить любую проблему, а если захочешь — можешь её создать.

— Люда, всё не так.

— Не так? Марина, ты его оправдываешь?

— Люда, это не наше дело. В конце концов, её здесь никто не удерживает насильно. Посмотри... — Гриша махнул рукой в мою сторону.

— Не делай вид, что ты не понимаешь! Неделию назад я со своим однокурсником встретила, сказала, что Марат свою любовь нашёл. Знаешь, что он ответил мне на это, знаешь? — Обращалась она к своему мужу, смотрела при этом на меня (с жалостью) и на Марата (со злостью и обвинением). — Наверно, такая случайность, как повешенный на неё несколько месяцев назад кредит с кругленькой суммой подтолкнул к такому решению.

— Что это за однокурсник такой?

— Не в этом суть. Дело в том, что когда он переговорил с Маратом об этом случае, твой дружок пообещал разобраться, а ещё через некоторое время, Марина вот так вдруг становится его любовницей.

Я уже не могла сдерживать слёзы, не рыдала, а просто безвольно плакала, глядя на Марата, а он... он выслушивал всё это глядя мне в глаза. Люда разоблачала тайный замысел, а Гриша не знал, что делать, хоть ты сквозь землю провалишься, но только бы не выслушивать всё это.

— Всё сказала?

— Не всё! — Гаркнула на Марата в ответ. — Ты думаешь, своими побрякушками смог синяки на её руках скрыть? Думаешь, самый умный, а все вокруг слепые? Или как у неё руки дрожали, что она даже бокал в руках держать не могла?

— Люда, не нужно, пожалуйста. — Попросила я, а она ко мне подошла и приобняла.

— Марина, не плач, я смогу тебя защитить, правда. Он к тебе на километр не приблизиться.

— Я не хочу. Хватит!

— Меньше всего ты похожа на мазохисту, подруга. — Выдала она, задирая рукава моего халата. Плохо было даже не от её слов, не от того, что наши отношения оказались на всеобщем обозрении, а просто оттого, что на меня навалилось. От того, что я пережила, от тех мыслей, что Марату я нужна для чего-то, а не просто так.

— Гриша, а ты знал, что Марина и есть та девушка, которая отказала нашему распрекрасному Маратику? Что именно к ней он в другой город мотался?

Дыхание задержали все, а Гриша тем более. Он перевёл на Марата взгляд и словно спрашивал им: «Да? Это правда?». Уж, не знаю, что означали эти взгляды, но, видимо, что-то, да значили, потому что Марат заметно напрягся и беззвучно выругался.

— Ну всё, хватит.

— Не хватит! — Отступилась на шаг Люда, избегая прикосновений. — Марина, а ты знала, что вся эта подстава с твоим кредитом, дело его рук?

— Не получается... Кредиту было полгода к тому моменту как...

Пыталась я высказать свою версию, к которой возвращалась каждый раз, если сама наталкивалась на такие подозрения.

— Именно, Марина, именно. — Устало потёрла взмокший лоб Люда и горько усмехнулась. — Не забывай, что я очень хороший адвокат и всё выяснила. Он выжидал того момента, когда сумма по кредиту станет неподъёмной, чтобы тебе просто некуда было деться.

— Нет... — Прошептала я, на Марата посмотрела, ища поддержки и застыла, глядя как он смотрит на меня, взглядом предлагая не спешить с выводами, дать ему возможность оправдаться. — Ведь нет, Марат?

— Я тебе всё объясню. — Одними губами проговорил он только для меня.

— Это и я могу сделать за тебя. — Злорадно оскалилась Люда, а я уже понять не могла, она «за» меня играет, или «против». — Марина, он просто отомстить хотел, за то, что ты его бросила. И всё было спланировано от начала и до конца. И искал, как ударить побольнее, судя по тому, что я вижу, своего он добился.

— Мне всё равно. — Выдохнула я.

— Марин, я помогу тебе. Теперь он не посмеет, слышишь?

— Не нужно меня трогать. — Отмахнулась я от её рук. Уходите. Не думаю, что сейчас получится весёлый дружеский завтрак.

— Ты пойдёшь с нами. — Уверенно заявила Люда, а я даже возражать не хотела. Ни видеть её, ни слышать не могла, просто отвернулась и показательно уши закрыла, вдыхала через нос и выдыхала через рот — всё как учили.

— Она никуда не пойдёт. Марина...

— Марат, пожалуйста, не сейчас.

Я слышала что-то отдалённо напоминающее борьбу за своей спиной, или возню, не знаю... Знаю только, что Марат ко мне так и не приблизился. Умом понимала, что всё не просто так, что не бывает случайностей, но я хотела ему верить. Просто хотела верить. И сейчас верю. Если скажет, что всё не так, даже слушать ничего не буду, соглашаясь. Живот внезапно скрутило спазмом, меня согнуло пополам и я вздохнуть не могла от боли.

— Руки убери! — Снова возня. — Марина, что?

— Мне просто очень больно. — Выдавила я из себя какие-то слова до того, как у него на руках оказалась.

Марат меня как маленькую качал, пока боль не утихла, что-то тихо приговаривая. Я не помню суть слов, но от них шло тепло, как и от него самого. Всегда.

— Марина, пойдём. Пожалуйста, — присела передо мной Люда. Не обращая на Марата никакого внимания. — Хочешь, я сына твоего соберу. Он оставит тебя в покое, обещаю. Я очень хороший юрист.

— Люда, оставь меня в покое ты.

— Марина, у меня сейчас такое чувство, что ты сама не понимаешь, что говоришь, подумай о своём сыне, что он видит?..

В ту же секунду я взвыла, думая о детях, рот руками закрывала, но вой тише не становился. Мне нужна помощь специалиста, я не могу, я сойду с ума.

— Что с ней?.. Марина?..

— Люда, просто уйди, я прошу тебя, не сейчас. — Тихо говорил Марат, прижимая меня к себе.

— Марина, что-то случилось? — До моего плеча дотронулись кончики ледяных пальцев и я машинально дёрнулась.

— Марина...

— Мы ребёнка потеряли! У Марины был выкидыш! Что ты ещё хочешь услышать, что?!

Повисла гнетущая тишина, которая только моим воем и разрывалась. Не знаю, сколько вот так в обнимку сидели, но когда я в себя пришла, уже вдвоём остались. Перед глазами светло-голубая рубашка, родной запах, большие и тёплые ладони нежно придерживают меня с обеих сторон.

Глава 17

— Где Андрей? — Спросила первое и самое главное, что на ум пришло.

— С Татьяной Ивановной на улице. В парк собирались, я Диму с ними отправил.

— Я спала?

— Совсем чуть-чуть. Ты долго плакала, а потом я сделал укол, мне медсёстры едва ли не под расписку выдали.

— Ты умеешь делать уколы?

— Если этим могу помочь тебе...

— Уколы это больно. — Всё так же, не отпуская, вжимаюсь в его тело.

— Иногда нужно сделать больно, чтобы потом было хорошо.

— А когда нам будет хорошо? Прости, но я помню только когда было больно. —

Бормочу ему в шею, не уверена, что Марат всё может разобрать, но он отвечает.

— Поговори со мной.

— О чём?

— О нас.

— А если мне нечего сказать?

— Я должен сказать многое.

Я снова открыла глаза, осмотрелась: мы были в спальне, лежали на постели, обняв друг друга. На той постели, где он много раз унижал меня насилуя, избивая. Наслаждаясь своей силой и моей беспомощностью.

— Мне просто слушать?

— Можешь дополнять, у меня всё же будет односторонняя правда.

— Я могу спросить?

— Валяй.

— То, что говорила Люда, это правда? Не про то, что отомстить, про кредит?

Марат повёл плечами, так, что я поняла, ему тесно в моих объятиях и руки отпустила. Он тут же поднялся, сел на кровати, спиной повернувшись.

— В какой-то степени правда.

— В какой-то?

— Согласись, она не может знать, что двигало мной всё это время.

— То есть в целом всё так и было? Это ты? Специально?

На эти вопросы он вздохнул и горько ухмыльнулся. В руках вертел мой халат, а потом отшвырнул его в сторону со злостью.

— Я увидел тебя случайно. В банке, я ведь им даже не руководил на тот момент, да и не планировал. На собрание акционеров приехал, и вдруг ты. Сначала не поверил, знаешь, как дурак посреди зала стал, зажмурился. Глаза открыл, а ты никуда не исчезла. Меня конечно же, не заметила, мимо прошла. Такая вся идеальная, с прямой спиной, вздёрнутым подбородком... Гордая, независимая. Честное слово, подумал, что ты или жена большого человека, или сама бизнес-вумен, так выглядела на тот момент. Отточенный шаг, равнодушная улыбка, для всех, без исключения. Меня даже взглядом не удостоила. Взбесился тогда, сам себе пообещал, что моей станешь. И не будешь ходить вот так, с гордо поднятой головой!

— Почему? — Единственный вопрос, который сам сорвался с губ.

— Да потому, Марина, потому! Всегда на меня смотрела как на пустое место, Не устраивал я тебя, не подходил по каким-то параметрам! — Злобно выкрикнул он, не глядя на меня, я так поняла: посмотрит — и не сдержится, за шею схватит, придушивая, чтобы не двигалась. — Я... я не урод, не ущербный, да и не дурак, чего уж там... а ты переступила и забыла. А я как мальчишка каждой нашей встречи ждал. Ухаживал, цветы, конфеты. Ни за кем не ухаживал, без надобности было, и так вешались, ноги сами раздвигали. А тебя увидел и понял, что иначе не смогу. Ты достойна всего лучшего и я смогу тебе это дать. В город твой припёрся, под домом пас, из подворотни выглядывал, чтобы лишний раз полюбоваться. Не знаю, чем зацепила. Внешность, да, с ума сходил, но было что-то большее. Голос, улыбка, глаза твои, когда смотришь на меня. И ведь было что-то, я не мог ошибаться, а потом раз и нет тебя. Скажи, я тебя тогда напугал? Помнишь, когда ты встречаться отказалась, а я

заставлял, напугал ведь, так?

— Наверно. — Дрожащими губами вымолвила я, потому что, как и видела минуту назад, он уже удерживал меня за тонкую шею, пальцы в захвате сжимая. Понял, что что-то не так и отпустил, сам же покрасневшую кожу погладил.

— И поэтому ты сбежала?

— Нет.

— Нет?! — Зыркнул он. — Мне мать твоя сказала... сказала, что ты уехала с кем-то.

— Она выгнала меня из дома в тот вечер. Сказала, что от меня пахнет мужчиной... тобой пахнет... и что я неблагодарная тварь. Не пустила на порог. Встретила с уже собранными чемоданами.

— Почему? Как так получилось?

— Мы целовались с тобой у подъезда, видел кто-то из соседей, сказали, что я шлюха и обслуживаю клиентов, пока матери дома нет. Она поверила.

— Бред. Нет, не может быть так просто...

— Так просто.

— То есть?

— То есть, я уехала не от тебя.

— Но ты не позвонила мне...

— У меня был сын.

— И что?

— Тебе нужен был в то время чужой ребёнок?

— Я не знаю... не в этом суть... — Попытался оправдаться он, но я перехватила эстафетную палочку обвинения.

— Как раз в этом, Марат. Тебе нужен был секс, приличная девочка, которая будет греть постель некоторое время, пока ты не встретишь другую, снова приличную, которая не брала в рот, и не отставляла свой зад, получая удовольствие.

Он нахмурился, но промолчал. Тут и подтверждать нечего, я права.

— У меня был ребёнок, а тебе была нужна только я. Я одна. Ты хотел меня. Раз уж у нас такой разговор, давай будем откровенными друг с другом.

— Хотел. — Кивнул резко. — Но неужели ты считаешь, что я за десять лет не натрахался?! Я тебя хотел, чтобы ты моей женой была. Только моей. А ты отворачивалась, когда я целовал тебя. Тебе было неприятно.

— Да я просто не умела целоваться! — Сорвалась на откровенный крик, а Марат посмотрел на меня неверящими глазами.

— У тебя был сын.

— А разве дети появляются от поцелуев? — Ухмыльнулась я, он уловил, что что-то здесь не то, но пытаться меня в этом направлении не стал, а сама я не горела желанием душу излить.

— Мы бы что-нибудь придумали...

— Марат, да тебя даже сейчас мысль о моём ребёнке пугала. Сейчас, когда ты взрослый самостоятельный мужик. Тогда ты жить хотел, получать удовольствие, а не объяснять, почему небо голубое. Просто признай это.

— Не знаю, в любом случае, сейчас этого не изменить. Тогда мне казалось, что ты считаешь меня недостойным, бережёшь себя, — ухмыльнулся, — далеко не для большой любви. А ищешь выгоду, там, где теплее. Сейчас уже понимаю, что ошибался, но тогда, когда

увидел тебя снова... Всё вернулось. И мысли мои о тебе, и здоровая злость, а самое главное — ревность. Я ревновал тебя к мужчине, который рядом, который прикасается, который смотрит на тебя. Указал на тебя начальнику службы безопасности банка и уже к вечеру досье лежало на столе. Твоя фотография. Чёрт, да я только что не дрочил на твою фотку за те полгода, что выжидал. Да, Люда права оказалась, я не хотел, чтобы у тебя был выход. К тому моменту уже узнал, что нет никого, что с ребёнком живёшь. Одна. Даже любовника постоянного отшила. Как маньяк высматривал тебя из толпы, слюни пускал. Не знал как, не знал зачем, но был уверен, что моя будешь, что подчиняться будешь и просить, чтобы не оставлял.

— Но мне показалось, ты вполне искренне возмутился, когда я к тебе с этим вопросом пришла.

— Ещё бы! Я ведь не знал, что это ты. По идее, ты должна была по порядку всех обойти. А не через голову скакать. А потом увидел и растерялся, слушал тебя, всё ждал, что ты помощи попросишь, потому что больше не от кого. Вариант, что не узнала, даже не рассматривал, видел как слегка порозовели щёки, как на секунду ты зависла. А потом... потом ты начала качать права. Да, чёрт! Я просто хотел, чтобы ты, как все нормальные люди в таком положении, сказала: привет, помнишь, мы как-то встречались, слово за слово, попросила бы разобраться по старой дружбе. Да просто признала, что мы знакомы. Улыбнулась бы! Неужели это было трудно сделать?! — Марат навис надо мной, а я не знала, что отвечать.

— Мне было стыдно так поступать. — Сказала я правду. — Я чувствовала, что виновата перед тобой и на мою нормальную реакцию, должна была идти не менее нормальная твоя. В которой ты бы сказал, что в твоей жизни было тысячи таких вот девок, и ты меня не помнишь.

— Я так и планировал сказать, только не вышло. Потом сел, подумал, и решил, что ничего лучше, чем сразу предъявить свои правила и требования, не надумается. А тут вдруг адвокат звонит, тот, к которому ты за консультацией обратилась. Я сразу решил, что ты с ним спишь. Вопреки докладу и досье... просто спишь с ним. Не контролировал эмоции, когда ты появилась у меня после его звонка. Плевать было на твои желания и согласия. Изначально просто уговорить хотел, а потом, снова твой гордый профиль. Ты ещё думала, ходы просчитывала. Да я всё просчитал за тебя!

Он уже метался по комнате, бросая на меня злые взгляды. Не притрагивался, специально руки в карманах держал.

— Я не понимаю, не понимаю, почему ты себя вела так. Пришла ко мне, красивая, накрашенная. Марин, такая, словно я тебе что-то должен.

— И этим снова тебя разозлила?

— Да дело даже не в злости! А в том, как ты смотрела. Свысока... как отворачивалась, не желая близости, а меня колотило от понимания того, что с кем-то... — Он со свистом выпустил воздух. — С кем-то ты и сама хочешь, бесплатно готова, сына кому-то родила... Марин, кто его отец?

— Что?

— Скажи, просто скажи. Кто он. Мне нужно это знать. Да, наверно, паранойя, что угодно, только...

— Я не хочу говорить об этом. Можно считать, что у него нет отца.

— Он бросил тебя, да? Бросил. Поэтому ты стала ледышкой? Отшиваешь всех, ктс

неугоден?

— Что за бред ты несёшь?! — Тут уже и я не выдержала.

Этот разговор явно идёт не так. Не о том. Я подскочила к нему и вытянула руки из карманов, не хочу, чтобы он контролировал себя. Пусть всё скажет. Всё!

— Тебе так важно сколько у меня было мужчин? Почему я родила в шестнадцать, почему не тебя выбрала и как-то не так смотрела? А что ты сделал для того, чтобы я смотрела иначе? Марат... Да я даже целоваться толком не умела и мне было просто стыдно в этом признаться. Я не знала как реагировать на твои взгляды, слова. Да я не сбегала от тебя и это мы уже выяснили. Ты... ты красивый, умный, да, немного жёсткий и идёшь напролом. Но разве я хоть раз сказала, что не хочу тебя? Да о чём ты вообще? Помнишь, ты спросил меня, о ком я думала во время секса, когда улыбалась?

Он хмыкнул, конечно помнил, раз так себя накручивал столько времени.

— Я думала о тебе. Потому что все семь лет, ты был для меня идеалом. Моим мужчиной, с которым не сложилось по собственной же глупости.

— Марина, я тоже не слепой.

— Да причём тут слепой или нет? Ты не веришь мне. Не верил изначально и сейчас ничего не изменилось. И в этом проблема. В том, что я не понимаю, что тобой движет. О чём ты думаешь, что хочешь от меня услышать и увидеть.

— Да я не хочу, чтобы ты подстраивалась. Собой будь.

— Но как, если ты меня вечно в чём-то подозреваешь? Зачем? Я не знаю, что будет завтра, чем закончится сегодняшний день, что придёт тебе в голову: любить меня или снова мучить.

— Я хочу, чтобы ты была рядом со мной. — Уверенно и жёстко сказал Марат, меня даже отшатнуло от такого тона. Я к стене отошла и в глаза его посмотрела, темно, темно и пусто.

— Я рядом. — Прошептала, а он не верит. По глазам вижу, что сомневается.

Отвернулся, по волосам провёл, взъерошивая их, сел на кровать и плечи устало опустились.

— Марина, мне иногда кажется, что дай тебе хоть чуточку свободы и ты исчезнешь. Веришь? — И посмотрел на меня так проникновенно, что я почувствовала что-то. Что-то, похожее на правду, на его боль, на его безумие, которое я вызвала.

— Но мне не нужна свобода. Неужели ты не видишь, что я всегда возвращаюсь к тебе? Я хочу узнать тебя, мне с тобой интересно. И беременность... ты другим стал.

— Я был уверен, что это тебя удержит.

— Меня не ребёнок держит рядом с тобой. Пойми! — Я присела на пол у его колен, пыталась взгляд поймать. Мы словно ролями поменялись, теперь я его уговариваю, убеждаю, а Марата сложно видеть таким мягким, растерянным, неуверенным в себе. — Я пыталась, правда, я скучала по тебе, искренне радовалась, когда ты вернулся. Но твоё недоверие, оно всё портит. Я для тебя заведомо виновата.

— Я хочу, чтобы ты была рядом со мной.

— Ты сам меня отталкиваешь!

— Я не контролирую себя, когда ты так близко.

— И поэтому унижаешь и оскорбляешь? Поэтому пытаешься сделать мне больно?

— Да я себя унижал, Марина, себя! Заставляя тебя приходить сюда, спать со мной, жить со мной! И я не знаю, что мне с этим делать. Напивался каждый раз, чтобы не чувствовать

ничего. Чтобы не видеть твоих глаз, твоих слёз.

— О чём ты?

— Я видел твою ухмылку, когда Люда сказала о том, что я не пью. Марина, я действительно не пил до твоего появления. А теперь... теперь я не просыхаю, потому что не могу вот так с тобой, но и не могу без тебя. Просто скажи, что ты не уйдёшь и мы навсегда закроем эту тему. Чёрт! Мне до такой степени хреново, что даже причины, по которым ты можешь остаться, не волнуют. Просто скажи, что останешься...

— Я люблю тебя.

— Это значит «да»?

— Это значит, что я люблю тебя и всегда любила. Когда целовалась с тобой под подъездом, когда уезжала из города, когда тебя снова увидела, знала, что люблю.

Марат замер.

— И я благодарила бога за то, что он подарил нам ребёнка, что дал мне возможность быть с тобой рядом. Я любила тебя за то, что ты есть и ненавидела за то, что ты со мной делаешь. Но я с тобой. Всегда.

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты мне не сказала об этом? — Глядя на меня, но в то же время сквозь меня, шептал Марат.

— Каждый раз, когда я пыталась приблизиться, ты взрывался или смеялся надо мной. Когда я была собой и пыталась показать тебе это, ты заставлял меня унижаться, приказывал, насиловал. Только ничего этого не нужно было.

— Прости. — Пожал он плечами, не веря в услышанное.

— Каждый раз приходя к тебе, прощала...

Марат дотронулся кончиками пальцев до моей скулы, провёл ими по щеке, скользнул по губам.

— Марина, это даже не любовь. Любить больно, а иногда даже опасно. Только любящий человек готов отступить, ради чего-то... — Вдруг взгляд вскинул. — Я не отступлю никогда. Ты нужна мне и ты будешь со мной даже когда захочешь уйти.

Он опустил руку. Но продолжал смотреть мне в глаза и взгляд его темнел и больно ранил, я верила, что не отпустит.

— В тот вечер, когда я просил тебя прийти, ты пришла. — Слова были какими-то отстранёнными, больше похожими на бред. — Я надеялся, что не придёшь. Сам для себя решил, что если появишься, останешься, значит что-то есть. Ты осталась. Даже после того, что я сделал. Ты просто осталась рядом, потому что я тебя попросил. Не приказал, а попросил.

Я не совсем понимала о чём он говорит, но не решалась перебить, боясь упустить что-то важное.

— А утром ты исчезла. Нет, наверно, ты исчезла гораздо раньше, я не знаю, и я решил. Всё или ничего. Звонил тебе, звонил, потом приехал домой, а там Андрюха. Я глазам своим не поверил, думал, что ошибся. Марина, я готов был уйти. Впервые решил отступить, потому что понял, что ты не только моя. Не моя собственность, ты мне не принадлежишь. Только не получилось, потому что уже была беременна. И в тот вечер я пообещал, что сделаю всё для того, чтобы ты не вспоминала о том, что было. Не потому, что ты беременна и это факт, а потому что ты хотела оставить ребёнка. Моего ребёнка. Мне это важно.

— Ты говорил...

— Я всё понимал, Марина, всё. Я хотел иначе, по-другому. Столько раз извиниться думал, приезжал под твои окна и стоял, смотрел, как мелькают тени в них. Я хотел к тебе. Каждый день с цветами. Каждый день на что-то надеялся, но не решался зайти дальше подъезда. Мне казалось, ты не знаешь, не видишь меня...

— О чём ты?

— Значит, Андрей тебе всё-таки не сказал? — Он понимающе усмехнулся, словно соглашаясь с самим собой.

— Не сказал что?

— Да, — махнул он рукой, — уже не важно. Я не хотел тебя унижить, для того, чтобы сделать больно. Я просто не могу иначе, зная, что ты хочешь кого-то другого.

Я пощёчину ему влепила. Не выдержала. Сколько можно об одном и том же.

— Ты даже меня не слышишь!

А Марат точно очнулся, моргнул несколько раз, на меня посмотрел, желваки на скулах выступили.

— Выходи за меня замуж. — Выпалил, а мне хоть ты глаза закатывай.

— Марат, я согласна стать твоей женой. Я кольцо на пальце ношу как подтверждение этих слов. — Тут же руку с украшением ему продемонстрировала. — И это не потому что ты меня заставил или из-за ребёнка... или из-за того, что ты вдруг изменился. Потому что я хотела этого с первой нашей встречи.

— Хотела?

— И можешь считать меня безумной, но я рада, что встретила тебя снова. Я люблю тебя! — Практически прокричала и только тогда он понял, услышал меня. Притянул к себе резко, обнял так, что кости затрещали, надышаться не мог, и сердце у него из груди вырывалась. А мне большего и не нужно. Только, чтобы был рядом.

В тот день всё началось заново. Теперь без страхов и недомолвок, и я могла улыбаться свободно, я могла чувствовать себя в своём доме, рядом со своим мужчиной. Только не бывает просто. Это жизнь, это семья, это мужчина. Мужчина ревнивый, жёсткий, циничный. Такой, под которого нужно подстраиваться, прогибаться. Мои признания, какими бы искренними не были, не заставили его не бояться, что однажды он проснётся без меня. Но он один такой. Для меня. Жадные взгляды, отнюдь не нежные прикосновения, жёсткие, цепкие руки, которые не желали отпускать. Постоянное сопровождение и телефонные звонки каждый час. Он контролирует всё. Он проживает мою жизнь вместе со мной.

Андрей сам себя не помнил от счастья: в доме появился мужчина. Марат его баловал, Марат его воспитывал, объяснял, что хорошо и что плохо. На одном с ним языке. У них появились свои тайны и секреты, общие увлечения и совместное времяпрепровождение по выходным. А мне оставалось только наслаждаться жизнью в лучах их улыбок. Но не было спокойно, я чувствовала некую невидимую грань между нами, что-то, что не даёт полностью раскрыться и довериться. И эта грань в один день превратилась в толстую стену, грозящую разрушить то шаткое счастье, которое мы так бережно скрывали от других.

Марат не один раз намекал, да и открытым текстом говорил о том, что пора бы мне сменить рабочий кабинет на что-то более уютное и домашнее. Не приковать к плите и кастрюле, нет, он хотел моего внимания, заботы или чтобы я пораньше появлялась дома. Разговоры эти чаще всего заканчивались ничем, а если быть честной с самой собой, то заканчивались они взаимным непониманием и обидами. Я не видела себя домохозяйкой, а

Марат не мог пережить моё общение с противоположным полом.

— Марина Максимовна, я бы хотел вас представить нашему благодетелю. Андрей Матвеевич через год планирует отдать в нашу гимназию своего сына, а вы как раз в следующем году выпускаете свой класс. — Висел над моим столом директор, приветливо улыбаясь. Отношения с Маратом мы не скрывали, но и не афишировали, поэтому слухи расползтись не успели.

— Я не знаю. Первоклашки это не мой профиль. — Ответила строго. Хотя знаю, что дело здесь не в первоклашках. Наш директор был бойцом старой гвардии и считал, что главное обложка. А для многих отцов это становилось главенствующим при принятии важного решения, и я уже не один раз вот так улыбалась, как он выразился, «благодетелям».

— Знаю, знаю, но вам нужно просто пообщаться, поговорить, рассказать перспективы. В конце концов, именно вам придётся принимать этих детей и готовить их ко взрослой жизни, к поступлению в ВУЗы.

— Вы мне льстите. На самом деле, я не уверена, что смогу продолжить работу в ближайшем будущем.

— Что такое, Марина Максимовна, — заинтриговано наклонился он ко мне ближе, — я чего-то не знаю и ваши личные обстоятельства изменились?

— Изменились. И эти самые обстоятельства настаивают на том, чтобы я оставила работу в гимназии.

— Да, да, понимаю. Жена влиятельного человека, — он оценивающе на меня посмотрел, — а я практически уверен, что именно этот статус вы будете носить, можете себе позволить не работать. Только вкусы мужчин настолько изменчивы...

— Идёмте, я поговорю с вашим знакомым. — Неприязненно процедила я сквозь зубы, не желая песочить личную жизнь. Встала, вышла из-за стола, директор следовал за мной.

В кабинете спиной ко мне сидели мужчина и женщина.

— А вот и наша гордость. Красный диплом, стопроцентная поступаемость. Марина Максимовна Соловьёва.

Пока директор распинался, я медленно умирала. Передо мной сидел мужчина и смотрел глазами моего сына, а я ведь даже не знала, что у Андрея его глаза. Андрей Милютин. Он узнал меня сразу и лёгкая улыбка мелькнула на лице, вот только от неё сквозило холодом. Рядом сидела его жена и мило улыбалась.

Глава 18

— Марина Максимовна, прошу. — Подтолкнул меня у столу директор, но ватные ноги не позволяли сделать шаг.

Не знаю, как удалось взять себя в руки, наверно, подозрительность, с которой на меня покосилась его жена, но я выдавила из себя скупую улыбку и за стол, всё же, присела. Не помню кто и что говорил, но Милютин с меня глаз не спускал, причём не особо скрывал этот факт, а когда я всё же вырвалась, нагнал в коридоре.

— Далеко собралась? — Дёрнул он меня за локоть, пытаюсь остановить, но я вырвалась, правда, притормозила. Не хочу, чтобы подумал, будто боюсь. Мне скрывать нечего.

— Не твоё дело.

Милютин пакостно улыбнулся, поправил очки в тонкой оправе, всунул руки в карманы, разводя пиджак по сторонам. Несколько раз кивнул, вроде как соглашаясь со мной, рассматривал исподлобья, я потом всё же начал разговор снова.

— Думаю, не стоит предупреждать, что о нашем знакомстве и о его тонкостях, тебе лучше молчать?

Он посмотрел на меня как на пыль у своих ног. Я фыркнула.

— Больно ты мне нужен.

— И всё-таки. Я занимаю определённый пост, — на этом слове он сделал акцент и выдержал паузу, — и... как бы тебе объяснить... я не собираюсь терять его из-за каких-то сплетен. Так что предлагаю разойтись миром.

— Это ты меня догнал и ты что-то хочешь доказать. Я же тебе сказала, что мне ничего не нужно и ты не интересен в принципе.

— Вот и отлично. Думаю, мы поняли друг друга.

Одарив меня ещё одним высокомерным взглядом, обошёл стороной и направился в мужской туалет, куда, видимо, и выходил в официальной отговорке.

Заявление на увольнение я написала в тот же день, а вечером ещё и Марата обрадовала.

— Если будут проблемы, обращайся. Я всё решу. — Напомнил он мне за ужином.

— Всё в порядке, я на своё место порекомендовала старую знакомую. Она сейчас как раз в поиске. Думаю, разойдёмся без проблем.

— Мама, а ты теперь всегда будешь дома?

— Нет. — Ответил за меня Марат. — Просто работы у мамы теперь будет меньше, но дома сидеть она вряд ли сможет.

— Предлагаешь альтернативу? — Улыбнулась я, хотя очень сомневалась, что такое возможно.

— Ты можешь работать у меня.

Я закатила глаза, вместо ответа.

— Марат, ты меня в секретари взять хочешь?

— Боишься не справишься? — Провокационно изогнул он бровь.

— Не нужно брать меня на понт, как ты любишь говорить. Я ещё не решила чем буду заниматься.

— Ты говорила, что получала образование юриста.

— Да, специализируюсь в области авторского пава. Только не думай, что среди творческих людей нет мужчин. Как раз наоборот.

— Не проблема, значит, это не вариант. Предлагаю переквалифицироваться в гинеколога. — Без доли юмора прикинул Марат.

— Мам, а кто такой гинеколог?

— Это врач, который лечит только женщин, сынок. — Я подставила сыну вазочку с хлебом, чтобы он не отвлекался. — Марат, ты иногда просто поражаешь меня своим воображением!

— Никогда не поздно получить новую специальность. — Развёл он руками, отговариваясь.

— Да. Только медицина — это не моё.

— Есть ещё вариант работать в посольстве. Там, конечно, мужчин достаточно, но зная, чья ты жена, они сто раз подумают.

— А у тебя и там есть знакомые?

— У меня везде есть знакомые, только вопрос не в этом, а в том, чего хочешь ты. Я не хочу давить, но в деньгах ты не нуждаешься точно. Могла бы пока отдохнуть. Заняться собой.

— Я плохо выгляжу?

— Ты выглядишь уставшей. Мне это не нравится, тебе, думаю, тоже.

— Ещё пять минут разговора и ты ночуешь в гостевой комнате. — Без тени обиды в голосе поставила я Марата перед фактом и он улыбнулся.

— Кажется, кто-то жаловался, что потерял в весе? — Поставил он меня в тупик. — Смени гардероб. Я не знаю наверняка, но женатые товарищи утверждают, что это занимает уйму времени.

— Выкрутился. — Ухмыльнулась я, а Марат улыбнулся, пряча эту улыбку за чашкой чая.

— Кстати, нас пригласили в гости.

— Кто?

— Мой хороший знакомый. Там и Гриша с Людой будут. Стоит с ними помириться. — Сказал как бы между прочим, но я почувствовала его напряжение.

— Марат, мы не ссорились. Люда хотела как лучше и тебе стоит признать, что она отличный адвокат. В конце концов, была права и просто меня защищала.

— Да, но то, с каким остервенением она на меня смотрела... — Начал он оправдываться, только под моим взглядом промолчал.

— Я поговорю с ней. Думаю, вы поладите.

— Хорошо. Тогда в эту субботу. Андрей, ты как смотришь на то, чтобы на выходные отправиться на соревнования по боксу. Это не твоя специфика, но тебя впечатлит именно атмосфера. В столицу на два дня.

— С тобой?

— Нет, — Марат мягко улыбнулся, как всегда с ним, даже за серьёзную оплошность голос ни разу не повысил, спокойно и настойчиво объясняет, в чём тот не прав, — Диму отправлю. Соревнования как раз на выходные проходят, нам с мамой нужно быть в городе.

— Марат, мне кажется, это не самая лучшая идея. — Вступилась я, так как не привыкла отпускать сына одного и надолго. — Я Диме, конечно, доверяю, но...

— Пора вспомнить, что твой сын вырос, Марина, — с нажимом проговорил Марат, — ему пора привыкать самому принимать решения, если ты не хочешь, чтобы он оказался в жизни как выброшенная на сушу рыба. Ему нужно общение, развитие, определиться с

выбором профессии.

— Ему всего десять. — Возразила я, а Андрей горло прочистил, предлагая нам двоим замолчать.

— Я уже определился. — И мы оба уставились на сына. — Экономика и финансы. Только не в нашей стране.

— Отличный выбор. — Одобрил Марат.

— Вы с ума сошли? Андрей, откуда вообще такая идея?

— Марат меня на работу брал.

— Марат? — С ударением повысила я голос.

— Это хороший выбор. Тем более аналитическое мышление у парня развито.

— Ладно. Это не тема для обсуждения за ужином, причём ещё очень рано говорить о чем-то конкретном...

— Марина, ты не заметила, что напряглась больше всех? — Усмехнулся на мою попытку исправить положение, Марат.

— Сделаю вид, что я тебя не слышала.

— А я сделаю вид, что не заметил этого.

— Давайте ещё и я сделаю вид, что ничего не говорил и всё станет замечательно. — Обиделся Андрей и из-за стола вышел.

— Это твоё воспитание. — Обвинила Марата я.

— Это нормальное мужское решение. — Спокойно ответил он, но я знаю, ему было приятно услышать от меня такое замечание.

Несмотря на наши недомолвки, с Андреем Марат вёл себя по-особенному. Как наставник. Он действительно очень хороший отец... Вспомнив об отцах, меня перекосило, хорошо, что не видел никто. На душе было беспокойно и вообще, я не хотела этой встречи. Но наши желания и возможности не имеют привычки совпадать. Тем более, если это касается меня. Никогда и ничего не получала просто так, каждый раз как только на горизонте виднелся зелёный свет, случалась какая-нибудь пакость. В этот раз она пришла оттуда, откуда я её и ждала.

Андрей уехал в пятницу вечером, перед этим я сотню раз проверила, все ли документы на месте, всё ли он взял с собой, вложила в карманы несколько телефонов, над чем мои мужчины только посмеялись.

— Ты бы ещё браслет с радиомаячком нацепила. — Смотрел на всё это Марат, упираясь плечом в стену прихожей.

— Марат, молчи.

— А что не так? Ребёнок взрослый, разумный. И он едет не один.

— А я всё равно переживаю. Ты мужчина, и не способен проявлять свои чувства настолько очевидно. Хотя, не сомневаюсь, переживаешь сейчас ничуть не меньше, чем я.

— А ты женщина и готова доказывать это каждый раз. — Марат обнял меня, от Андрей оттащил. — Не волнуйся, мы помним о твоём предназначении.

Поцеловал в шею, отодвигая чуть в сторону, и всё так же удерживая одной рукой, правой — пожал руку Андрею.

— Беги, пока она не опомнилась. — Посоветовал, ухмыляясь, а этот маленький предатель ещё и кивнул понимающе.

— Пока, мам. — На Марата посмотрел, словно что-то сказать хотел, но передумал. — Пока, Марат. — Рукой махнул и дверь за собой закрыл.

— Мне показалось, он хочет называть меня папой, но не знает можно ли.

Обнимая меня двумя руками, Марат покачивался из стороны в сторону, губами к шее прижался, играя, чуть прикусил кожу на ней.

— Ты думаешь? — Притаилась я, на самом деле не раз замечала это за сыном, только боялась, что Марат не поймёт. Дура, конечно, но всё же.

— Отец это тот, кто заботится о тебе. Мне кажется, я справляюсь с этой ролью и вполне заслужил такое звание. — Обиделся он и прикусил кожу на шее сильнее.

— Тогда в чём проблема?

— Не хочу давить на него. Он сам должен это решить для себя. Нужно ли в таком возрасте обзаводиться ещё одним родителем.

— Ты ерунду говоришь, он уже принял это решение, когда к тебе переехать согласился. Тянется к тебе, хочет твоего внимания и похвалы. Ты для него авторитет.

— Главное, чтобы не криминальный. — Вздохнул Марат. — Как насчёт того, чтобы провести романтический ужин в одной постели?

Я засмеялась, осмыслив его предложение, и шею под поцелуй подставила.

— Я выбираю «романтический» и «в постели». И давай без холодильника.

Широкие ладони спустились с талии, прошлись по бёдрам и на обратном пути зависли на ягодицах. Лёгкое платье незаметно подбиралось всё выше, пока руки не коснулись обнажённого тела.

— Я тоже предлагаю начать с основного. — Мурлыкнул в волосы и как Муху-Цокотуху потащил меня мой Паучок в уголок.

Вечер субботы обещался быть сложным, и не только потому, что перед нами с Маратом стояла задача максимум: помириться с его друзьями. Это ещё и мой первый выход в свет в качестве его спутницы. Много людей, много дружественных, и не очень, улыбок. Понятно, что не моё, но это необходимая часть жизни, от которой не спрятаться.

— Мы не задержимся долго, но поприветствовать некоторых людей нужно. — Шепнул мне Марат, как заметил немного уставшую улыбку.

— Я Люды с Гришей не вижу.

— Обычно они пропускают официальную часть. Им интересен живой разговор, а не фальшивые улыбки и ужимки.

— Добрый вечер! — Прозвучало прямо над ухом и я резко дёрнулась, узнавая голос. — Напугал? — Мягко рассмеялся Милютин. Тут же Марату руку пожал.

— Привет, познакомься, это Марина, моя будущая жена. — Представил он меня Милютину. — Марина, а это Андрей, мой хороший знакомый, его жена, Катерина. — Она мне улыбнулась, только я не поняла, то ли не узнала, то ли предпочла сделать вид, что не узнала.

— А мы знакомы. — Выдала вдруг эта Катерина, с нечитаемым взглядом. — Мы сына устраиваем в гимназию, где твоя Марина преподаёт. Нам рекомендовали её как хорошего специалиста. — Вежливо добавила она, но меня от этого тона покорило, я кивнула, соглашаясь.

— Спешу огорчить, больше не преподаёт. Марина делает выбор в пользу семьи.

Марат чуть сжал ладонь, которой удерживал меня за талию, видимо, чтобы и я хоть звук произнесла.

— Никогда не понимала этот выбор женщин. А потом удивляются, почему остаются у разбитого корыта... — Пофилософствовала она, а в голосе некое отвращение или зависть. В

любом случае, что-то скользкое и холодное.

— Не каждая женщина видит себя в карьере, некоторым нужно нечто большее.

— Больше, чем уважение и признание других? Не знаю, я на это никогда не решусь.

— С Маратом я могу себе позволить расслабиться и забыть об обязанностях посторонним людям. Это тоже важно, найти своего человека. Возможно, в этом и заключается суть принятия такого сложного решения. Не думаю, что смогла бы отказаться от работы, будь на месте Марата кто-то другой, да и вряд ли захотела бы.

Катерина фыркнула, а я предпочла пропустить её взгляды и мысли мимо себя. Как говориться, не стоит гадать, что же о тебе подумают другие, ведь что-нибудь они подумают в любом случае.

— Марина, а у вас есть дети? — Вдруг спросила Катерина, а меня как разряд тока прошиб. Я на Милютина глянула, а у него у самого глаза заблестели.

— У нас сын. — Ответил за меня Марат и я ему была безмерно благодарна, что и выразила своим тяжёлым облегчённым вздохом.

— Как забавно, — не унималась она и я поняла: что-то знает; по глазам вижу, — ещё несколько месяцев назад, м-м... когда мы собрались вместе в последний раз, Андрей, ты не помнишь?

— Около года. — Подсказал Марат и она улыбнулась своей змеиной улыбкой.

— Да, да, год. Только тогда ты был холост и одинок.

— Да, а теперь у меня взрослый сын и я этому безумно рад.

— Поздравляю. — Выдавил из себя Милютин и словно позеленел. — Извините, нам пора.

Оттащил свою жену в сторону, хотя той, казалось, ещё было что сказать.

— Ты ей не понравилась. — Констатировал Марат и сам же рассмеялся. — Мне показалось ещё пара фраз и она тебе в волосы вцепится. Ты её знала раньше?

— Не знала. А это важно, понравилась я ей или нет? Она имеет для тебя какой-то вес?

— Не особо. — Цокнул он языком, взял два бокала вина, один мне подал, из другого пригубил сам. — Отец её, тот важная шишка, но она на него влияния не имеет.

— А её муж? Мне показалось, что он в семье на вторых ролях, хотя когда в гимназию приходили, один он и говорил.

— Скажем так, парень удачно устроился. Тесть ему карьеру делает, продвигает, знакомит с нужными людьми. Но не потому, что хочет, а лишь из-за дочери. Такое тоже бывает. Просто на людях, Катя держать себя старается, а сейчас... даже не знаю, может, выпила лишнего, вот и разошлась. Не обращай на них внимания.

Я нервно улыбнулась его словам, на самом деле, позиция этой Катерины мне, отчасти, понятна. Не очень красивая, но дочь влиятельного человека, выбрала себе мужа. Естественно, она ревнует его ко всем подряд, по крайней мере, я на это надеюсь, особенно если учесть внимание Милютина к моей скромной персоне при первой встрече. Он же, вполне привлекательный, для кого-то даже красивый. И мне нравился какое-то время, чисто внешне, и не зря было такое разграничение, как выяснилось. Наверняка ходок, наверняка не верен, наверняка она чувствует такое его отношение.

— О чём задумалась? — Шепнул Марат, прижимаясь губами к моему уху? Я неловко улыбнулась, действительно немного улетела.

— Я в туалет отойду. Хорошо?

Марат горестно вздохнул.

— Если я скажу «нет», тебя это остановит?

— Даже если и так, то ненадолго. Не скучай.

Ласково улыбнувшись, провела ладонью по груди, поправила булавку на галстук, зафиксировала довольное выражение лица любимого и только тогда смогла отойти. Немного освежив макияж, вернулась в зал, Марата не видела, а вот Милютин собственной величественной персоной, словно только меня и ждал.

— Надо поговорить.

— Мне не надо. — Сказала, как отрезала я, не дожидаясь продолжения прелюдии. Попыталась обойти стороной, но он меня придержал за локоть.

— Мы всё равно поговорим, вопрос только где, когда и на каких ролях. И тогда ты мне всё объяснишь.

— Я тебе ничего не должна и, уж тем более, что-либо объяснять.

Милютина в сторону оттолкнула, только он просто так не сдался, в спину мне бросил:

— Я ведь могу и права предъявить.

Я обернулась, глядя на него во все глаза.

— Ты это о чём?

— О своём сыне, милая. Я ведь всё правильно понял?

— У тебя большая фантазия. — Выплюнула со злостью и сдала свою нервозность с потрохами. Милютин за это зацепился и улыбнулся. Жёстко. Так Марат улыбался, когда решение какое-то принимал.

— Всё ещё будешь отказываться?

Я промолчала и он расценил это как согласие, мимо меня прошёл, слегка толкнув плечом, отправился куда-то вглубь дома, в котором мы находились. В тишине коридора нашёл свободное помещение и приглашающим жестом предложил войти. Я только плечи расправила, не собиралась прогибаться под него.

— Что ты от меня хочешь? — Спросила, не дожидаясь, пока он на меня налюбуется. Похотливый взгляд, неприятный, липкий, после которого помыться хочется.

— Узнать как жизнь.

Милютин подошёл ближе, поправил прядь волос, а я тысячу раз за одно мгновение успела пожалеть, что отказалась от причёски и предпочла аккуратные локоны. От руки его отшатнулась, но не тут то было, жёсткий захват за волосы и в следующую секунду этот урод впивается в меня горькими от алкоголя и табака губами. Зарывав, я его оттолкнула, ударила по лицу, только потом вкус собственной крови во рту почувствовала, поморщилась.

— Что же ты, родная. Неужели не соскучилась?

Он попытался приблизиться, но я не дала — отступила, угрожающе выставив перед собой клатч. Угрозы в нём, разумеется, никакой не было, оттого Милютин и рассмеялся заливисто, а мне всё равно что! Хоть ногти, и то в помощь.

— Оставь меня в покое.

— С чего бы? Мне кажется, ты хорошо устроилась. Юрченко отличный выбор, я рад за тебя.

— Я тоже за себя рада, а теперь дай мне пройти.

— Не-а. — Качнул он головой. Безумно улыбнулся. — Знала бы ты, — он сделал пару шагов в мою сторону, а потом снова рассмеялся, когда я отступила, подпирая стену, — как я устал от всего этого фарса. Как мне хочется быть собой...

— Насильником и моральным уродом? — Задыхаясь от паники, прохрипела я, и от

звука своего скрипучего голоса испугалась ещё больше.

— Что ты... тебе же понравилось, я помню. Ты даже не отбивалась толком. Так, для приличия ножкой пару раз брыкнулась.

Он подошёл вплотную и свободно провёл своей лапой по бедру. Приступ тошноты заполнил мой рот слюной.

— Он убьёт тебя.

— Глупенькая, — Милютин провёл по моему лицу влажной от пота ладонью, сжал подбородок, наслаждался таким положением дел. — Ты ему ничего не скажешь. Он знаешь, какой ревнивый... жуть! И тебя первую с землёй сравнивает. Хотя, о чём это я... наверняка уже не раз испытала на себе его гнев. Так ведь?

— Ты больной. Отпусти меня.

— Обязательно. Только возьму то, что мне причитается по праву первой ночи. Знаешь, говорят, женщины вспоминают своего первого мужчину всю жизнь. И я тебе только немножечко напомню.

Дальше было нечто смутно напоминающее борьбу. Не знаю, что происходило на самом деле: то ли я действительно от страха обладала большей, чем обычно силой, то ли Милютин был пьян и плохо контролировал своё тело, а, может, вообще играл со мной, включая охотничьи инстинкты, но борьба эта затянулась. То тут, то там, я ощущала на теле жадные поцелуи-укусы, болезненные, оставляющие после себя следы, его руки выкручивали мои запястья, коленом он пытался раздвинуть мои ноги, двигаясь всё выше. А я отбивалась. Краем глаза заметила, как дверь в комнату приоткрылась и четко очерченный мужской силуэт застыл в темноте коридора, попыталась позвать на помощь, только этот урод шею мне так сдавил, что и пикнуть не могла, только сипела. Вдруг испугалась, что это кто-то из его людей, процесс контролирует, затряслась от страха. Милютин подталкивал меня к какому-то столу, спиной к себе развернул, над полом подбрасывая, толкнул на этот стол и платье задрал. Ненавижу, как я его ненавижу! Не простила, всю жизнь думала, что переступила, забыла, сейчас понимаю, что всё внутри. Ту боль вспомнила, что причинил мне, те мучения, которые пережила в себе, перетерпела. Те унижения, которым меня потом мать и соседи подвергали. Не знаю, откуда силы нашлись, когда заметила на столе что-то вроде статуэтки, на вид довольно увесистой. Его рука уже в моих трусиках шарилась, царапая кожу, видимо, он немного расслабился и хватку потерял, в этот момент мне и удалось развернуться, чтобы ударить его. Раз, другой. Если спросить куда била, даже под следствием сказать не смогу, но он жив был.

— Сука. — Прошипел, пополам сгибаясь.

Я в сторону метнулась, потом к дверям, в руках по-прежнему сжимала свою защиту. До спасительного выхода два шага оставалось, когда о человеке том вспомнила, который смотрел, как меня пытаются изнасиловать. Смотрел и ничего не сделал. Ступать в коридор было страшнее, чем показалось изначально, но Милютин что-то выкрикнул вслед и это как толчок подействовало, я выскочила, сразу замахиваясь. Только не вышло ничего: меня уже ждали. И вскрикнуть не успела, как статуэтку эту из моих рук выкрутили и другой рукой рот зажили. Я дёрнулась изо всех сил, из рук мужчины выскользнула и на пол рухнула, больно ударяясь обеими коленками. Марат стоял напротив, в одной руке сжимая статуэтку, отобранную у меня, в другой сигарету. Мне показалось, что я умерла в тот момент.

Он стоял и смотрел, не пытаясь помочь, поднять, не говоря ни слова. Изучал, разглядывал, а меня трясло и колотило так, что зуб на зуб не попадал и вместо слов наружу

вырвалась тихая истерика. Я просто заплакала, за то, что было, за то, что произошло сейчас. Марат меня на ноги без особых усилий поставил, только уже всё равно было, что и как, почему. Я не могла в себя прийти, успокоиться. Не сразу поняла, что он в ту комнату вошёл. Послышался глухой удар, вернулся с мой сумочкой в руках, мне её всунул, посмотрел так странно, как на чужую.

— Помнишь, я спросил у тебя, будешь ли ты сопротивляться, если тебя другой нагнуть попытается?

Всё кругом идёт перед глазами, я даже его слов не понимала.

— Теперь я знаю, что ты насмерть стоишь.

Сказал, а потом в чьи-то руки толкнул.

— Дома поговорим. — Зло процедил сквозь зубы, а дальше какой-то амбал потащил меня на улицу. Через второй выход, у дверей уже стояла машина. Даже не наша машина. Огромный чёрный автомобиль с тонированными стёклами. Как тряпичную куклу меня швырнули на заднее сидение, спереди сел тот, кто привёл меня, рядом с ним — водитель, парнишка примерно такой же комплекции. Я особо не вглядывалась, да мне и ни к чему, слова Марата припомнила и даже уловила смысл. По приезду на место, небрежно вытащив за одну руку, эти двое сопровождали меня до квартиры, втолкнули через дверь так, что я едва в стену напротив не влетела, и снаружи заперли на замок, который изнутри не открыть. Со мной хотят поговорить — поняла я и села на пол, подпирая стену.

Марата не было долго. Настолько долго, что я и в себя прийти успела, и в душ сходила. Да что там, я даже вещи свои собрала! Всё понятно стало. Это он стоял в стороне и смотрел. Это он так проверял меня. Очередной раз. Потому что ни на секунду не поверил моим словам и признаниям. Ноги вытер и дальше пошёл. Не осуждаю. Просто он такой человек. Часа в три ночи хлопнула входная дверь. На первом этаже включился свет, слышались шаги, потом они стихли, видимо, кто-то осматривался. Я же, недвижимо сидела на кровати в спальне второго этажа. Не было желания даже моргать, наверно, мышцы это на автомате выполняли, не подчиняясь импульсам из мозга. Мне было всё равно кто пришёл и что сейчас будет. Просто нет сил на эмоции. Я растоптана. Меня практически нет.

Глава 19

Когда подняла взгляд, Марат уже стоял напротив, смотрел прямо в глаза. Сделал несколько шагов, ногой подтащил банкетку, присел на неё. Свет первого этажа частично попадал на него, отражался в глазах, освещал половину лица. Помолчав некоторое время, на протяжении которого я с безвольной улыбкой смотрела в его глаза, Марат задрал вверх подбородок.

— Не спишь?

Я не удостоила его ответом. Ухмыльнулась. Он закурил. Он всегда курит. Сделав пару затяжек, стиснул зубы.

— Отвечай коротко и внятно, что тебя с ним связывает, и не вздумай юлить, знаешь ведь, обман за версту чувствую.

— Он изнасиловал меня, когда мне было пятнадцать. От него я родила Андрея. На этом всё.

Несколько секунд Марат просто переваривал информацию, видимо, Милютин поведал ему несколько иную душещипательную историю, а мне всё равно.

— Потом что?

— Никому об этом не рассказала, мать, да и все остальные, заклеили меня шлюхой.

— Почему родила от него? Обычно после такого не рожают.

— Потому что это мой ребёнок. — Сдерживая слёзы тихо выговорила я. — Мой! И никто его у меня не отберёт! Никто!

— От меня тоже поэтому рожать решила? — Хмыкнул грустно. — Принципиальная позиция?

— Я не буду отвечать на этот вопрос. Потому что уже всё сказала и не раз.

Марат вздохнул, мне показалось, с облегчением.

— Ты никогда не говоришь о своей матери. Что с ней?

— Умерла.

— От пьянства?

Не знаю, с чего он это взял, но силы ответить нашла.

— У неё опухоль головного мозга была, оттого и вспышки неконтролируемой агрессии появлялись. Первое время, когда уехала, я ей деньги отправляла, а потом переводы стали назад приходить. Чуть позже узнала, что её больше нет.

Нет чувств, нет эмоций, даже слёз нет. Я смотрю на мужчину, которому несколько часов назад признавалась в любви и ничего не чувствую.

— Что это? — Кивнул он на мой чемодан в углу.

Я перевела плавающий, немного невменяемый взгляд в ту сторону, пожала плечами.

— Я ухожу от тебя.

— С чего взяла, что у тебя это получится? — На удивление спокойно уточнил Марат.

— Я не спрашиваю у тебя. Я ставлю тебя перед фактом: я от тебя ухожу. Можешь не волноваться, беру только то, с чем пришла.

— Причины есть?

— Есть. — Равнодушно ответила, задумавшись.

— Озвучь, будь так добра.

Он шумно втянул в себя воздух, погладил колени ладонями, вскинул на меня пытливый взгляд. По-прежнему спокойно. Иначе со мной нельзя. Иначе я взорвусь, сломаюсь, кажется, он это уже понимает.

— Я не буду больше перед тобой оправдываться. Я ухожу. Тебе нет места в моей жизни.

— Я тебя не отпускаю. — Бросил с вызовом, потом взгляд в пол опустил. — У нас всё хорошо.

— Нас нет, Марат. НАС — нет! — Повторила твёрже. — Есть я, ты и твои сомнения не мой счёт. И я в этом любовном треугольнике больше не участвую.

Сказала, а сама с места не могу сдвинуться. Хочется провалиться и больше не видеть, не слышать и не чувствовать.

— Прости, дорогая, но это мы с тобой уже обсуждали. Ты не уйдёшь от меня никогда. Я люблю тебя и хотя бы поэтому не отпущу.

Мне нечего было ему ответить. Я разобьюсь о бетонную стену его непонимания.

— Марина, ложись спать.

Как послушная игрушка тут же на кровать рухнула. Этих слов я ждала? Его признаний? Надеюсь, что будет иначе? Не знаю. Но слова как якорь прибивают меня ко дну и этот якорь не позволяет бессмысленно плыть на поверхности. Я держусь за него, потому что он хочет меня удержать.

Сделав несколько шагов в сторону лестницы, Марат остановился, не обернулся ко мне, а только чуть в сторону повернул голову.

— Я хочу купить дом. Большой и красивый. Для тебя. Чтобы входя в нашу спальню, ты не думала о том, о чём думаешь, приходя в эту квартиру.

После этих слов быстрым и уверенным шагом спустился вниз по лестнице, а я осталась осмысливать его слова.

Я не спала, я тихо лежала в постели в неизменной позе: с опущенными с кровати ногами и широко раскинутыми в сторону руками. Всё переосмыслила, мозги перезагрузила. Никуда я не уйду. Мне некуда идти. Без него меня уже нет. И в один момент вдохнула, как первый раз в жизни, когда больно от того, как лёгкие расправляются, когда кричать от этой боли хочется. Ожила, встала, осмотрелась. Тусклый свет струился из-под двери кабинета на первом этаже. Без стука вошла в приоткрытую комнату, Марат сидел за столом и о чём-то сосредоточенно думал, сложив ладони лодочкой у лица, локтями при этом опирался о столешницу. Когда почувствовал моё присутствие, вздохнул, устало потёр виски, но продолжал смотреть в одну точку. Я присела на край дивана у самой двери, минуту молчала, смотрела на него и пыталась понять, о чём думает. Но только рот открыла, чтобы сказать что-то, как Марат посмотрел мне в глаза, я вздрогнула от той боли, которая в них читалась.

— Не будь таким. — Прошептала. Хотелось прикоснуться к нему, успокоить, прижаться и долго-долго не отпускать.

— Каким?

— Чужим.

Он усмехнулся, а потом голову назад закинул, тяжело выдохнул.

— Ты обвинила меня в том, что я тебе не доверяю, но что я имею взамен?

— Я верю тебе.

— Серьёзно? Веришь? — Резко сел ровно, руки перед собой на стол сложил, провёл языком за щекой, пожевал губами, размял шею. Вся эта подготовка к разговору выглядела весьма угрожающе.

— Верю. — Повторила упрямо, а он губы растянул, а потом и оскалился.

— Тогда скажи мне дорогая, почему ты из гимназии уволилась? Потому что я тебя об этом просил или потому что ты его испугалась? Что ты сделала, когда он подошёл к тебе, ведь не просто пошла с ним, он тебе пригрозил, так?

Я молча сглатывала ком, который никак не желал поддаться, не смогла выдержать его обвиняющий взгляд и опустила глаза к полу.

— Почему не сказала мне, своему мужчине, своему будущему мужу? Или ты считаешь, что я не смогу тебя защитить? Так ты мне доверяешь?! Сколько раз я тебя спрашивал о твоём первом мужчине, об отце Андрея, что ты мне говорила? Что не хочешь обсуждать эту тему и теперь говоришь о каком-то доверии? Так не бывает Марина! Ты не хотела впускать меня в свою жизнь, а предложила скраешку потоптаться, а мне этого мало! Я не этого от тебя ждал!

Он швырнул на стол ручку, которую до этого в пальцах крутил. Секунду переждал и одним движением со стола всё смёл, демонстрируя протест.

— Я видел, как вы с ним шептались в коридоре. То есть, я сразу понял, будто что-то не так, когда они подошли к нам. Ты как каменная стала, и сердце колотилось как у раненой птички, а когда Катя про ребёнка спросила... Чёрт, Марина, почему ты мне сразу всего не сказала?! — Ударил он ладонью по столу и на меня посмотрел, дожидаясь ответа.

— Такой вариант, как то, что я просто не хотела, чтобы ты это знал, рассматривается? — Я, наконец, смогла оторвать свой взгляд от светлого ковра и зацепиться им за серые глаза напротив. — Что мне просто больно и неприятно это вспоминать? — С

неприкрытым обвинением, постепенно повышая градус разговора, начала я. — Ч то я не хочу, чтобы ты вот так на меня смотрел?! — Сорвалась на откровенный крик.

— Как так?!

— С жалостью, с тревогой, чтобы ты просто это знал, я не хотела, не хотела!

Марат быстро из-за стола встал, у моих коленей на корточки присел и за руки взял, словно оберегал от чего-то.

— Марина...

— Никто не знает, я никому не рассказала. Никому, никому! Как это мерзко, как стыдно...

— Ты ни в чём не виновата, тебе нечего стыдиться.

— Я боялась, всё равно доказать бы мало что удалось, у него родители влиятельные в нашем городе, элита, такой скандал! А потом Андрей... они бы заставили меня избавиться от него. Никто не стал бы на мою сторону. Никто! И я молчала.

— Ты не обращалась за помощью?

Я головой покачала, прикрыв глаза, пыталась отдышаться, но грудь словно тисками сдавили.

— Марин, прости меня...

— Ты не виноват... дело во мне.

— Он больше не появится в твоей жизни, я обещаю. Мы к психологу обратимся, так нужно, поверь. Всё можно исправить.

Я смотрела на него с грустной улыбкой, гладила по непослушным волосам, по лицу.

— У тебя замечательный сын, самый лучший и он никогда не узнает о том, что теперь знаю я. Вместе мы справимся.

— И больше не будет недоверия?

— Кажется, ты не хотела любовного треугольника? — Вместо ответа поддел меня Марат и легко губами моих губ коснулся. — Предлагаю недоверие навсегда оставить за порогом нашего дома.

Посидев ещё немного рядом с ним, я почувствовала, как накатывает усталость.

— Пошли спать.

— Иди. Я через десять минут буду.

Я посмотрела с тревогой, а Марат улыбнулся.

— Я только сделаю пару звонков, а потом весь твой. Договорились?

— Договорились.

Когда вышла из кабинета, Марат дверь за мной прикрыл, слышались удаляющиеся шаги, а потом тихое пиликание клавиш на телефоне.

— Привет. — Страшным, точно неживым голосом проговорил он в трубку. Мурашки по коже табуном пробежали только от той зловещей интонации, с которой он произнёс обычное слово.

Ему что-то ответили, он рассмеялся, только ото этого смеха весело не стало.

— Ты ведь помнишь, что должен мне? — В голосе угроза. — Есть один человек, так вот, я хочу, чтобы его не было. — ... — Нет, мне всё равно, что с ним будет. На твоё усмотрение. Главное, чтобы он никогда не появился рядом. — ... — Что сделал?.. Он взял то, что принадлежит мне. — ... — Изменения есть. — Уже добрее, спокойнее, без звона металла в голосе. — Скоро женюсь. — ... — Я и сам себе завидую. — ... — Уже сегодня я хочу спать спокойно. Да, информация как обычно. Пока.

Через минуту раздался телефонный звонок. Я под дверями вздрогнула от неожиданности, а Марат не сразу ответил, видимо, уже стоит и думает, что налить из бара. Пара щелчков телефонных кнопок и незнакомый голос. Марат громкую связь включил, он так делает иногда, когда разговор важный и нужно подумать, что ответить. Тогда трубу в руки не берёт, чтобы не раздавить её.

— Здравствуй Марат. — Вежливый старческий голос, размеренный, спокойный, а ужаса наводит на меня больше, чем Марат минуту назад. Я притаилась.

— Добрый вечер. Вы звоните, значит, уже в курсе.

— Я всегда в курсе, ты же знаешь. Что происходит, Марат?

— Ничего. Уже всё произошло. Я принял решение и человек работает, обратного пути нет.

— Ты не посоветовался со мной. Считаешь, у тебя есть такие полномочия?

— Я защищаю свою семью.

— Да, да, наслышан. Теперь и сын есть?

— Есть.

— Так, что делать будем?

— Ничего. Это дело приятно для вас и полезно для меня. С Катей я сам решу.

— Не нужно. Её уже нет в стране. И ещё... Помни, что ты теперь не один... береги себя и свою семью.

— Спасибо, я постараюсь.

— До встречи, Марат.

— До свидания.

Я стояла в оцепенении когда Марат вышел. Бледный, с капельками пота на висках, он не нашёл силы, чтобы улыбнуться.

— Слышала? — Спросил, приподняв бровь. Я кивнула. — Я попрошу тебя больше так никогда не делать.

— У тебя будут проблемы?

— Нет. Идём спать, я устал.

Приобняв меня за плечи, Марат тяжело выдохнул.

— Один мой знакомый строит дома за городом. — Начал он невзначай. — Я присмотрел кое-что, но хочу, чтобы ты решила. Андрей приедет и мы сразу посмотрим, хорошо?

Он шёл рядом и не смотрел в мою сторону, я не знала, что творится у него внутри, но чувствовала холод, идущий от ладони. И это первый раз, когда они холодные.

Марат разделся, лёг в постель, подождал, пока я устроюсь рядом. Уткнулся носом в мою шею, хоть в чём-то я выше него: люблю спать на подушке, а он чуть ниже.

— Я всегда буду рядом с тобой. — Жаркий шёпот за секунду до того, как Марат вырубился на долгих полдня и я даже не знаю, услышал ли он эти слова... я просто хочу быть рядом. Всегда.

Эпилог

— Где моя жена? Где моя жена? Где моя жена?! — Кричал не своим голосом Юрченко М. И., при этом, без перерыва стучал кулаком по дубовому столу, который жалобно поскрипывал под таким напором. — Вы для чего здесь сидите? Какого хрена вы тут делаете, если не можете уследить за одной женщиной?! Где она?! Кто знает? Ты? Ты? Может, ты?!

По очереди тыкал он пальцем в грудь каждого из охранников. Горничные на всякий

случай отступились назад и только работающая в этом доме уже пять лет Татьяна Ивановна смело смотрела нанимателю в глаза.

— Марат Игнатьевич, Марина Максимовна отправилась на обед с подружкой.

— На обед? На обед?! — Покраснел он от крика и голос грозился покинуть его на ближайшую неделю. — Вы время видели? Одиннадцать часов вечера. Какая к чертям, подруга, я их всех обзвонил! — Взвыл он в отчаянии, хватаясь за голову.

— Марат Игнатьевич, всё будет хорошо.

— Да? Я уже несколько лет не знаю, что означает это слово. Где моя жена?

Очередной раз набрав знакомый до боли в пальцах номер, он услышал трель телефонного звонка, раздающуюся где-то на уровне второго этажа. Медленно повернулся в сторону звука и мог увидеть, как его жена, Марина, спокойно спускается с широкой ласкающей улыбкой на губах, предназначенной только для него одного.

— Все свободны. — Кинул через плечо обслуживающей и сзади послышались облегчённые вздохи и быстрый топот ног.

Кое-как справившись с желанием улыбнуться жене в ответ, он насупился.

— Надеюсь, ты не хочешь сказать, что забралась туда по стене? Ещё пять минут назад тебя в доме не было. И можешь не улыбаться так призывно, я жду твоего ответа.

— Я не собиралась нести такую чушь. — Не переставая улыбаться ответила она, подошла вплотную и приткнулась своими губами к плотно сомкнутому его. — Ну же, не дуйся. Я пришла когда ты бушевал в кабинете. Не стала тебе мешать и поднялась переодеться. Ну как, прощена?

— Марина, ты же знаешь, я за тебя беспокоюсь. — Проговорил шёпотом. Присмотрелся, нахмурился, сжал кулаки в жесте бессилия. — А ещё у тебя глаза опять красные, ты плакала? Почему нельзя взять с собой охрану? Да хотя бы Диму! — Практически шёпотом проговорил Марат в её губы, которые никак не хотели отступать, пока не получат законный поцелуй.

— Ты ужинал? — Пропуская последний вопрос, улыбнулась она и потянула в сторону столовой. Через секунду оказалась надёжно зажата в мужских объятиях.

— Не хочу ничего. Душ и спать. С тобой. Мне кажется, это день никогда не закончится. Где ты была? Нет, не смотри на меня так, я просто хочу знать. Ты могла бы мне и отчитаться.

— Когда я увольнялась с работы, ты сказал, что я свободный человек и не обязана ни перед кем отчитываться. — Глядя на непроницаемое лицо, улыбнулась. — А была я в разных местах. — Ответила с интригой в голосе, облизала нижнюю губу и немного её прикусила, дразня.

— Отлично, и что это за места? — Не поддаваясь на провокацию, хмурился Марат.

— Хорошие места. Идём, — из объятий вывернулась и потянула его за руку сильнее, — я наверняка знаю, что Татьяна Ивановна приготовила что-то очень вкусное.

— Марина, не увиливай.

— И не думала.

Резко развернувшись, едва не столкнулась с мужем, он сквозь зубы выругался, но вслух претензий не предъявил.

— Я была сегодня на УЗИ и наша девочка, наконец, призналась, что она девочка.

Марина склонила голову набок, наблюдая, как Марат багровеет.

— Ты ездила без меня! — Не вопрос — обвинение.

— Марат. Ездить с тобой невозможно. Профессор за последние три года дважды

поседел от твоих посещений. Кстати, уточнил, принимаешь ли ты те витамины, которые он рекомендовал?

— Марина, это не витамины — это какие-то антидепрессанты!

— Вот именно, очень тебе полезно. Ты себя когда последний раз в зеркале видел?

Положив руки на плечо мужа, Марина заискивающе смотрела в глаза.

— До того, как женился на тебе. Что ещё сказал?

— Ничего больше. Всё хорошо. Через месяц ждёт на приёме, сказал, будет госпитализировать.

— Тебе ещё рано рожать!

Сделав страшные глаза и надув щёки, Марина перетерпела свой секундный гнев.

— Марат, так нужно. Я лягу заранее, чтобы не пропустить ничего важного. Ты же сам хотел перестраховаться.

— Да, но вы вдвоём мне твердили, что всё хорошо, а теперь почему-то ты заявляешь, что месяц пролежишь в больнице. Я просто хочу знать почему.

Не с криком, но с заботой и настойчивостью, он не отпускал Марину от себя.

— Я могу и не ложиться, если для тебя это так принципиально. — Упёрла она руки в бока и нахмурилась, тут же отметила изменения на лице мужа и его примирительно выставленные вперёд руки.

— Я понял, всё, никуда не лезу, терпеливо жду, пока мне в руки не отдадут ребёнка. Всё верно?

— Именно. — Произнесла с превосходством и истинным удовольствием от победы.

— Всё, а теперь спать. Шедевры кулинарного искусства предлагаю попробовать завтра.

— А я голодная...

Ближе к полуночи, они всё же добрались до постели, где можно было спокойно обнять свою жену.

— Марат... убери руку, мне нечем дышать.

Рука сползла и лежала где-то рядом.

— Марат, я же попросила её убрать. Я не могу уснуть, когда ты так близко.

Перевернувшись на другой бок, Марат лёг на самый край кровати.

— Нет, ну, это невозможно! — Взвыла Марина, чуть не плача. — Прекрати дёргать одеяло. Я снова хочу в туалет! — Крикнула возмущённо, с постели поднялась и направилась в сторону ванной комнаты.

Назад вернулась тихо и, успокоившись, удобно устроилась.

— Прекрати пыхтеть, я не виновата в том, что беременна!

Марат резко подскочил, прихватив с собой подушку и из спальни вышел. Минуту полежав и собравшись с мыслями, Марина прихватила свою подушку, вышла из комнаты и зашла в соседнюю. Легла на постель.

— Ты же знаешь, что я не могу без тебя уснуть! Зачем вскакивать? — Ворчала недовольно, устраиваясь под холодным одеялом.

— Господи, да когда она родит? Марина, прошу тебя, спи!

— Если бы ты мне не мешал, я бы давно уснула.

Марат промолчал, знал, точнее, проверил опытным путём, что спорить с беременной женщиной себе дороже. Поэтому готов выслушать всё, что угодно и согласиться с этим, только бы она осталась довольна.

Утром проснулись вместе. Марат опухший, уставший, Марина свежая и розовощёкая, с

улыбкой на губах.

— Сегодня Света приедет, мы давно не виделись. — Сообщила за завтраком.

— Я безумно рад. Надеюсь, вы будете дома.

— Если ты не против. — Намекнула Марина на предыдущий раз, когда Марат вытолкал Свету чуть ли не взащей.

— Ты же знаешь, я всегда рад твоим гостям.

— Я на это надеюсь. Андрей звонил?

— Уже в Бостоне. В одиннадцать у него самолёт. Я не понимаю, зачем ты дёрнула его из университета? Там важно не пропускать.

— Я соскучилась.

— Я тоже, но у Андрея на каникулы были свои планы.

— Можно подумать! Я вообще не понимаю, что он там делает, ведь на год младше всех. Неужели ему интересно?

— Даже не буду тебе отвечать. — Внушительно глянул Марат, приподняв брови. — Я с утра поработаю дома, когда приедет Света передай ей от меня привет.

С этими словами он встал из-за стола и скрылся в кабинете.

— Грубиян. — Выдохнула ему вслед и тут же улыбнулась подруге, которая уже топталась на пороге столовой. Хорошо, что Марат её не заметил.

— Привет, Светуль.

— Привет. Как ты живёшь с этим ворчуном, я никак понять не могу?

Плюхнулась она за стол на хозяйское место, под недовольный взгляд Татьяны Ивановны.

— Света, руки. — С укором глянула та.

— Да ладно вам, тёть Тань, всё с моими руками в порядке. — Улыбнулась Света домработнице, кивнула, предлагая принести и ей порцию, а Марина удовлетворённо вздохнула.

— Всё хорошо Свет. Просто он переживает.

— И переживал бы себе молча. Зачем людей гнобить? — Хлебнула сок из его стакана. — Фу, какая гадость. У вас в доме сахара нет?

— Марат перешёл на здоровое питание, пьёт только свежавыжатый. — Пояснила Марина, отпивая из своего стакана компот из сухофруктов.

— Лучше бы он курить бросил. Дымит как паровоз!

— Я работаю над этим. — Подмигнула Марина, они обе смолкли, пока перед Светой появлялись блюда на завтрак.

— Живёте тут, как зажиточные. Что врач говорит? — Спросила как бы невзначай, но тут же в сторону кабинета посмотрела, чтобы Марат не услышал. Марина сделала то же самое.

— А что он может мне сказать после трёх поздних выкидышей за пять лет? Лежите, говорит, с задранными кверху ногами, не шевелитесь, не перенагружайтесь и, желательно, дышите через раз. Я устала Света! Все нормальные женщины детей вынашивают, а я свою вылёживаю.

— Ну, ничего, сколько тут потерпеть осталось? Марат хоть не знает?

— Конечно нет! — Кивнула Марина с лёгкой паникой в глазах. — Он уверен, что всё хорошо. То есть, я думаю, что он уверен, но иногда мне кажется, что Марат втайне общается с профессором и тот всё выкладывает ему как на тарелочке. Я пока вчера выплакалась в

сквере, после посещения гинеколога, так и ночь на дворе, пришла, а он тут рвёт и мечет, душу готов из каждого вытрясти.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, хмурый, как грозовая туча Марат прошёл через всю гостиную к столовой зоне. Напротив Марины остановился, Свете кивнул, видимо, этот жест должен расцениваться как приветственный.

— Сегодня в обед я отвезу тебя в больницу. Думаю, причины ты знаешь. Вопросы есть?

— Вопросов нет. — Улыбнулась и похлопала ресницами.

— Охрану я на всякий случай предупредил, чтобы вас обеих не выпускали. Хотите, можете вдвоём в больницу ехать — палата оплачена. Дурейте там, но хотя бы под присмотром врачей.

— Спасибо, дорогой, за заботу. — Со сквозящим сарказмом поблагодарила Марина.

— Всё для тебя, дорогая. — Не остался в долгу Марат и вернулся в свой кабинет.

— Сдал тебя профессор как стеклотару. А, может, оно и к лучшему. Только я твоего мужа, когда он в таком настроении, боюсь. Как он вообще, при мне так всегда такой, а при тебе?

Марина задумалась и мыслям своим улыбнулась, попыталась это спрятать и совсем тихо сказала:

— Марат он... грубый, циничный, жёсткий эгоист, ревнивый до чёртиков, не считается с моим мнением. Принципиальный, любит тотальный контроль. Он не ангел с сахарными крылышками и никогда им не был. После совместной жизни я это ощущаю особенно остро. Когда Марат разговаривает с подчинёнными... я не могу, у меня просто никаких моральных сил нет это выслушать, поэтому ухожу. Единственное, в чём мы советуемся, так это в вопросах воспитания сына, в вопросах быта. Он такой... сложный и взрывной, но для меня делает небольшое послабление по всем пунктам. И за это я его люблю.

— За то, что есть послабления?

— За то, что выделяет меня из толпы. Я для него одна, особенная, и это многое значит в отношениях. Он так смотрит, что жизнь за него отдать готова.

— Да-а... а сколько бегали друг от друга...

— Просто среди всей прочей суеты мы не могли найти две минуты, чтобы поговорить.

На секунду замерла, чувствуя, что происходит что-то неладное, а потом расслабилась. «Люблю тебя» — сжала Марина кулаки под столом, когда почувствовала, как на седьмом месяце беременности отошли воды.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net